

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИДЕИ И ЛЮДИ

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Коллектив авторов

**Российский либерализм:
идеи и люди**

«Новое издательство»

2007

Коллектив авторов

Российский либерализм: идеи и люди / Коллектив авторов —
«Новое издательство», 2007

Книга представляет собой галерею портретов русских либеральных мыслителей и политиков XVIII–XX столетий, созданную усилиями ведущих исследователей российской политической мысли. Среди героев книги присутствуют люди разных профессий, культурных и политических пристрастий, иногда остро полемизировавшие друг с другом. Однако предмет их спора состоял в том, чтобы наметить наиболее органичные для России пути достижения единой либеральной цели – обретения «русской свободы», понимаемой в первую очередь как позитивная, творческая свобода личности. 2-е издание, исправленное и дополненное.

© Коллектив авторов, 2007

© Новое издательство, 2007

Содержание

Предисловие	5
Никита Иванович Панин: «В России кто может – грабит, кто не может – крадет!»	8
Николай Иванович Новиков: «Худой человек всегда бывает и худой гражданин»	15
Александр Романович Воронцов: «Не под царем, а рядом с ним...»	24
Адам Адамович Чарторыйский: «Я хотел политики, основанной на общем благе и соблюдении прав каждого...»	32
Михаил Михайлович Сперанский: «Поменять шаткое своеволие на свободу верную...»	42
Александр Иванович Тургенев: «Я – космополит и русский в одно время...»	48
Николай Иванович Тургенев: «Нельзя произнести слово человек, чтобы не иметь вместе с ним понятия о свободе»	55
Никита Михайлович Муравьев: «Масса людей может сделаться тираном так же, как и отдельное лицо»	64
Михаил Сергеевич Лунин: «Для меня открыта только одна карьера – карьера свободы...»	73
Михаил Александрович Фонвизин: «Рабство есть главное условие несовершенства нашего общественного состава...»	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Российский либерализм: идеи и люди

Под общей редакцией А. А. Кара-Мурзы

Предисловие

Первое издание этой книги¹, ставшей плодом сотрудничества фонда «Либеральная миссия» и «Нового издательства», увидело свет в 2004 году и разошлось очень быстро. Перед читателями – новое, существенно расширенное издание, куда, в дополнение к уже имевшимся 46 текстам, вошли 50 новых очерков о видных отечественных либералах прошлого.

Книга теперь открывается портретами видных конституционалистов рубежа XVIII–XIX веков: гр. Н. И. Панина, гр. А. Р. Воронцова, кн. А. А. Чарторыйского. «Диссидентскую» ветвь отечественного либерализма по праву открывает очерк о крупнейшем просветителе екатерининской эпохи Н. И. Новикове.

Подобное «углубление в историю» (старое издание открывал очерк о М. М. Сперанском) помогает четче прояснить истоки и причины генезиса либерализма в России, увидеть в этом взаимосвязь внутренних российских процессов и попыток имплантации общеевропейских образцов. Становится очевидным, что появление в России либеральных проектов (конституционно-реформаторских, просветительских и т.д.) является в первую очередь результатом осмысления причин и последствий всплесков «русской смуты» середины XVIII и рубежа XVIII–XIX столетий, связанных с крайней неустойчивостью самодержавно-бюрократического строя и его уязвимостью перед лицом «внутреннего варварства». А это означает, что Россия, с некоторой задержкой, пришла к общеевропейскому выводу, лежащему в основе *либерального проекта* как такового²: человеческой цивилизации угрожает не только «варварство снизу» (позднее Пушкин отчеканит формулу «бунта бессмысленного и беспощадного»), но и «варварство сверху», ибо самовольная, неправовая власть оборачивается в конечном счете главным врагом не только искомого гражданского строя, но и самой государственности.

Либеральный социокультурный (и в этом контексте – политический) проект, таким образом, состоит в том, чтобы промыслить и реализовать *срединный путь* между деспотизмом и хаосом, между Сциллой неправовой «Власти» и Харибдой неправовой «Антивласти». Роль Запада, как устоявшегося идентификационного зеркала для мыслящей России, становится, таким образом, более отчетливой: *путь Запада* является для российских либералов не только *образцом* для подражания, но и важным историческим *уроком*. И в этом смысле уроки западноевропейских революций (в первую очередь Французской) также лежат в основе зарождения и развития отечественного либерализма.

Реализация срединного, либерального пути связана в первую очередь с расширением личных прав и свобод и – параллельно – круга индивидуальной и общегражданской ответственности. Импульсы к реализации этой стратегии, как показывает опыт, могут исходить как от самой власти (реформаторство сверху), так и от становящейся все более ответственной (т.е. не скатывающейся ни в нигилизм, ни в угодничество) оппозиции. В этом общелиберальном проблемном поле неизбежно возникают внутренние, иногда чрезвычайно острые противоречия, поэтому конечный успех срединной стратегии зависит от степени просвещенности и толерантности не только «власти» и «народа», но и самого либерального лагеря.

¹ Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2004. 616 с.

² См.: Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.) / Под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Институт философии РАН, 2004.

Углубление в проблему генезиса российского либерализма в настоящем издании способствовало принципиальному расширению исследовательского поля. Так, в издании 2004 года был достаточно скудно представлен «декабризм», что объяснялось не только форматом книги, но и тем ощущением, что этот фрагмент русской эмансипаторской традиции наименее пострадал в советской историографии. Очевидно, однако, что произошло это за счет выхолащивания собственно либерально-реформаторской сути декабризма и искусственного «подтягивания» его к большевистской традиции. В настоящей книге на примере жизненных судеб Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, М. А. Фонвизина, И. Д. Якушкина предпринята попытка выделить *собственно либеральный* элемент декабризма – как программно-политический, так и этический.

Важной чертой первого издания книги явилось повышенное внимание к эпохе преобразований Александра II как к принципиально новому этапу либерального реформаторства в России. Представленные в книге 2004 года очерки о вел. кн. Константине Николаевиче, министрах-реформаторах А. В. Головнине, Д. Н. Замятнине, о других деятелях помогли представить Великие реформы 1860-х не просто как реализацию замысла Царя-Освободителя, но как *комплексный процесс*, ведомый слаженной «командой» и затронувший (в отличие от более ранних спонтанных либеральных инициатив) глубинную почву России. В новом издании эта плодотворная линия продолжена очерками о братьях Н. А. и Д. А. Милютиных, М. Х. Рейтерне, Е.И. Ламанском и других виднейших деятелях той эпохи.

Серьезная новация настоящего издания касается российского политического либерализма. Уже в предисловии к первому изданию мы постарались обосновать правомерность включения в книгу не только «классических либералов» начала XX века – конституционных демократов, но и их оппонентов из числа «консервативных либералов», часто критиковавших кадетов «справа». Некоторым рецензентам (надо заметить, в целом благожелательным) этого показалось недостаточным, и они справедливо указали на необходимость включения в отечественную либеральную традицию не только «демократического реформизма» М. М. Ковалевского или «мирнообновленчества» гр. П. А. Гейдена и М. А. Стаховича (что было сделано в первом издании), но и «либерального октябризма». В новое издание включены очерки о братьях А. И. и Н. И. Гучковых, кн. Н. С. Волконском, Н. А. Хомякове, М. М. Алексеенко, С. И. Шидловском, В. М. Петрово-Соловово, которые в целом сумели соблюсти меру сотрудничества с правительственным лагерем (например, с П. А. Столыпиным) и оппонирования ему с либеральных позиций.

Впрочем, в первом издании мы, как оказалось, много «задолжали» и самим конституционным демократам. В новое издание включены очерки о В. Д. Набокове, А. А. Корнилове, В. А. Караулове, П. Я. Ростовцеве, К. Ф. Некрасове, С. В. Востротине. Представлены также виднейшие либеральные деятели, главные заслуги которых находятся не на партийном, а на общественном поприще: кн. Г. Е. Львов, Н. И. Кареев, А. С. Посников, кн. С. Д. Урусов, М. В. Челноков, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. Н. Львов, гр. С. В. Панина, Н. И. Астров, С. А. Котляревский и др.

Проблемы соединения либерализма с отечественной правовой традицией нашли свое дальнейшее отражение в статьях о таких корифеях либерально-правовой мысли, как А. Д. Градовский, Г. Ф. Шершеневич, П. И. Новгородцев, И. В. Михайловский, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий. Важную новацию по отношению к первому изданию являет собой включение в настоящую книгу очерков о крупнейших русских предпринимателях, активно участвовавших как в общелиберальных теоретических поисках, так и в практической политике (С. И. Четвериков, П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов). Эмигрантский период развития русской либеральной мысли усилен в новом издании именами таких выдающихся интеллектуалов, как философ С. Л. Франк и культуролог В. В. Вейдле.

Новый формат издания позволил не только принципиально расширить «галерею портретов» отечественных либералов, но и усложнить саму концепцию книги, проследить *логику эволюции* самого русского либерализма как интеллектуального и политического явления. Мы, например, сочли содержательно оправданным включение в новое издание персонажей, которые, будучи одно время либералами *по преимуществу* (иногда даже лидерами либерального лагеря), при изменении общественной обстановки отошли от либеральных принципов. Имеются в виду в первую очередь очерки о кн. П. А. Вяземском, М. Н. Каткове, А. И. Герцене, Н. Х. Бунге. На наш взгляд, ошибкой было бы как раз обратное – полное отлучение этих важнейших фигур от истории отечественного либерализма.

За прошедшее с момента выхода первого издания время в нашей общественной жизни многое изменилось. Среди несомненно позитивных моментов можно отметить тот факт, что в российских регионах, буквально на глазах, возрождается интерес к истории отечественного либерализма. Постепенно приходит стойкое осознание того, что либерализм в России – это не поверхностное заимствование, якобы чуждое русской «цивилизационной матрице», а, напротив, важнейший и неустрашимый элемент национальной традиции. Сегодня усилиями местных историков, краеведов, при поддержке общественных организаций, активистов либеральных политических партий (прежде всего – «Союза правых сил») во многих городах России восстанавливаются имена крупнейших российских либералов.

Во Владимире открыты мемориальные доски гр. М. М. Сперанскому и Ф. Ф. Кокошкину. На Рязанской земле – А. В. Головнину и А. И. Кошелеву. В Ярославле – кн. Д. И. Шаховскому, кн. С. Д. Урусову и К. Ф. Некрасову. В Смоленске – Н. А. Хомякову, а в Вязьме – А. С. Посникову. В Москве – Б. Н. Чичерину и И. С. Аксакову. В Усмани и Воронеже – А. И. Шингареву. В Енисейске – С. В. Востротину. В Ельце – М. А. и А. А. Стаховичам. В Волоколамске – Д. Н. Шипову; в Рузе – кн. Павлу Д. Долгорукову. В Липецке – кн. А. И. Васильчикову, а в Чаплыгине (бывшем Раненбурге) – кн. Н. С. Волконскому. Усилиями энтузиастов установлено место захоронения кн. Петра Д. Долгорукова на Князь-Владимирском кладбище г. Владимира (он скончался в 1951 году в тюремной больнице Владимирского централа). Увековечена память гр. П. А. Гейдена в его имении в с. Глубокое Псковской области; приведена в порядок могила графа, разрушенная при большевиках.

Работа по изучению национального либерального наследия будет продолжена. Фонд «Либеральная миссия», в течение многих лет находящийся на переднем крае этой работы, рассчитывает на привлечение новых сторонников и новых авторов.

Алексей Кара-Мурза

доктор философских наук,

член Совета фонда «Либеральная миссия»,

член Федерального Политсовета партии «Союз правых сил»

Никита Иванович Панин: «В России кто может – грабит, кто не может – крадет!»

Нина Минаева

Н. И. Панин родился 18 сентября 1718 года в Данциге. Его отец, генерал-поручик, служил там в комиссариате, снабжавшем русскую армию. После окончания Северной войны он был переведен в городок Пернов Ревельской губернии, где и прошли детские годы Никиты.

Никите Ивановичу удалось подняться выше всех в роду, хотя фамилия Паниных уходит своими корнями в глубокую старину. В 1530 году, в год рождения великого князя Ивана Васильевича, будущего царя Ивана Грозного, предок Никиты Ивановича – Василий Панин был убит в неудачном Казанском походе. Однако не только при Рюриковичах, но и при Романовых Панины не затерялись. При Михаиле Федоровиче, в 1626 году, другой предок – Никита Федорович – значился в числе дворян, пожалованных прибавкою оклада. На Земских соборах царя Алексея Михайловича звучал голос думского дворянина Панина, по отцу – Никитича.

При дворе Федора Алексеевича знатный дворянин Василий Васильевич Панин, комнатный стольник, участвовал в решении важных дел. И хотя он был близок к Милославским – врагам будущего царя Петра Алексеевича, это не помешало ему отдать своих сыновей на службу молодому государю. Немалые дипломатические способности пришлось применить тогда любящему отцу. Это умение приспособиться к обстоятельствам и одновременно быть на виду, постоять за себя стало родовой чертой Паниных. В походах Петра Великого уже числились генерал-поручик Иван Васильевич Панин и генерал-майор Андрей Васильевич Панин – сыновья ловкого и дальновидного Василия Васильевича.

Отец Никиты Ивановича Панина – Иван Васильевич – пережил опалу при Петре II и снова вошел в фавор при Анне Иоанновне, стал сенатором. Мать, Аграфена Васильевна, урожденная Эверкалова, была племянницей А. Д. Меншикова. Никита – старший сын в семье; далее следовал Петр, продвинувшийся на военном поприще. Одну из сестер Паниных, Александру Ивановну, выдали за князя Александра Борисовича Куракина, масона и блестящего светского щеголя, личного друга Павла Петровича, вместе с которым он воспитывался и часто совершал заграничные путешествия. Другая сестра, Анна Ивановна, была выгодно выдана замуж за Ивана Ивановича Неплюева, русского посланника в Константинополе, большого знатока Востока и восточной политики. Он прославился также строительством крепостей, позже стал сенатором и начальником Оренбургского края.

Никита Панин начал военную службу при Анне Иоанновне вахмистром конной гвардии, а потом корнетом. При Елизавете Петровне его карьера быстро пошла вверх. Он рано почувствовал вкус к интригам и тайным козням придворного мира и стал опасным соперником А. Г. Разумовскому и И. И. Шувалову. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин поспешил отправить его подальше из столицы – так Никита Панин получил пост русского посланника в Дании.

В Копенгаген он отправился в 1747 году и по дороге, в Берлине, был представлен Фридриху II. Молодой прусский король произвел на него сильное впечатление своим пониманием европейской политики: уже тогда у Панина зародилась мысль о возможном союзе северных европейских государств. В Гамбурге он получил известие о присвоении ему придворного звания камергера и отличительного знака – ключа на голубой ленте, так что в столицу Дании Никита Иванович прибыл вполне представительным дипломатом. Здесь он стал свидетелем открытия датского парламента в Кристианборге, а затем, не успев привыкнуть к европейской жизни и царящим здесь политическим порядкам, в 1748 году был переведен в том же ранге в Швецию. С этой страной императрица Елизавета Петровна вела оживленную дипломатическую переписку. Стокгольм, где Панин провел следующие двенадцать лет, оказал на него боль-

шое влияние. Благодаря своей общительности, проницательности и ироническому уму он был радушно принят королевским окружением, стал вхож в королевский дворец, посещал светские рауты, свел знакомство с дипломатами и высшим обществом. Там же, в Стокгольме, его приняли в одну из влиятельных масонских лож.

Масонство проникло в Швецию в 1730-х годах. К моменту прибытия Панина оно достигло такого влияния, что вскоре, в 1753 году, главным мастером был избран сам король Адольф Фридрих. Нигде в Европе масонство не пользовалось столь сильным покровительством царствующего дома; шведская система оказала весьма ощутимое воздействие на соседние страны. К этому времени в России масонство было давно известно. Источники хранят свидетельства о первой ложе, основанной Петром I или его другом Ф. Лефортом в 1698 году. В начале XVIII века здесь уже действовал основатель масонской ложи генерал Джеймс Кейт, брат лорд-маршала Шотландии Джорджа Кейта. На допросе в тайной канцелярии графа Николая Головина в 1747 году выяснилось, что он состоит в масонской ложе, а кроме него масонские взгляды разделяют братья Иван и Захар Чернышевы.

Постепенно европейские масоны развили структуру и порядки вольных каменщиков до целостного общественного учреждения, а «лекции» средневекового цеха стали переливаться в «конституции». Вполне вероятно, что подобную «конституцию» принимал при вступлении в масонскую ложу и Никита Панин. Он, по-видимому, был знаком и с главной книгой масонов – знаменитой «Книгой конституций» Дж. Андерсона, датированной 1723 годом. Она вобрала в себя «лекции» и «уставы» немецких вольных каменщиков, увидевшие свет еще в 1459 году, а также другие масонские документы XV–XVI веков.

Столь незаурядная личность, как Н. И. Панин, рано или поздно должна была быть востребована в своем отечестве. И такой момент настал: в 1759 году Никита Иванович был отозван в Россию, а в 1760-м по повелению Елизаветы Петровны назначен воспитателем малолетнего Павла Петровича. К моменту возвращения в Россию у Панина, судя по всему, уже сложился план конституционных преобразований абсолютной монархии в России по шведскому образцу. Казалось, обстановка в стране давала ему шанс.

Вскоре после вступления на престол Петра III (1761 год) бывший фаворит покойной императрицы И. И. Шувалов начал тайные переговоры с Паниным об отстранении императора и о передаче власти великому князю Павлу Петровичу при регентстве его матери, великой княгини Екатерины Алексеевны. В то время сама Екатерина соглашалась на такое развитие событий. Она признавалась датскому посланнику в Петербурге барону Остену: «Предпочитаю быть матерью императора, а не супругой!»

В результате переворота 28 июня 1762 года победила партия Орловых, которая поддерживала Екатерину Алексеевну именно как абсолютную монархиню, облеченную неограниченной властью. Однако помощь, оказанная в перевороте Паниным и его сторонниками-реформаторами, тоже не осталась без вознаграждения. В Манифест о воцарении Екатерины, по настоянию Панина, было включено положение об «узаконении особых государственных установлений», фактически являвшееся обещанием императрицы ввести в России «твердые законы», т.е. «Конституцию».

Автором подготовленной «Конституции» выступил сам Никита Иванович, а ее идея могла быть навеяна масонскими конституциями, т.е. сводами правил вольных каменщиков. И тайна, которой окутан первый панинский проект, объясняется, возможно, масонской принадлежностью русского вельможи. Достоверно известно, однако, что в основу его легли принципы государственного устройства шведского королевства, где власть монарха какое-то время была ограничена представительным риксдагом.

В 1762 году Никита Панин представил Екатерине свой политический проект. При монархе планировался Императорский совет из шести–восьми советников. При Совете предполагалось иметь четырех статс-секретарей или министров для наблюдения над четырьмя

департаментами: иностранных дел, внутренних дел, военного и морского. Тогда же автор информировал императрицу о круге лиц, разделявших его позицию. Среди них был елизаветинский канцлер Бестужев-Рюмин, в 1762 году первоприсутствующий в Сенате. Кроме него в «партию Панина» входили князь Я. П. Шаховской, граф М. И. Воронцов, генерал Н. В. Репнин (племянник братьев Паниных), Е. Р. Дашкова, граф А. Г. Разумовский. В декабре 1762 года императрица, казалось, решила пойти на уступки и скрепить проект своей печатью. Однако во время бурного объяснения с Никитой Ивановичем о полноте ее власти она в гневе надорвала лист с уже готовой подписью и бросила в огонь список сторонников ограничения самодержавия.

Со временем Екатерина постаралась устранить всех единомышленников Панина. Но самого автора проекта, которого она и ценила, и побаивалась, не тронула. Вступив на престол, императрица назначила своего сына Павла Петровича законным наследником и продолжала воспитывать его как цесаревича, как это было еще при Елизавете Петровне. Она считала своим долгом дать наследнику первоклассное европейское образование, для этого требовались опытные воспитатели. Одно время стать наставником русского цесаревича предлагали Ж. Л. Д'Аламберу. Французский просветитель ознакомился с манифестом о воцарении Екатерины II, в котором смерть Петра III приписывалась «геморроидальному припадку», и – отказался от почетного поручения, сославшись на то, что страдает тем же недугом. Его примеру последовали Дидро, Мормонтель и Сорент. Пришлось довольствоваться русскими воспитателями, из которых Панин был, несомненно, самым просвещенным.

После неудачной попытки 1762 года создать при Екатерине Императорский совет Никита Иванович сосредоточился на воспитании ее сына в европейском духе, как монарха, который бы советовался с представительным органом власти. В то время главным авторитетом для Панина был прусский король Фридрих II – именно с ним, участником первого раздела Речи Посполитой, они обсуждали когда-то план политического устройства Польши с Постоянным советом при короле.

В основу разработанного плана воспитания будущего монарха были положены принципы, заимствованные в Швеции. Предусматривались экзамены по главным дисциплинам (иногда в присутствии императрицы): истории, географии, математике и другим наукам. Воспитатель приказал перенести свою кровать в опочивальню подопечного и зорко следил за его самостоятельными занятиями. В этом отношении весьма интересны «Записки» С. А. Порошина – первого учителя Павла, человека простодушного и непосредственного, которого Никита Иванович отеснил, как и всех прочих, кто стремился влиять на душу цесаревича. Автор «Записок» свидетельствует, что Панин оставался главным воспитателем Павла Петровича вплоть до его совершеннолетия. Получив звание гофмейстера двора Ее Императорского Величества, он беззастенчиво ограничил сферу деятельности других учителей. «Тебе, – обращался он к Порошину, – военные науки, русская история и география Отечества... Не стеснялся граф указывать и другим учителям их скромное место: Андрею Андреевичу Грекову, немцу Францу Ивановичу Эпинусу, тайному советнику Остервальду, французам Гранже и Теду». Все помыслы Панина были связаны с Европой, с приобщением России к европейскому миру; во имя этого он, по словам Порошина, прибегал «к хитростям и интригам».

Английский посланник в Петербурге сэр Гаррис вспоминал: «Сэр Панин – добрая душа, огромное тщеславие и необыкновенная неподвижность, – вот три его отличительные черты». А французский посланник в Петербурге М. Д. де Корберон так характеризовал его: «Величавый по манере держаться, ласковый, честный против иностранцев, которых очаровывал при первом знакомстве, он не знал слова „нет“, но исполнение редко следовало за его обещаниями, и если, по-видимому, сопротивление с его стороны – редкость, то и надежды, возлагаемые на его обещания, ничтожны. В характере его замечалась тонкость, но это вовсе не та обдуманная и странная тонкость Мазарини, которую скорее можно назвать двоедушием. Тонкость Панина

более мелочна, соединенная с тысячью приятных особенностей, она заставляет говорящего с ним о делах забывать, она обволакивает собеседника, и он уже в плену обаяния графа, он забывает, что находится перед первым министром государыни; она, эта тонкость, может также заставить потерять из виду предмет дипломатической миссии и осторожность, которую следует соблюдать в этом увлекательном разговоре».

Суждения о личности Никиты Ивановича, истинного сына своего века, сохранились также в мемуарах одного из осведомленных и образованных его современников – Ф. Н. Головина, собеседника Вольтера и французских королей. Он утверждал, что Панин обладал большими достоинствами и «его отличала какая-то благородность в обращении, во всех его поступках... внимательность, так что его нельзя было не любить и не почитать: он как будто к себе притягивал. Я в жизни моей видел мало вельмож, столь по наружности приятных. Природа его одарила сановитостью и всем, что составить может прекрасного мужчину. Все его подчиненные его боготворили».

Желая показать императрице свое усердие, главный воспитатель придумал игру, которая должна была удерживать великого князя от шалостей и дурных поступков. Он начал выпускать особые «Ведомости», где в отделе «Из Петербурга» упоминались все проступки Павла Петровича. Панин заверял, что о них будет знать вся аристократия Европы, так как «Ведомости» рассылаются по разным странам.

Сильное влияние гофмейстера на наследника не могло не беспокоить императрицу. Чтобы несколько уменьшить эту опасность, она через год после воцарения назначает его также главой департамента иностранных дел, и в самом деле полагая, что он, благодаря своим европейским связям, наиболее подходит для этой должности.

В 1767 году Екатерина привлекла Никиту Панина к работе Уложенной комиссии (1767–1769), которая была создана ею как бы в осуществление обещанных в Манифесте твердых «государственных установлений». Этот временный коллегиальный всесословный орган предусматривал разработку и обсуждение важнейших законов. Он оказался малоэффективен, но работали в нем многие талантливые люди, в том числе Д. И. Фонвизин, в то время уже известный писатель. Там и состоялось его первое знакомство с Паниным. А в 1769 году Никита Иванович пригласил Фонвизина в департамент иностранных дел. С тех пор их сотрудничество, как по службе в департаменте, так и в качестве соавторов и единомышленников в разработке основных положений «конституции», стало постоянным. К тому же оба принадлежали к масонству, которое в 60-е годы XVIII века продолжало влиять на общественную жизнь русской аристократической верхушки.

Росту политического влияния Никиты Панина весьма способствовали обстоятельства подавления восстания Пугачева. 9 апреля 1774 года скончался генерал-аншеф А. И. Бибиков, руководивший всей кампанией. Пугачев набирал силу, была захвачена Казань, разорен Саратов. Требовалось срочно назначить нового опытного командующего карательной армией. Тогда-то ловкий Никита Иванович и напомнил императрице о своем брате – генерале Петре Панине, который пребывал в опале и жил в Москве. После героической битвы и взятия турецкой крепости Бендеры (27 ноября 1770 года) Петра Ивановича наградили орденом Святого Георгия и отстранили от дел. Его оппозиционные настроения были известны императрице. По свидетельству М. Пассек, именно Петр Панин стал инициатором московского восстания («чумного бунта») 15 сентября 1771 года, за что и поплатился. Но теперь, в трудный момент, Екатерина II закрыла на это глаза. А. С. Пушкин, изучая историю Пугачевского бунта, замечал: «В сие время вельможа, удаленный от двора и... бывший в немилости, граф Петр Иванович Панин сам вызвался принять на себя подвиг, недовершенный его предшественником. Екатерина с признательностью увидела усердие благородного своего подданного».

29 июля 1774 года был подписан рескрипт Военной коллегии, объявляющий Петра Панина командующим войсками, направленными против Пугачева. Однако, зная о политиче-

ских амбициях братьев и не чувствуя себя уверенно, Екатерина одновременно призвала на помощь князя Г. А. Потемкина: она рассчитывала, что именно он первым известит ее о поимке Пугачева. И все-таки генералу Панину удалось послать курьера раньше. Весть об этом облетела всю Россию, и общественное мнение сложилось в пользу Паниных. Правда, спустя некоторое время Петр Иванович, пожалованный за поимку Пугачева должностью «владельца» Оренбургского края, мечом, алмазами украшенным, орденом Святого Андрея Первозванного и 6 тысячами рублей серебром, вновь оказался в опале.

Недоверие Екатерины к братьям Паниным возрастало по мере приближения совершеннолетия цесаревича, связанного с вопросом о его бракосочетании. Мать заблаговременно стала подбирать сыну невесту. Она повела переговоры с ландграфиней Гессен-Дармштадтской насчет смотра трех ее дочерей. Выбор пал на Вильямину, образованную молодую принцессу, жаждущую известности. В эти переговоры вмешался Никита Панин, в чем и был уличен.

Озлобление сановников и усилившаяся настороженность самой императрицы совпала с новым витком работы Никиты Панина над конституционным проектом. Торопясь провести свой проект в жизнь, он инспирировал заговор против Екатерины. В эти планы Андрей Разумовский посвятил Вильямину – прямо на борту корабля, на котором принцесса плыла в Россию.

Брак великого князя Павла Петровича и крещенной в православную веру принцессы Вильямины (Наталии Алексеевны) оказался несчастливym. Вскоре молодая супруга умерла, то ли в результате происков Екатерины, то ли по другим причинам. Впавший в отчаяние Павел раскрыл матери замыслы заговорщиков. Императрица вынудила архиепископа, принимавшего исповедь умирающей, перечислить имена участников заговора. Среди них был назван и Никита Панин. С этого момента его отстранили от должности гофмейстера и воспитателя цесаревича. По своему обычаю императрица сопровождала отставку щедрыми дарами. Но огорчению Панина не было предела: его отлучили от его основного замысла. С досады он роздал часть царских подарков своим секретарям, в том числе Фонвизину – 4 тысячи крепостных крестьян.

Сведения о заговоре 1773–1774 годов скупы. Лишь спустя много лет о нем рассказал племянник Дениса Фонвизина Михаил Александрович Фонвизин, декабрист, участник «Союза благоденствия». В своих написанных уже в ссылке воспоминаниях он приводит рассказы отца, очевидца тех событий. Михаил Александрович утверждал: когда великий князь Павел достиг совершеннолетия и женился на Наталии Алексеевне, граф Никита Панин, его брат Петр, княгиня Дашкова, князь Н. В. Репнин, митрополит Гавриил и несколько гвардейских офицеров составили заговор с целью свергнуть Екатерину и посадить на трон наследника, который должен был принять выработанную Паниным «Конституцию». Судя по всему, именно к этой редакции «Конституции» секретарь Панина Д. И. Фонвизин и написал пространное введение – «Рассуждение о неперемennых государственных законах». В основу его был положен первый панинский проект «конституции» 1762 года. Полностью проект не сохранился: его сожгли во время налета полиции, преследующей масонов в доме другого брата Д. Фонвизина – Павла Ивановича, директора Московского университета. Удалось спасти лишь введение, которое незаметно вынес младший брат Фонвизина – Александр Иванович. Он и сохранил его в своей библиотеке, где позднее с ним познакомились его сыновья-декабристы.

Сохранившаяся часть «проекта Панина – Фонвизина» 1773–1774 годов получила в литературе широкую известность. С нее была снята копия, активно распространявшаяся в обществе. Введение начинается с заявления: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных». Далее идет рассуждение в духе идей Просвещения в тесной связи с патримониальным правом: «Государь, подобие Бога на земле... не может равным образом именовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как поставя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам». Про-

светительский принцип главенства закона явственно проявляется в следующем положении: «Без сих правил... без непременных государственных законов, непрочны ни состояние государства, ни состояние государя».

Было бы заблуждением считать, что «конституция Панина – Фонвизина» полностью оторвана от реальной жизни. Специальный раздел «О злоупотреблениях произвола власти» посвящен порокам общества и государства в России. Примечательно, что именно здесь приведена излюбленная поговорка Никиты Панина: «В России кто может – грабит, кто не может – крадет!» Новый проект исходил из постулата (появившегося лишь в редакции 1773–1774 годов) об определяющей роли дворянского сословия как главной опоры государства. Императорский совет, в раннем варианте состоящий из восьми аристократов, заменялся теперь Верховным сенатом. Часть несменяемых членов его назначалась «от короны», а другая избиралась «от дворянства» дворянскими собраниями в губерниях и уездах. Сенату же передавалась полнота законодательной власти, императору предоставлялась исполнительная власть и право утверждения законов, принятых Сенатом. Спустя полвека Александр I, занимаясь правкой Государственной уставной грамоты 1818–1820 годов, остановил свое внимание именно на том параграфе, где речь шла о компетенции законодательной власти, и оставил ремарку: «Избиратели могут, таким образом, назначать сами кого вздумается: Панина, например!»

Вторая половина 1770-х ознаменовалась в России новым оживлением масонского движения, которое также пропагандировало конституционную политическую идею. На собрании «Ложі Немезиды» в сентябре 1776 года «ложа Рейхеля» слилась с ложами патриарха русского масонства (по английскому обряду) И. П. Елагина. Были определены общие обряды и «акты трех степеней»; великим мастером был избран Елагин, наместным мастером – Никита Панин. Через несколько дней, 30 сентября, князь А. Б. Куракин отправился в Стокгольм, чтобы сообщить королю Швеции о втором браке наследника русского престола Павла Петровича. Куракин вернулся, облеченный особыми масонскими полномочиями, и привез специальную масонскую литературу. Среди книг, которые читал в эти годы Н. И. Панин, обращает на себя внимание сочинение Л.-К. Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», вышедшее в 1775 году. Известно, что именно Никита Панин познакомил с этой книгой цесаревича и его новую супругу Марию Федоровну.

Между тем утвердившаяся у власти императрица Екатерина Великая противопоставила панинскому пониманию роли монарха собственное толкование. Осуждая крайние проявления деспотии, она в то же время полагала «неудивительным», что «в России было среди государей много тиранов»: «Народ от природы беспокоен и полон доносчиков и людей, которые под предлогом усердия ищут лишь, как бы обратить в свою пользу все для них подходящее; надо быть хорошо воспитану и очень просвещену, чтобы отличить истинное усердие от ложного, отличить намерение от слов и эти последние от дел. Человек, не имеющий воспитания, в подобном случае будет или слабым, или тираном по мере его ума; лишь воспитание и знание людей может указать настоящую середину».

Самовластие, облеченное в просвещенные формы, – вот идеал русской власти. В этом своем убеждении Екатерина следовала принципам Фридриха II Великого, который ей покровительствовал, когда она была еще бедной немецкой принцессой Софией-Фредерикой-Августой. От Фридриха восприняла русская императрица и принципы общения с людьми: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не веряйтесь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хоть оно было на краю света: по большей части оно скромно и прячется где-то в отдалении... Доблесть не лезет из толпы, не жадничает, не суетится и позволяет забывать о себе. Никогда не позволяйте льстецам осаждать вас: давайте почувствовать, что вы не любите ни похвал, ни низостей. Оказывайте доверие лишь тем, кто имеет мужество при случае вам поперечить и кто предпочитает ваше доброе имя вашей милости. Выслушивайте все, что хоть сколько-нибудь заслуживает внимания; пусть видят, что вы мыслите и чувствуете так, как вы

должны мыслить и чувствовать. Поступайте так, чтобы люди добрые вас любили, злые боялись и все уважали. Храните в себе те великие душевные качества, которые составляют отличительную принадлежность человека честного, человека великого и героя».

Итак, между екатерининским представлением о государственной власти и панинскими замыслами преобразования России пролегла глубокая пропасть. Политика «просвещенного абсолютизма» принципиально противоречила идее Никиты Панина о создании «конституционного государства», опирающегося на закон, право и «фундаментальное законодательство».

Последняя, третья редакция «Конституции» Панина относится к 1783 году – году его кончины. Свидетельством ее существования являются две записки, написанные рукой великого князя Павла Петровича после последнего его свидания с бывшим воспитателем. «Рассуждение вечера 28 марта 1783 года» содержит текст Конституции, продиктованный умирающим Паниным своему воспитаннику. Записка открывается положением о главной функции государства, обязанного обеспечить безопасность своим подданным. Далее следует положение о разделении властей: законодательная власть отделена от власти, законы хранящей, и исполнительной. Законодательная власть сохраняется за государем, но «с согласия государства». Власть, законы хранящая, – «в руках всей нации», исполнительная – «под государем». Здесь повторяется мысль о роли дворянства, которое должно активно участвовать в государственном управлении через Сенат и министерства.

Вторая записка посвящена министерской структуре и утверждению нового закона о престолонаследии с «предпочтением мужской персоны». Этой запиской Панин убеждал Павла Петровича в его законных правах на российский престол.

После убийства императора Павла его сын Александр I обнаружил секретный ящик с «важными документами». Историк М. И. Семевский писал по этому поводу: «Все бумаги Павла Петровича после его насильственной смерти перепуганный сын его, ставший императором Александром I, поручил разобрать другу Павла Петровича князю Александру Борисовичу Куракину». Сам молодой царь обнаружил «собственную шкатулку отца, наткнувшись на потайной ящик письменного бюро». Куракин собственноручно скопировал эти документы и «озаботился оставлением у себя одной копии».

Известно, что долгое время секретарем при А. Б. Куракине работал молодой М. М. Сперанский, который, судя по всему, подробно ознакомился с «бумагами Павла Петровича». Возможно, именно оттуда, из найденных им конституционных проектов Никиты Панина, берут начало идеи Сперанского-реформатора.

В ночь с 30 на 31 марта 1783 года граф Никита Иванович Панин скорпостижно скончался. Говорили, что цесаревич Павел рыдал над телом покойного. О потере своего друга глубоко скорбел и Денис Фонвизин, сказавший тогда: «Всякий смертью Панина *Нечто* потерял!»

Нечто – это и есть та мечта Никиты Панина о твердых законах в России и об ограничении самовластья, за которую он боролся столько лет, сам не очень веря в быстрое осуществление своего замысла. Его излюбленная поговорка к концу жизни приобрела еще более горький оттенок. Теперь он повторял: «На Руси кто может, тот дерет; кто не может – тот берет; а кто работает – тот страдает!»

Николай Иванович Новиков: «Худой человек всегда бывает и худой гражданин»

Надежда Коршунова

Николай Иванович Новиков (1744–1818) – один из ярчайших русских просветителей, был наделен огромным литературным, журналистским и издательским талантом, а его судьба отразила все противоречия истории России последней трети XVIII – начала XIX века.

Н. И. Новиков родился 27 апреля 1744 года в селе Тихвинское-Авдотьино Коломенского (затем Бронницкого) уезда Московской губернии, в семье небогатого помещика. Как было принято в то время, начальное образование он получил дома: грамоте и арифметике его научил дьячок местной церкви. Однако его отец, Иван Васильевич, считал такое образование недостаточным и в 1755 году определил Николая во французский класс гимназии при Московском университете. Обучение длилось пять лет. Первый год – русская школа (русский язык, арифметика, латынь); второй и третий – французская школа (арифметика, география, история, геометрия, французский язык, «штиль российский и сочинение писем»); четвертый и пятый – школа «первых оснований наук» (география, геометрия, история, языки и философия). Французскую школу Новиков окончил в 1758 году с отличием, что было отмечено в газете университета «Московские ведомости». Но в дальнейшем учеба шла не так гладко: за «леность и нехождение в классы» Н. И. Новикова 3 июня 1760 года отчислили из гимназии. (По другим сведениям, из-за болезни отца он с середины 1760 года жил в деревне и не мог посещать занятия.) В дальнейшем Николай Иванович утверждал, что школьные философы просто «не лезли в его голову».

В начале 1762 года Н. И. Новиков был определен рядовым в лейб-гвардии Измайловский полк. В ночь переворота в пользу Екатерины II он стоял часовым у подъемного моста измайловских казарм, за что произведен в унтер-офицеры. Во время не слишком обременительной военной службы Новиков начал проявлять интерес к книжному делу: издал две переводные французские повести и сонет.

17 августа 1767 года, уже в звании каптенармуса, он, в числе других гвардейских офицеров, был определен «держателем дневной записи» в Уложенную комиссию. По должности ему полагалось вести журналы общего собрания депутатов и Малой комиссии «О среднем роде людей», а также докладывать Екатерине II о состоянии дел Комиссии (благодаря чему Новиков и познакомился с ней лично). Именно работа в Уложенной комиссии сыграла ключевую роль в формировании его мировоззрения.

После завершения работы Большой комиссии, 1 января 1768 года, Новиков перевелся из гвардии в армию в чине армейского поручика и 17 февраля был зачислен в Муромский пехотный полк Севской дивизии, однако к новому месту службы так и не прибыл. На год он задержался в Москве для оформления и сдачи документов по комиссии, а к маю 1769 года оформил свою отставку с военной службы и возвратился в Петербург. В 1770–1773 годах Новиков числился переводчиком Коллегии иностранных дел, однако сам никогда не упоминал об этой службе.

Не чувствуя в себе призвания к государственной службе вообще, в 1773 году Николай Иванович вышел в отставку в чине поручика. «Всякая служба, – писал он позднее, – не сходна с моей склонностью... военная – кажется угнетающей человечество... приказная – надлежит знать все пронырства... придворная – надлежит знать все притворства». В течение ряда последующих лет он занимался изданием сатирических журналов: «Трутенъ» (с 5 мая 1769 года по 27 апреля 1770-го), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772–1773) и «Кошелек» (с 8 июля по 2 сентября 1774 года). Главную задачу журналистики Новиков видел в том, чтобы давать

«сатиру на лицо», то есть указывать на конкретного носителя зла: «Меня никто не уверит в том, чтобы Молиеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок».

На создание «Трутня» Н. И. Новиков отчасти вдохновил официальный журнал «Всякая всячина», где впервые в печати прозвучало моральное осуждение жестокого обращения с крепостными. Одной из главных тем нового издания стала проблема чиновничьего и судебного произвола. Был затронут также очень важный и щекотливый вопрос о превращении крепостного права в систему личного рабства; трутень – это крепостник-помещик. Эпиграфом для своего детища Николай Иванович избрал фразу из притчи Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите».

Естественно, острая сатира «Трутня» не шла ни в какое сравнение с легкой иронией екатерининских журналов, поэтому вскоре он был закрыт. Однако Новиков не собирался расставаться с журналистикой. В июне 1770 года он, теперь через подставное лицо, фон Фока, начинает ежемесячное издание под нейтральным названием «Пустомеля». Хотя в нем должны были печататься произведения не только критического, но и положительного характера, все-таки два номера оказались слишком острыми. В одном из них были помещены две смелые театральные рецензии, в другом – «перевод с китайского А. Л. Леонтьева... Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну». В этой статье говорилось о долге и обязанностях государя и вельможи перед народом «в Китае»...

Свой следующий журнал – «Живописец» – Новиков посвятил Екатерине II («неизвестному» сочинителю комедии «О, время!»). Первоначально в нем высмеивались Наркис Худовоспитанник, Кривосуд, Молокосос, Волокита и др. Появились даже несколько статей самой Екатерины. Но от номера к номеру издание приобретало все более выраженную антикрепостническую направленность («Отрывок путешествия в*** И*** Т***», «Письма к Фалалею»). Правда, кроме чисто сатирических статей «Живописец» помещал также материалы о событиях в России и за рубежом: вероятно, Новиков получал их благодаря своим связям с Коллегией иностранных дел. Так, на его страницах были опубликованы письма Доминика Диодати о «Наказе» Екатерины II (1771) и Самуила Миславского к Е. А. Щербинину о заведении типографии в Харькове; перепечатано «Слово» Д. И. Фонвизина на выздоровление великого князя Павла Петровича и др. С журналом сотрудничали Е. Р. Дашкова, П. С. Потемкин, В. Г. Рубан. Однако из-за начавшейся войны с восстанием Пугачева и это издание было закрыто.

Н. И. Новиков нашел новое применение своим талантам. Он приступает, да к тому же при финансовой поддержке императрицы, к изданию ежемесячной (в течение 1773–1775 годов) «Древней российской вивлиофики». Это первый периодический источниковедческий журнал, где публикуются княжеские грамоты и договоры XIV–XVI веков, дипломатическая переписка и т.п. Самый древний документ, попавший в «Вивлиофику», – Устав князя Владимира Святославича «О церковных судах, и о десятинах, и о церковных людях». Материалы издатель получал из Московского архива коллегии иностранных дел, находил рукописные памятники в библиотеках: Академии наук, Патриаршей, Успенского собора в Москве, Киево-Печерской лавры. Разумеется, проделать такую работу в одиночку невозможно. С Новиковым сотрудничали М. М. Щербатов, Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, текстолог и библиограф Дамаскин (Д. Е. Семенов-Руднев), а также владельцы личных библиотек.

Кроме этого, Н. И. Новиков издал «Опыт исторического словаря о российских писателях», составив его «из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий». В подготовке ему помогали историк Г. Ф. Миллер и поэт А. П. Сумароков. «Словарь» включал 317 биографий (с X по XVIII век), а также перечень главных произведений каждого автора с раскрытием их содержания. Новиков считал необходимым «дать имена всех наших писателей», даже тех, кто опубликовал всего лишь одно произведение. Таким образом он хотел доказать, что русская история и культура ни в чем не уступают европейской: «Рос-

сия о преимуществах в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и искусства в ней распространяются, а писатели наши прославляются». «Опыт исторического словаря...» получил широкую известность. Примечательный факт: Д. Дидро вывез его во Францию в числе других лучших русских книг.

Тогда же Новиков задумывает очередной сатирический журнал «Кошелек». Но теперь он решает несколько изменить направление своей сатиры: заняться порицанием галломании и космополитизма и, напротив, – прославлением национальных достоинств, «древних российских добродетелей». Название имело двойной смысл: мешочек для денег и кожаный или тафтяной мешок, куда укладывалась коса парика. В новом журнале были опубликованы «Разговоры» русского с французом и француз с немцем, «Письмо» из Парижа в защиту французов (явно новиковского сочинения); в этих статьях сопоставляются «добродетели» разных народов. Императрица начинанием заинтересовалась и рекомендовала присылать ей листы для просмотра. Однако Николай Иванович вскоре понял, что издавать журнал самостоятельно он не сможет. Существует также точка зрения, что «Кошелек» был запрещен цензурой по протесту французского посланника.

За эти пять лет журналистской деятельности сформировались взгляды Н. И. Новикова на воспитание граждан, общество, государство и крепостничество. Одновременно с изданием словарей и журналов он пробует себя и как книгоиздатель. Созданное им первое в России объединение «Общество, старающееся о напечатании книг» с девизом «Согласием и трудами» существовало с 1773 по 1775 год. Среди членов «Общества» были Н. А. Радищев, Д. Е. Семенов-Руднев, Я. Б. Княжнин и др. В течение двух лет удалось выпустить двадцать четыре книги: сочинения по истории и этнографии России, прозаические и драматические произведения французских, немецких, английских авторов (среди них «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, трагедии П. Корнеля «Сид» и «Смерть Помпеи», «Размышления о греческой истории» Г. Мабли).

В 1775 году Н. И. Новиков вступил в масонскую ложу «Астрея». Одной из главных причин обращения к масонству стало, безусловно, разочарование в политике Екатерины II, а также открывающиеся финансовые возможности. В 1779-м Николай Иванович переехал в Москву и в том же году получил предложение от одного из кураторов Московского университета, М. М. Хераскова, взять в аренду университетскую типографию. Он тут же взялся за дело и даже вступил в «Вольное Российское собрание». Однако рамки «Собрания» оказались издателю тесны, и поэтому 6 ноября 1782 года он открыл собственное «Дружеское ученое общество», ставившее перед собой обширные просветительские задачи. В 1783 году, после выхода указа, разрешающего иметь частные типографии, Новиков распустил «Общество» и 1 сентября 1784 года создал на его базе Типографическую кампанию. Сам он, с присущим ему юмором, так объяснял свой поступок: «Что касается до собственного моего побуждения к сему, то, признаваясь искренне, скажу, что хотя любовь к литературе и великое в сем подвиге участие имел, но главнейшее побуждение было, конечно, гордость и корыстолюбие; ибо я видел, что типография была в крайне худом состоянии, и я, по знанию моему, надеялся в скором времени ее поправить и тем себя высказать». И действительно, он серьезно обновил оборудование, выписал из-за границы новые шрифты и бумагу.

Занимаясь просветительской и издательской деятельностью, Новиков объединил около ста авторов, переводчиков, редакторов, книготорговцев. Он выпустил в свет труды как русских авторов (Я. Б. Княжнина, А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина), так и известных западных писателей и философов (П. Корнеля, Ж. Б. Мольера, Дж. Свифта, Г. Мабли, Вольтера, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, Д. Дидро и др.). Помимо научной и художественной литературы, в большом количестве выходили учебные книги, азбуки, грамматики, книги для чтения, а также труды по педагогике (Х. В. Геллерта «О нравственном воспитании детей», Дж. Локка «О воспитании детей», Р. Досли «Учитель, или Всеобщая система воспитания»).

Параллельно шло издание журналов просветительно-философской направленности: «Утренний свет» (с сентября 1777 по август 1780 в Петербурге, а с мая 1779 по 1780 – в Москве), «Московское издание» (1781), «Покоящийся трудолюбец». Издавал Новиков и газету «Московские ведомости». А в качестве журналов-приложений к ней выходили: «Экономический магазин» (1780–1789), «Прибавление к Московским ведомостям» (1783–1784), первый журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), первый журнал для сельского населения «Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствие разума и сердца в праздное время, содержащая в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные» (1782–1786).

Одним из редакторов «Детского чтения» был Н. М. Карамзин. Впечатляет богатство и разнообразие тем: кроме нравоучительных повестей, рассказов и театральных пьес, печатались статьи по физике, астрономии, географии и древней истории, биографии и изречения мудрецов древности. При этом журнал имел собственное направление, основанное на любви и гуманизме.

«Утренний свет» явился первым в своем роде нравственно-философским журналом и, как другие новиковские издания, впоследствии был переиздан. Его девиз – «Познай самого себя». Деньги, полученные от этого предприятия, шли на содержание двух училищ – Александровского для мальчиков и Екатерининского для девочек. На страницах журнала появлялась информация об успеваемости учащихся, а также имена меценатов, которые помогали изданию. На средства масонов и на доходы от журналистской и книгоиздательской деятельности при участии Новикова в 1779 году была основана также учительская семинария при Московском университете – первое в России педагогическое учебное заведение.

Этот деятельный человек оказался новатором и еще в одной сфере: в 1779 году он инициировал «Модное ежемесячное издание, или Библиотеку для дамского туалета» – первый женский журнал в России. Издание было начато в Петербурге (с января по апрель), а затем (с мая по декабрь) продолжено в Москве, куда переехал Новиков. Свою цель он определил так: «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение, почему и будут в оном помещаться только такие сочинения или переводы, кои приятны или забавны», а также информация «о новых парижских модах». Всего вышло двенадцать книжек с сатирическими иллюстрациями «Щеголиха на гулянье», «Счастливый щеголь», «Убор а-ля белль пуль», «Чепец победы» и т.д.

Крупных работ по общественно-политической проблематике Н. И. Новиков не написал, но много размышлял на эти темы, анализируя в первую очередь природу человека. Подобно французским просветителям, он считал, что в «естественном состоянии» человек был слаб и незащищен, «скитался в страхе и грубости... спасаясь от жадности себе подобных, от свирепства диких зверей». Сторонник теории «договорной природы государства», он полагал, что «с течением времени опыт показал выгоды нечаянного соединения», так как «после опасного своевольтства следовала, по счастью, всеобщая тишина».

Наиболее приемлемым государственным устройством для России Новиков считал «истинную монархию» во главе с просвещенным монархом, который следует «премудрым законам» и заботится о «народном благе». Только таким образом можно и спокойно править, и обеспечить спокойное преемство своей власти. Напротив, «всякий государь, утверждающий власть свою на неправосудии, скрывает пропасть, которою он или его преемники поглощены будут. Самые великие и жесточайшие возмущения не от чего иного произошли, как от своевольтия и жестокостей государей». Поэтому Новиков и осуждал деспотизм в любых его проявлениях: «Если ж вместо пастыря народного... сделается монарх расхитителем оного, то покорность сему тирану учинится изменою против рода человеческого». В одном из своих произведений, «Фортуна велика, да ума мало», он рисует ужасные последствия нерадивого правления склонного к роскоши и удовольствиям правителя Лавида. По собственной негра-

мотности, не думая об общественной пользе, он повелел «не мешаться родителям в дела детей, мужьям в дела жен, бедным искать у богатых покровительства и самим собой обид им не делать, впрочем, жить каждому по своей воле: почитать меня... бояться и слушать. Кто сей закон нарушать станет, того лишать жизни, а имение взять на государя». Все эти распоряжения приводят к волнениям, и только смерть монарха спасает народ от разорения.

Впоследствии, разочаровавшись в политике Екатерины II, Новиков стал отходить от идеала «просвещенного самодержавия», склоняясь к идее конституционной монархии, где власть монарха определяется не только его личными добродетелями, но и строгими законами. Много внимания в своих работах он стал уделять проблеме воспитания «добрых граждан», счастливых и полезных отечеству. По убеждению Новикова, «причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства – знание», поэтому целью его жизни стало максимальное распространение просвещения в самом широком смысле этого слова. Он полагал, что «процветание государства и благополучие народа зависит не отменно от доброты нравов, а доброты нравов – не отменно от воспитания». Если в обществе повреждены нравы, то перестают быть добродетельными законодательство, религия, благочиние, науки и искусства. «Стремительная волна разрушений, – размышлял Новиков, – обессилит законы, обезоружит религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает искусства рабами глупости и роскоши». Только воспитание – подлинный творец нравов. У воспитанного человека появляется привычка к порядку. На истине и знании основывается его гордость за свой народ. Через воспитание человек получает любовь к простоте «со всеми человекодружескими, общественными и гражданскими добродетелями».

Достижение совершенства в воспитании ведет, по мнению Новикова, к идеальному состоянию общества, и «законы успевают тогда сами собою: религия в величестве своем исполнена простоты, пребывает тем, чем вечно ей быть надлежало, душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа». Науки являются настоящим источником выгод для государства, ремесла способствуют украшению жизни. При совершенном воспитании люди всякого сословия с успехом выполняют свои обязанности, отличаются трудолюбием, хорошим ведением хозяйства. Воспитание юношества – необходимая и первая забота правителя страны, каждого отца семейства. И хотя этим занимаются сама императрица и родители, результаты далеки от совершенства. А беспечность и небрежность в таком деле недопустимы; именно из-за недостатка просвещенности и воспитания «нередко бывают худые люди и негодные граждане». Огромные затраты не идут на пользу воспитуемым, ибо деньги часто употребляют на то, чтобы «сообщить им некоторые знания и способности, которыми они могли бы блистать в свете», а воспитанием добродетели пренебрегают, делая «сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупостям или пороку», а не к добру, благородству и величеству. От этого и появляются Безрассуды, Недоумы, Змеяны, Забылчести и др. Основное их занятие – есть, пить и спать. Так, сын одного дворянина из Каширы, писал просветитель, «упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей, ибо он взыскивает, может ли боец-гусь победить на поединке лебедя». Мало проку и от обучения дворянских детей за границей: развращенные невежеством и ленью дома, молодые люди, обучаясь там, предаются больше веселью и праздному времяпрепровождению, нежели овладению науками. В своих сатирических ведомостях Н. И. Новиков предлагал желающим обратить внимание на «молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользой, возвратился уже совершенною свиньей».

Писатель попытался ответить на вопрос, какими же должны быть воспитание и образование молодого поколения. В своем трактате «О воспитании и наставлении детей» он отмечал, что оно должно включать в себя как физическое воспитание («дабы дети были здоровы и имели крепкое телосложение»), так и воспитание нравственное. Ибо человек не может стать «добрым гражданином», если «сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводя-

щими его либо до пороков, либо до дурачества, если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть, или корыстолюбие заставляет его домогаться чужого имения, или сладострастие обесиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно иметь никакого удовольствия». Главная цель воспитания – просвещение или образование разума, которое необходимо человеку для исполнения обязанностей перед обществом и государством. Именно Новиков впервые употребил слово «педагогика», под которым он понимал «особую и важную науку... о воспитании тела, разума и сердца».

Николай Иванович одним из первых обратил особое внимание на ребенка как маленького человека, у которого есть не только обязанность повиноваться старшим: «Оно (дитя. – Н. К.) имеет такие же права, как и мы, с тем только различием, что ему более, нежели нам, нужна чужая помощь». Одним из ошибочных методов воспитания того времени Новиков считал требование беспрекословного подчинения. По его убеждению, основой должно стать формирование личности ребенка как будущего гражданина, полезного для общества и государства: «Воспитайте детей наших не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими ценить себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказать, когда их должность или благо других людей того требует. Верьте, что ни один чистосердечный, честный и откровенный человек не раскаялся еще в том, что он чистосердечен, честен и откровенен, что он враг всякого притворства и ласкательства... ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин».

В своей воспитательной программе Новиков выступал против официальной доктрины образования детей. Во-первых, обучать и воспитывать всех детей необходимо одинаково, «без различия состояний». Во-вторых, семейное воспитание играет не меньшую роль, чем общественное. Особенно при этом важен положительный пример родителей: «ничего не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между другими примерами ничей другой в них не впечатляется глубже и тверже примера родителей». (Велики, конечно, роль и значение грамотного учителя; более того, истинный учитель должен быть человеком высоких моральных качеств, добронравным и высокопрофессиональным, «иметь ясное и основательное знание тех языков и наук, которые обучать должен».) В-третьих, нужен комплексный подход к обучению детей, который предполагает получение не только теоретических, но и практических знаний.

Н. И. Новиков был ярким противником крепостничества, особо отмечая его бесчеловечность и экономическую нецелесообразность. Он писал, что подавляющее большинство помещиков не заботится о своих крестьянах; в деревнях и в поместьях нет тех идиллических патриархальных отношений, какие представляет официальная пропаганда. Крестьяне – это «питатели России», в то время как помещики (Змеяны, Безрассуды, Злорады и т.п.) – «изверги человечества».

Крепостная система жестко критикуется, например, в «Отрывке путешествия в*** И*** Т***»: «В три дня путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречались со мной в образе крестьян». Они как «младенцы», которые «спокойно взирают на оковы свои» и требуют только «пропитания... чтобы не отнимали у них жизнь, чтобы не мучили». Помещики же, по мнению автора, «больны мнением, что крестьяне не суть человеки». А ведь помимо того, что это неверно по сути, им даже экономически выгодно заботиться о них: чем богаче крестьяне, тем богаче будет и их хозяин.

Масштабная книгоиздательская деятельность показала не только просветительский и организаторский, но и предпринимательский талант Н. И. Новикова. Работа большой типографии и создание сети книжных магазинов по всей стране требовали обширных хозяйственно-экономических знаний и навыков. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется интерес издателя к вопросам торговли. В начале 1780-х годов в руководимой им типографии вышел ряд сочинений на эту тему: «Историческое описание российской коммер-

ции», «История об английской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оная в древние, средние, новейшие времена до 1776 года, с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке» и т.д. В своей газете «Московские ведомости» Новиков также стал постоянно публиковать информацию по торгово-экономическим вопросам: вексельный курс, сводки цен на продукты и товары в Москве, а также статьи о торговле в отдельных европейских странах.

В течение нескольких лет (1780–1789) дважды в неделю выходило приложение к «Московским ведомостям» – журнал «Экономический магазин», а в 1783–1784 годах еще и «Прибавление к Московским ведомостям», где много внимания уделялось хозяйственным вопросам, «опытам» в сельском хозяйстве, наставлениям, рецептам, «весьма полезным деревенским жителям». Редактором «Экономического магазина» и его главным автором был агроном А. Т. Болотов; полный комплект журнала составил сорок томов, и первые восемь вскоре были переизданы.

В первом номере «Прибавлений к Московским ведомостям» разъяснялось, что «купечество российское от сих „Прибавлений“ получить может пользу; ибо оно от сего чтения приобретает достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах получить их можно в большом количестве и с большими выгодами перед другими городами». Кроме того, Новиков сам пишет большую программную статью «О торговле вообще», в которой размышляет «о полезном влиянии торговли в благосостояние государства». Судя по тексту, он был знаком с произведениями известных экономистов XVIII века – А. Смита, Рейнтала и др. – и в целом разделял их взгляды. Статья состоит из трех разделов. «В первом будем говорить о происхождении торговли в политических обществах. Во втором определим понятие о торговле, различные рейды ее и учрежденный в оных распорядок. В третьем представим исторически выгодные действия торговли в знатнейших торговых государствах. В четвертом, наконец, покажем то, каким образом торговля, имея влияние во все средства пропитания и в совокупленное с ними упражнение граждан, приводит чрез то благополучие гражданское в государстве в цветущее состояние».

Размышляя о происхождении торговли, автор статьи говорит, что первоначально, в древнем обществе, произошло разделение труда между земледельцами и ремесленниками. Обмен продукции между ними происходил в результате мены, например пропитания на одежду. Постепенно все основные потребности оказались удовлетворенными, но «скоро преступлены были сии пределы» и появилась потребность в роскоши. Все это привело к возникновению денег, что облегчило распространение товаров. Н. И. Новиков одним из первых в России дал определение денег, определив их как «всеобщий масштаб цены товаров и замена всему, что продать можно». Кроме того, посредниками между производителями и потребителями товаров стали купцы. Их функция состояла в том, чтобы приобрести товар, поменяв его на деньги: «Вместо того чтоб суконщику должно было разносить свои сукна ко сту человек, имеющих нужду в оных, дабы получить от них деньги или другие потребности, которые ему надобны или которые должен он равным образом паки променять на другие, вместо всего сего ходит он к купцу, который принимает от него его товары на кредит или за наличные деньги гуртом и продает опять свои припасы порознь употребляющим оные».

Во втором разделе Новиков рассуждает о природе торговли в целом. Под торговлей он понимает «упражнение, имеющее предметом выгодную мену всех потребностей». Суть любой торговли, по его мнению, в том, чтобы рано или поздно получить прибыль. Третий раздел статьи посвящен выгоде «торгующих народов». На примере истории европейских и азиатских стран автор доказывал, что процветание многих государств было обусловлено активной внешнеторговой деятельностью. Наконец, в четвертой части подробно проанализировано, каким образом торговля «действует на благополучие государства». По мнению Новикова, «всеобщее действие или следствие торговли в отношении государства» заключается: «1) в производстве

кредита, 2) обращения денег, 3) относительного богатства; 4) в умножении процветания прилежания и 5) государственной экономии; 6) в роскоши; 7) во нравственном просвещении и утончении; 8) в упражнении граждан; 9) в умножении народа и 10) в свободе». Таким образом, для того чтобы торговля действительно приносила прибыль государству, необходимо создать соответствующие условия: систему банков и кредитов, урегулированную внутреннюю и внешнюю торговлю. Новиков указывал, что следует развивать торговлю теми товарами, которыми богата страна: «в государстве, где граждане упражняются в земледелии, нужно привести в процветание сию ветвь торговли», как это делается в европейских странах. При этом он подчеркивал, что любая роскошь вредна государству, так как ведет к разорению.

Кроме вопросов собственно хозяйственных, Новикова занимает также вопрос о наилучшей системе управления экономикой, необходимой для процветания торговли. По его словам, налоги в государстве должны быть соразмерны доходам, в противном случае население разорится. В целом он на различных примерах прославлял «торговые республики»; это позволяет говорить, что к 1780-м годам идеалом правления для него стала именно республика, где опорой служит разумно устроенная экономическая система.

Будучи видным масоном и одним из организаторов ложи «Гармония», идеологом масонства Н. И. Новиков не являлся. Возможности масонских лож, главным образом финансовые, он использовал для просветительской и издательской деятельности. Тем не менее масонские учения, прежде всего мартинизм, оказали влияние на его религиозно-нравственное мировоззрение. Новиков считал, что истинное масонство – в просвещении, к которому можно прийти «стежами христианского нравоучения»; однако современные люди «забыли истинное христианство», заменив Христа золотом и плотскими удовольствиями. Вернуться же к Богу можно только через любовь и обретение Христа внутри самого себя: «Древние прекрасно сие изъясняли; они даже в человеке находили извлечение из трех миров и учили, что человек состоит из тела, души и духа. Отсюда произошло то, что они поставляли надпись над дверьми храма: Познай себя». Поэтому внутреннее счастье человека заключается только в совершенстве его духа, и то, что нельзя понять с помощью разума, доступно пониманию с помощью чувств.

В последнем своем журнале «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785) Новиков спрашивал читателя: «Почему кто старается уменьшить силу разума с тем намерением, чтобы возвысить откровение, тот уменьшает свет обоих и как бы лишает человека очей, для того чтобы удобным посредством телескопа приблизить вдаль простирающиеся лучи невидимой планеты?» По его мнению, официальную церковь больше заботит внешнее проявление благочестия, а не совершенство духа. Поэтому своей жизненной задачей писатель считал просвещение и исправление заблуждений народа в духе «истинного христианства».

В 1789 году Н. И. Новиков не смог продлить аренду университетской типографии, а в 1791-м вынужден был полностью прекратить работу Типографической компании. В апреле 1792 года против Новикова и других масонов началось следствие, которое закончилось обвинением в «гнусном расколе», корыстных обманах, сношениях с герцогом Брауншвейгским и другими иностранцами. 1 августа 1792 года императрица подписала указ о заключении Новикова в Шлиссельбургскую крепость на пятнадцать лет. Он содержался в нижнем этаже тюрьмы, в камере № 9, вместе со слугой и врачом. А в 1796 году, уже при Павле I, был освобожден. Как писал потом Н. М. Карамзин, «император Павел в самый первый день своего восшествия на престол освободил Новикова, сидевшего около четырех лет в душной темнице; призывал его к себе в кабинет, обещал ему свою милость, как невинному страдальцу, и приказал возвратить конфискованное имение... несожженные книги».

Формально с Новикова были сняты все обвинения, однако разрешения продолжать издательское дело он не получил. Разоренный и больной, он провел последние годы жизни в Тихвинском-Авдотьино, лишь изредка посещая Москву. В 1805 году Николай Иванович пытался вернуться к книгоиздательской деятельности и вновь взять в аренду Московскую универси-

тетскую типографию, но это ему не удалось. После этого к общественной жизни он уже не возвращался и основал в своем селе суконную фабрику, заняв деньги в Опекунском совете с обещанием «пособия и подкрепления со стороны правительства». Правда, дела шли не очень успешно, и Новиков постоянно нуждался. Несмотря на все свалившиеся на него невзгоды, он вел активную переписку (с А. Ф. Лабзиным, Д. П. Руничем и др.), с его мнением продолжали считаться. Карамзин, например, отправил в подарок Новикову свои сочинения, с просьбой высказать о них свое мнение.

Общественно-политическая и издательская деятельность Н. И. Новикова оказала большое влияние на общественное мнение России конца XVIII – начала XIX века. Так, его журнал «Живописец», пользуясь большой популярностью у читателей, выдержал пять переизданий. Даже князь А. А. Прозоровский, который курировал следственное дело Новикова как московский генерал-губернатор, написал о нем в письме: «лукав до бесконечности, бессовестен и смел, и дерзок». В. О. Ключевский так объяснял популярность этого общественного деятеля: он думал, что «удобнее кроить платье по плечу, чем выламывать плечо под платье», как порой предлагала верховная власть. А В. Г. Белинский, оценивая вклад Новикова в развитие культуры и образования в России, писал: «Этот человек, столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности), имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности... Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстью – развивать свет образования в своем Отечестве».

Александр Романович Воронцов: «Не под царем, а рядом с ним...» Нина Минаева

Граф А. Р. Воронцов (1741–1805) – один из крупных государственных деятелей Российской империи рубежа XVIII–XIX веков, оставивших значительный след в истории модернизации страны. Дипломат, меценат, собиратель редких рукописей, художественных и исторических ценностей, он слыл известным «вольтерьянцем». Его усилиями собрана богатейшая Вольтеровская библиотека. Воронцов был почитателем, корреспондентом и русским переводчиком Вольтера: в «Автобиографии», написанной в 1805 году, в самом конце жизни, он поделился мыслями о причинах своего увлечения и о важности распространения идей французского философа в русском образованном обществе.

В архиве Воронцовых хранятся тексты политических памфлетов, среди которых имеется уникальный документ – «Всемиловейшая Жалованная Грамота, российскому народу жалуемая» (1801). По существу, это Конституция, вторая в истории русской конституционной мысли, после Конституции Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина XVIII века. Грамота была создана в качестве Правительственного Манифеста к воцарению нового императора Александра Павловича Романова, но так и не увидела свет.

Воронцовы – древний русский дворянский род, ведущий свое начало от легендарного Симона Африкановича, выехавшего из варяжской земли в Киев в 1027 году. Непосредственный основатель рода – Федор Васильевич Воронцов (около 1400). С половины XV и до конца XVII века Воронцовы служили воеводами, стряпчими стольниками, окольничими и боярами. Михаил Илларионович Воронцов, генерал-поручик, в 1740-м был пожалован в графское достоинство императором Священной Римской империи (австрийским эрцгерцогом), тем самым, который вел войны за Испанское наследство. М. И. Воронцову дозволено было и в России пользоваться этим титулом. В 1741 году он – участник переворота и ареста правительства Анны Леопольдовны. При дворе Елизаветы Петровны Михаил Илларионович – камер-юнкер; служил он ей и пером, которым хорошо владел. Императрица пожаловала его камергером и наградила богатыми поместьями за поддержку при восхождении на российский престол. Женился Михаил Илларионович на ее двоюродной сестре – А. К. Скавронской, был близок ко двору, получил пост вице-канцлера, а после отставки А. П. Бестужева-Рюмина занимал в 1758–1762 годах пост канцлера Российской империи.

И братья Михаила Воронцова – старший Роман и младший Иван – были обласканы Елизаветой Петровной. А в 1760 году Франц I, основатель австрийской династии Габсбургов и последний император Священной Римской империи, Роману и Ивану Воронцовым также даровал графское достоинство, которое, однако, было признано в России только в 1797-м, т.е. уже при императоре Павле.

Роман Воронцов – генерал-поручик и сенатор при Елизавете Петровне, генерал-аншеф при Петре III – при Екатерине II попал в опалу. Правда, позже получил от нее место наместника Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний. Его дети, все четверо, заслужили громкую славу. Старшая дочь, Елизавета Романовна, была фавориткой Петра III и позже, при императрице Екатерине, поплатилась за это. Младшая, Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова, напротив, поддержала великую княгиню Екатерину Алексеевну и позже получила пост президента Российской Академии наук. Семен Романович Воронцов – известный дипломат, был русским послом в Венеции и Лондоне. Англоман и ярый сторонник Конституции, он отличался политическими симпатиями к английской парламентарной монархии. Его сын, Михаил Семенович, участвовал в Кавказской и Русско-турецкой войнах, в Отечественной войне 1812

года, заграничных походах русской армии. За заслуги получил титул светлейшего князя и в 1823 году – пост новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. В 1844–1854 годах занимал пост наместника на Кавказе с неограниченными полномочиями.

Александр Романович Воронцов, старший сын деспотичного Романа Илларионовича и племянник елизаветинского канцлера Михаила Илларионовича, родился 15 сентября 1741 года. Он получил блестящее европейское образование. Учился во Франции, сначала в Страсбургском военном училище; побывал в Париже, где завязал знакомство с энциклопедистами. Жил в Италии, Испании, Португалии. Во время поездки в Испанию составил для дяди-канцлера Михаила Илларионовича «Описание испанского Управления». Потом снова вернулся во Францию, в Версаль, где продолжил образование в Рейтарской школе. Изящную словесность в этом учебном заведении преподавал бывший секретарь самого Вольтера – месье Арну. Воронцов не только прослушал его курс, но и стал брать у него частные уроки. С самим Вольтером он познакомился в Швейцарии в 1757 году, при дворе пфальцграфа в Шветцингене. Эта дружба затянулась на долгие годы; он переписывался с мэтром до конца его жизни, посещал его в поместье Ферней.

В графском архиве сохраняется целый том – «Воронцовский сборник писем Вольтера». И это не было модным увлечением и декларацией, как, например, у императрицы Екатерины II, чье увлечение французскими просветителями А. И. Герцен назвал «чернильным кокетством». Графы Воронцовы действительно возглавили «русское вольтерьянство» – своеобразное просветительское общественное течение.

В 1760 году А. Р. Воронцов был пожалован титулом графа. С 1761 года служил поверенным в делах России в Вене; в 1762–1764 годах был полномочным министром в Лондоне; в 1764–1768 – в Гааге. С 1773 года он – председатель Коммерц-коллегии, с 1779-го – сенатор. Летом 1788 года, в канун революции во Франции, когда явственно ощущалось общественное неблагополучие в стране (массовое бегство крестьян с насиженных мест, повсеместный опустошительный неурожай в провинциях, голод в Париже), Воронцовы присоединили свой голос к тем, кто осуждал абсолютную монархию во главе с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой. В письме к брату Александру Семену Воронцов рисовал картину распада французских верхов: «Король – глуп, королева – интриганка, без талантов и без твердости, столь же всеми ненавидимая, как ее муж презираем... Французское дворянство деморализовано, разночинцы, третье сословие поднимают головы, но народ всюду невежественен».

Сопоставляя положение в России и во Франции, братья Воронцовы видели многие общие черты загнивания абсолютизма. Но они были далеки от того, чтобы приветствовать революцию, – сословная принадлежность к аристократии оказалась фактором определяющим. В «Записке к графу А. А. Безбородко» по поводу событий 1791 года во Франции Александр Романович писал: «Сей перелом во Французской конституции и все то, что им опрокинуто, заслуживает особого внимания государей, дворянства». Отмена революционным правительством Франции сословных привилегий дворянства, ограничение власти короля цензовой конституцией 1791 года – все эти нововведения Учредительного собрания вызвали и у автора записки, и у Безбородко резкий протест. Эта позиция близка позициям французского либерального дворянства.

В то время сам граф Александр Воронцов предлагал вполне определенную программу действий, созвучную Пильницкой декларации 27 августа 1791 года. (Этот австро-прусский дипломатический документ, подписанный в замке Пильниц в Саксонии, положил начало антифранцузской коалиции, направленной против революционной Франции.) Он призывал канцлера А. А. Безбородко содействовать вступлению России в антифранцузскую коалицию монархических правительств Австрии и Пруссии: «Нужно было бы государям между собой согласиться и по мере могущества, а особливо локального положения каждого государства силе неистовством преграду сделать». В этом документе Александр Воронцов обращается ко всем

монархам Европы с призывом издать специальную декларацию, направленную против французской революции; консолидироваться с венским и иными дворами по охране королевской семьи Людовика XVI; покровительствовать королевской партии и разорвать дипломатические отношения с революционной Францией. Его позиция свидетельствует о полной неприемлемости для него революционных крайностей, опасных и для других европейских стран: «Если сей образ правления и мнимого равенства хоть тень окоренелости во Франции примет, оно будет иметь пагубные последствия и для прочих государств, с тою только разностью, что в одном ранее, в другом позже».

Осуждение Воронцовыми революции еще более обострилось после казни 21 января 1793 года Людовика XVI. «Лучше быть соседями антропофагов, чем ужасной французской республики... Лучше жить в Марокко, чем в этой стране мнимого равенства и свободы», – восклицал в сердцах Семен Романович.

Весь набор политических документов конца XVIII – начала XIX века, принадлежащих перу братьев Воронцовых, свидетельствует об их стремлении создать целостную программу борьбы с революциями. Однако их политическая позиция резко отличалась от официального курса абсолютизма и представляла собой довольно стройную программу модернизации России в рамках закона и современного им понимания политического прогресса.

Сохранилось много материалов, подтверждающих тесные контакты и даже искреннюю дружбу между Александром Романовичем Воронцовым и Александром Николаевичем Радищевым. Более того, некоторые автографы писателя несут на себе след правки и замечаний его патрона и покровителя – с 1776 года Радищев служил чиновником Коммерц-коллегии, председателем которой был Воронцов. Их многолетняя переписка не прерывалась даже в годы гонения Радищева. Уже после осуждения Радищева как «политического преступника» Воронцов выразил сочувствие ему и даже симпатию в письме к брату Семену Романовичу в Лондон: «Я не знаю ничего более тяжелого, как потеря друга, в особенности когда не распространяешь широко свои связи... Я только что потерял, правда, в гражданском смысле, человека, пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы. Его предполагалось назначить вместо г-на Даля, и на этом поприще его помощь мне была велика. Это господин Радищев; Вы несколько раз видели его у меня, но я не уверен, что вы хорошо знали друг друга. Кроме того, он исключительно замкнут последние семь или восемь лет. Я не думаю, чтобы его можно заменить; это очень печально. Не был ли он вовлечен в какую-то организацию? Но что меня, однако, более всего удивило, когда случившееся с ним событие стало широко известно, это то, что я в течение долгого времени считал его умеренным, трезвым и абсолютно ни в чем не заинтересованным, хорошим сыном и превосходным гражданином... Он только что выпустил книгу под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“. Это произведение якобы имело тон Мирабо и всех бешеных Франции».

За приведенным выше письмом брату следует длинная цепь переписки А. Р. Воронцова с губернаторами тех городов, через которые пролегал путь политического ссыльного. Граф просит их оказать содействие Александру Николаевичу, дать ему возможность пожить в каждом городе по дороге в Сибирь, получше устроить. Обращает на себя внимание и его переписка с братом Радищева – Моисеем Николаевичем, который жил в Архангельске. К нему были отправлены сыновья ссыльного – Николай и Павел; Воронцов следит за их судьбой, подерживая и словом, и делом.

Александр Романович интересовался бумагами Радищева и тщательно сохранял их до его возвращения. Из переписки графа с ссыльным писателем следует, что он хорошо знал содержание крамольного «Путешествия». Несомненный интерес представляет сохранившийся в рукописном собрании А. Р. Воронцова «Разбор книги „Путешествие из Петербурга в Москву“, сделанный императрицей Екатериной». Похоже, внимательный анализ екатеринин-

ского «Разбора» важен Воронцову не только для защиты Радищева, но и для прямого оппонирования императрице.

На одной из первых страниц «Разбора» написано: «На каждом листе видно, сочинитель... наполнен и заражен французскими заблуждениями, ищет всячески и защищает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальств». Воронцов на полях рукописи Екатерины помечает, что «Путешествие» писалось до развития бурных революционных событий во Франции. Разбирая комментарии Радищева к положению крепостных крестьян, императрица пишет: «Страницы 126–133 служат к описанию зверского обхождения помещика со крестьянами – суетное умствование...» Но и здесь Воронцов, сам крупный землевладелец, не может с ней согласиться. Граф подчеркивает такие слова Радищева: «Он был царь. Скажи, в чьей голове может быть больше несообразности, если не в царской?» Екатерина резко отреагировала в «Разборе» на эту реплику: «Сочинитель не любит царей и где может к ним убавить любви и почтения, тут жадно прицепляется с редкой смелостью». Воронцов же, судя по пометкам, согласен с радищевской оценкой абсолютизма; впоследствии он не раз выдвигал собственные предложения об ограничении абсолютной власти монарха в России представительным Сенатом.

Связь Воронцова с Радищевым не ослабела и после возвращения писателя из ссылки. С 1794 года граф находился в отставке, но в 1801-м, уже при императоре Александре, снова вернулся на государственную службу. Тогда же, по рекомендации своего покровителя, Радищев получил место в Комиссии составления Законов. Здесь им были подготовлены законодательные акты, включающие положения об узаконении крестьянской частной собственности на движимое и недвижимое имущество, а также положения о неприкосновенности личности, основанные на известном английском законодательном акте XVII века Habeas corpus act. Положения этого источника часто использовались и самим Александром Романовичем.

Как было сказано выше, в 1801 году граф подготовил документ, известный как «Всемилоостивейшая Жалованная Грамота, российскому народу жалуемая». Текст родился из нескольких предварительных «политических записок о Сенате», который братья Воронцовы предполагали превратить в представительный орган власти, модернизировав таким образом самодержавную империю в конституционную монархию, близкую по форме к английской политической системе. Однако в момент воцарения Александра I, 12 марта 1801 года, уже подготовленная в качестве царского Манифеста «Жалованная Грамота» так и не была обнародована. Вместо этого высокопоставленный чиновник Д. П. Трошинский за одну ночь составил традиционный Манифест, в котором молодой император обещал править «по уму и сердцу своей великой бабки Екатерины Великой». Огорченный граф Воронцов продолжил работу над «Грамотой», не теряя надежды со временем дать ей ход. Окончательную правку он закончил к августу – ведь в сентябре намечалась коронация в Успенском соборе Московского Кремля. Опираясь на своих сторонников, Александр Романович предложил «Грамоту» в качестве коронационного Манифеста. Но и эта его попытка не увенчалась успехом.

Третья попытка относится к периоду деятельности так называемого «Негласного Комитета», состоящего из близких соратников молодого царя. А. Р. Воронцову удалось расположить в пользу документа двух влиятельных членов Комитета – Н. Н. Новосильцева и В. П. Кочубея. Те, зная о нелюбви императора к вельможе Воронцову, взялись составить краткий доклад – «Articles» – по основным положениям «Грамоты» и представить его как собственное политическое новшество. Но они недооценили подозрительного, осторожного и неуверенного в себе Александра Павловича. «Articles» не прошли даже сам «Негласный Комитет», как, впрочем, и многие другие реформаторские проекты, предложенные на рассмотрение этого странного «теневого» правительственного института.

«Жалованная Грамота» составлена в либерально-дворянском духе, и ее центральным принципом была защита свободы личности – краеугольное положение европейского буржуаз-

ного законодательства. В ее более подробной, второй редакции (август–сентябрь 1801), в полном соответствии с английским Habeas corpus act, говорилось: «Если кто будет взят под стражу и посажен в тюрьму, или задержан где насильственным образом, и если в течение трех дней не будет ему объявлено о причине, для которой он взят под стражу, посажен в тюрьму или задержан, и если в сей трехдневный срок он не будет представлен перед законный суд, для учинения ему допроса и для произведения над ним суда, то по единственному его требованию свободы от ближайшего начальства да освободится непременно в тот час, ибо преступление его неизвестно, а потому в законе еще не существует». Освобожденный таким образом «может произвести иск на взявшего его под стражу, или посадившего его в тюрьму, или давшего на то повеление, в оскорблении личной безопасности и убытках, и сей повинен ответствовать в суде в произведенном на него иске».

Основной текст «Грамоты», безусловно, составлен А. Р. Воронцовым (это подтверждается данными протоколов «Негласного Комитета», которые вел П. А. Строганов), но в ней есть положения, которые доказывают причастность к авторству и А. Н. Радищева. Впервые это заметили литературоведы и филологи, нашедшие параллели между параграфами «Грамоты» о положении крестьян и такими радищевскими сочинениями, как «Путешествие из Петербурга в Москву» и более позднее «Описание моего владения».

Итак, император отверг «Жалованную грамоту» в марте 1801 года, а затем, в сентябре, не решился обнародовать ее в качестве Манифеста во время коронации в Москве; документ снова прибыл в Петербург – с царской пометой «в Архив». Но в это время в канцелярии Александра I уже трудился Михаил Михайлович Сперанский. О несомненной его причастности к «Грамоте» свидетельствуют ремарки на полях «Второй редакции». Как это произошло? Вероятно, Трощинский, получив «Грамоту» в Непременный Совет, передал ее статс-секретарю Сперанскому, в 1802 году служившему под его началом. Тот, заинтересовавшись документом и будучи уверенным, что теперь он будет храниться в Государственном архиве до лучших времен, взял на себя смелость добавить в содержание 25-го параграфа свои мысли – карандашная вставка сделана его рукой. Этот параграф утверждает «право частной собственности во всех ее видах и отношениях», упраздняя деление имущества на родовое и благоприобретенное. Сперанский карандашом приписывает: «Желая утвердить право частной собственности во всех ее видах и отношениях, мы отступаем от права, казне присвоенного, на имение последних».

Столь же заинтересованно статс-секретарь отнесся и к перечислению форм крестьянской собственности в том же, 25-м параграфе «Грамоты»: «Сия собственность движимая (орудия пахотные и все то, что принадлежит до его ремесла, как то: соха, плуг, борона, лошади, волы), будучи единая только по нашим законам предоставленная крестьянину (ибо самоличная или недвижимая не суть принадлежащая его сану), – должна тем паче ему так утверждена быть, чтобы никаким образом он не мог оной лишиться, ни казною, за долг податей, ни господином своим».

В свое время к «Жалованной Грамоте» было приложено добавление – «Соображения и замечания к пунктам, предназначенные для составления указа или манифеста о привилегиях, вольностях и т.д.». В этом документе, написанном, по-видимому, главным автором – графом Александром Воронцовым, определены принципы, по которым в дальнейшем следует развивать положение «о поселянах»: предоставление государственным и помещичьим крестьянам права приобретать ненаселенные земли, оформляя купчие на свое собственное имя; расширение круга «движимой собственности» за счет «сельскохозяйственных строений». В дворянские собрания не допускаются дворяне, замеченные в тиранстве по отношению к своим крестьянам и т.д. Введение в «Грамоту» параграфов о крестьянской собственности и некотором правовом статусе помещичьих крестьян придает этому документу особенно новаторский оттенок.

Никаких следов рассмотрения правительством этого, по существу нового, расширенного и дополненного варианта не найдено. Император Александр I не удостоил вниманием доку-

мент, вобравший интеллектуальные усилия графа Александра Воронцова, редактуру А. Н. Радищева и М. М. Сперанского, участие крупных сановников: Н. Н. Новосильцева, В. П. Кочубея и, возможно, Адама Чарторыйского.

Анализ текста «Жалованной Грамоты» убеждает, что этот документ отражает ту идеологическую позицию, на которой попытались объединиться ведущие политические силы самого начала XIX столетия: дворянско-олигархическое, просветительское и дворянско-радикальное течения общественной мысли. Противодействующей силой оставался самодержавно-крепостнический стан; его возглавлял сам император Александр Павлович, испытывавший при этом мучительные колебания переходной эпохи рубежа веков.

В ноябре 1801 года, перед получением почетной должности канцлера (Воронцов занял ее в декабре), Александр Романович выступил с новой инициативой – политическим памфлетом «Записка о России в начале нынешнего века». В подлиннике после заглавия значится: «Из села Андреевского Владимирской губернии» (там автор «Записки» находился во время опалы при Павле и в первые месяцы воцарения наследника). Назначение документа определяет помета Семена Романовича: «Эта памятная записка моего брата императору Александру I».

Стремясь расширить социальную основу монархии в России, граф определяет роль дворянства в условиях нарастающей революционной опасности в Европе. Дворянство наступившего века, в его понимании, – это политическая и культурная сила, с которой нельзя обращаться петровскими методами. Новая роль сословия не позволяет ему быть «под царем», а заставляет встать «рядом с ним». Александр Романович связывал эту новую роль дворянства как советника и сотрудника государя – с новой ролью Сената, должного стать органом представительства дворянства.

А. Р. Воронцов мотивировал необходимость обновления системы управления территориальными приобретениями России к началу XIX столетия: «Столь пространственное государство, каково здешнее, не может в целости оставаться, как под царствованием Государя с большею властью и способами». Из этого утверждения выводится необходимость поднять авторитет Сената, который «пока обращен в большую ничтожность». Непосредственным органом управления должен стать «Непременный Совет», превращенный из недееспособного института в законосовещательный орган при императоре. Ему подлежат дела военные, морские, дипломатические, внутреннего хозяйства: «В Совете все департаментские дела докладываются в присутствии государя... Так Советы во всех монархических порядочных правлениях устроены бывают». Чтобы обосновать свою точку зрения, автор «Записки» прибегает к авторитету европейской политической мысли и европейского общественного мнения: «И Европа увидит, что значит Россия, когда она под порядочным и осторожным правлением находится».

Мысль о создании законосовещательного органа находим и в другом документе – «Записке о царствовании Петра III, Екатерины II и вступлении Александра». Развивая положение о Государственном совете, Воронцов мотивирует нецелесообразность государственной реформы морально-нравственными нормами, пространно говорит о совести императора, о его ответственности перед историей, ссылаясь на уроки прошлого. Путь заговора, дворцового переворота, к которому прибегла Екатерина II, «заклучал в себе многие неудобства, кои имели влияние на все ее царствование». Вопрос о Сенате в этой «Записке» также не получил еще пространного развития, хотя вся аргументация подводит к тому, чтобы наделить его чрезвычайными, отличными от прежних, полномочиями.

Мысли о реформе Сената, постоянно присутствующие в бумагах Воронцова, в основном связаны с работой «Негласного Комитета», протоколы которого аккуратнейшим образом вел П. А. Строганов. Формально этот орган просуществовал два с лишним года (24 июня 1801 – 9 ноября 1803); всего было проведено около сорока заседаний. С 12 мая 1802 года по 26 октября 1803-го «Комитет» не собирался ни разу. Наиболее активным стал период с 24 июня 1801-го по 12 мая 1802-го, т.е. неполный год. В «Комитете» обсуждались самые разнообразные

темы: отношение к иностранным державам, вопрос о Грузии, о тайной полиции, Московском университете, казаках, военном образовании. И в этом калейдоскопе поверхностно затронутых тем настойчиво поднимался вопрос о Сенате: он обсуждался на восьми заседаниях из сорока.

Из протоколов следует, что расширение прав Сената явилось предметом подробного обсуждения 5 августа 1801 года. Как известно, 5 июля Александр I издал Указ, подтверждающий прежние права Сената, и тем не менее спустя два месяца этот вопрос был снова поднят. Доклады делали сенаторы Г. Р. Державин и А. Р. Воронцов. Судя по всему, император остался непреклонным.

В архиве А. Р. Воронцова найден документ, на основе которого сам Александр Романович выступал в «Негласном Комитете». Это «Мнение о правилах и преимуществах Сената»; документ датирован 19 июня 1800 года; в нем приведены также соображения сенаторов П. В. Завадовского и Г. Р. Державина. Завадовский лаконичен и традиционен: следует оставить все по-старому, восстановить прежнее положение Сената; деятельность Александра I он сравнивает с деятельностью Петра Великого. Более развернуто и обоснованно мнение Державина. Он по-своему раскрывает понятие «общественного блага», которое определяется «просвещенным монархом»: «Петр Великий понимал „общественное благо“ таким образом, чтобы образовать для России „политическое бытие, установя суды нижние и верхние, а над ними – Сенат (Указ 1718 года, декабря 22 дня)“». Но, по мнению Державина, к началу XIX века положение изменилось: «Империя не в том уже нравственном и политическом положении, каким оно было во времена прошедшие... В самодержавном правлении все власти предполагаются в едином лице Государя. А всякий таковой единоначальный властитель или самодержец, не Бог, или, как сам он сказал (Александр I. – *Н. М.*), не ангел». Так, иносказательно, но Державин поддержал Воронцова в его намерении ограничить Сенатом всевластие монарха.

Обсуждение вопроса о Сенате в «Негласном Комитете» и воронцовский документ обнаруживают много общего. Но главный доклад на эту тему в «Комитете» делал Новосильцев. Строганов пишет в своем протоколе: «Доклад Новосильцева строился на принципах, которыми мы руководствовались в нашем Комитете, а потом почерпая в отдельных мнениях сенаторов то, что было в них лучшего». Лишь некоторые положения из документов Воронцова попали в круг обсуждаемых; другие серьезно видоизменились. В ходе обсуждения было решено слить все целесообразные идеи в некий «Ордонанс».

Главное предложение графа Воронцова (предоставить Сенату законодательную инициативу) встретило со стороны Новосильцева резкий протест. Он брал контраргументы в истории организации петровского Сената, пугал возникновением нарастающих противоречий между верховной властью и ее службами. Он соглашался лишь на предоставление Сенату судебной функции. В протоколах «Негласного Комитета» имеется также весьма любопытное примечание о чтении самим Александром I «Мемории Воронцова о пределах, которые необходимо положить произвольной власти». Судя по записям Строганова, Александр Романович с его идеей «внести всю власть в Сенат» был слишком радикален, «не подумав, что ему следует предоставить одну судебную власть и ничего больше».

Новое заседание «Негласного Комитета» проходило в Москве в доме П. А. Строганова 11 сентября все того же, 1801 года. Император, как обычно, демонстрировал присущую ему игру в либеральную фразу. Строганов и Новосильцев отстаивали преимущества единоличной власти. Им, безусловным поклонникам самодержавия, понадобилось прибегнуть к авторитету старого наставника императора, Цезаря Лагарпа, чтобы отрезвить молодого царя. Строганов записывает: «Прежде всего, мы убеждали императора, что наша точка зрения совпадает с точкой зрения Лагарпа по этому вопросу и что его принципы находят подтверждение в наших». На это царь отвечал: «Да, Лагарп не хочет, чтобы я отказался от власти», – выдавая свою истинную позицию сторонника единоличного правления.

Вопрос о Сенате возник еще раз на заседании 9 декабря 1801 года. Из доклада графа Воронцова и сенатора Зубова выделили проблему законодательной компетенции Сената, вновь подвергнув ее разбору и отклонению. Здравой признали лишь идею Воронцова составить свод всех действующих узаконений о Сенате.

Следующий важнейший документ графа о политическом значении Сената датируется 3 мая 1802 года – это уже то время, когда Александр Романович занял пост канцлера Российской империи. Документ именуется «О внутреннем положении России». Его автор задается целью разработать проект, «важный во всяком самодержавном правлении: каким образом, не разделяя власти по существу ее, так разделить ее по разным частям государственного управления, чтобы каждая из них имела свое постоянное движение и все бы соединялись в одном средоточии, в особе государя». набросок этой мысли в дальнейшем будет развит М. М. Сперанским в его «Плане государственного преобразования».

В записке «О внутреннем положении России» предложено наделить Сенат функциями верховного правления, где бы соединялись «все части внутреннего государственного управления». Он выступает с инициативой ввести следующие положения в готовящийся указ: «Повысить авторитет Сената предоставлением сенатору права высказывать свое особое мнение, подобно тому как несогласие генерал-прокурора может остановить решение дела... По разномыслию сему дела из департаментов могли переходить в общее собрание Сената, а из оно, если в нем несогласно решены будут, к государю». В этой же «Записке» Воронцов наделяет Сенат чрезвычайными полномочиями, близкими к решающему законодательному голосу: «Я смею надеяться на предоставление сенатору права вето, – что случаи сии будут редки и государь не будет обременен ими. Но, если по неодолимым причинам необходимо будет большинство голосов, по крайней мере нужно ограничить его степени двумя третями или другим образом». Из этого положения следует, что Воронцов предлагает дать Сенату право «сuspensивного вето», ограниченного двумя третями голосов в проведении нового законопроекта.

Объясняя необходимость наделить Сенат законодательными функциями, Александр Романович ссылается на хорошо ему известный пример Англии. Мажоритарное вето, предусматривающее большинство голосов при обсуждении законопроекта в английском парламенте, используется им как доказательство целесообразности введения элементов западноевропейского права: «Большинство голосов имеется в камерах английского парламента, в прежнем французском парламенте... Сенат должен быть блюстителем закона во всем государстве». Эти идеи графа А. Р. Воронцова нашли затем свое продолжение в законодательных проектах М. М. Сперанского, а также адмирала и сенатора Н. С. Мордвинова.

Но не только конституционные проекты занимали в первые годы XIX века российского канцлера. Менялась внутривнутриполитическая обстановка в Европе: резкое усиление наполеоновской Франции заставляло Россию искать сближения с Англией и Австрией. Старые англофилы Воронцовы немало способствовали разрыву русского императора с Наполеоном в 1804 году. В конце 1804-го престарелый граф Александр Романович Воронцов покинул пост канцлера Российской империи. Скончался он 4 декабря 1805 года.

Адам Адамович Чарторыйский: «Я хотел политики, основанной на общем благе и соблюдении прав каждого...»

Нина Минаева

Эпоха Наполеоновских войн привнесла много нового в европейскую политику. Французская революция, с ее принципами свободы, равенства и братства, уходила в прошлое. Становилась популярной идея компромисса – мирного соглашения республиканских принципов Французской революции и патримониальной идеи монархических режимов России, Англии, других стран Европы. «Легитимизм» как политическая доктрина компромисса, появившаяся в эпоху Наполеона Бонапарта, проделала значительную эволюцию. На заре своего существования она включала как обязательную часть конституционную идею. Но уже на Венском конгрессе 1814–1815 годов «легитимизм» проявился как форма сохранения феодальных монархий и решительного противодействия революционным и национально-освободительным движениям. В России все перипетии эволюции европейского «легитимизма» ярко отразились в судьбе крупного либерального политического деятеля и дипломата князя Адама Чарторыйского (1770–1861).

Его отец, Адам Казимир Чарторыйский, в 1770-х годах был генерал-губернатором Подолии, владельцем обширных земельных владений. «Партия Чарторыйских», объединявшая значительные круги польской шляхты, вынашивала планы добиться польской короны при посредничестве России, Англии и Австрии и провести ряд крупных государственных преобразований. Ей противостояла другая группировка польских магнатов во главе с Потоцким, искавшая поддержки у Швеции, Франции и Турции.

Отец ориентировал Адама на большую государственную карьеру. Для получения образования и изучения конституционного права он послал сына в Англию. Двадцатилетним юношей тот участвовал в военных столкновениях во время очередного «раздела Польши». На фамильные владения Чарторыйских русскими властями был наложен секвестр, а сами условия существования семьи Чарторыйских стали зависеть теперь от воли русской императрицы Екатерины II. Она выдвинула условием возврата фамильных владений выдачу двух старших сыновей Чарторыйских, Адама и Константина, и дальнейшее их присутствие при русском дворе, фактически в качестве заложников.

Адам Чарторыйский, семью годами старше внука Екатерины II, великого князя Александра Павловича, постепенно стал его близким другом. При этом гордый польский князь остался патриотом своей родины и сторонником ее независимости. В его голове органично сочетались идеи реформ в Российской империи и польского освобождения. Он глубоко продумал план мирного противодействия намерениям Наполеона Бонапарта установить свое господство в Европе. Сильное влияние на Чарторыйского имел прусский канцлер Штейн, в первую очередь его идея создать агрессивным планам Наполеона противовес в виде союза итальянских и германских государств. Адам Адамович соглашался с утверждением Штейна, что «основная идея, способствующая поднятию духа в нации, заключается в преумножении нравственного, патриотического и религиозного начала в народе, что именно эта идея внушает нации мужество, доверие к себе, готовность ко всякой жертве, чтобы отвоевать свою независимость и восстановить честь».

С приходом к власти сына Екатерины, Павла Петровича, положение Чарторыйских изменилось. В 1798 году Павел принял титул Великого магистра Мальтийского ордена, и оба брата, Адам и Константин, были пожалованы титулами кавалеров ордена. Эта милость польским

заложникам была оказана благодаря протекции князя Н. В. Репнина. Обещая родителям братьев Чарторыйских «все устроить на берегах Невы», Репнин поручил их особому покровительству князя А. Б. Куракина, личного друга императора Павла. Но еще ранее, 5 марта 1795 года, при жизни Екатерины, был снят секвестр с имений Чарторыйских в Польше, а с 12 августа 1799-го Адама зачислили в российскую Коллегию иностранных дел в чине тайного советника и отправили в качестве императорского посланника в Сардинское королевство.

Наследник русского престола Александр Павлович с ранних лет испытывал искреннее расположение к Адаму. В первые же недели своего воцарения он вернул польского князя из Сардинского королевства, где тот все еще оставался русским послом. Наряду с другими «молодыми друзьями» (Н. Н. Новосильцевым, П. А. Строгановым, В. П. Кочубеем) Адам Чарторыйский вошел в «Негласный Комитет», ставший важнейшим совещательным органом при царе.

По образному выражению Герцена, «Александр явился на царский помост с Лагарпом в голове, окруженный седым догнивающим развратом екатерининской эпохи». Влияние главного воспитателя императора Александра несомненно. В этом отношении характерно письмо, написанное Лагарпу еще наследником-цесаревичем Александром от 27 сентября 1797 года: «Наконец-то я мог свободно насладиться возможностью побеседовать с Вами, мой дорогой друг... Письмо это передаст Вам Новосильцев; он едет с исключительной целью повидать Вас и спросить Ваших советов и узаконений в деле чрезвычайной важности – об обеспечении блага России при введении свободной конституции... Я поделился этой мыслью с людьми просвещенными, со своей стороны много думавшими об этом. Всего-навсего нас четверо, а именно: Новосильцев, граф Строганов, молодой Чарторыйский, мой адъютант, выдающийся молодой человек, и я».

С 1802 года внешнеполитические задачи России решало Министерство иностранных дел, куда канцлером был назначен один из влиятельных сановников – Александр Романович Воронцов, человек независимых суждений и сторонник сенатской конституции. С угасанием «Негласного Комитета» Адама Адамовича перевели на пост помощника министра иностранных дел, а затем, по рекомендации графа Воронцова, – на пост министра иностранных дел Российской империи. Здесь и развернулась реализация планов Чарторыйского на мирную инициативу в эпоху Наполеоновских войн. По мнению выдающегося историка А. А. Кизеветтера, создавшего школу русской либеральной историографии, «время участия России в коалиции против Наполеона составило пору наибольшей близости Чарторыйского к русскому престолу». Сотрудничество их с Воронцовым вполне естественно. Канцлер придерживался английской ориентации и был давним другом и сторонником преобразования российской государственной системы. К концу жизни, уже старый и немощный человек, он увидел в Чарторыйском достойного преемника. Но и Адам Адамович относился к старому графу с большой симпатией. «Канцлер Воронцов, – вспоминал он позже, – обладал высокими свойствами характера, которые располагали к себе даже наиболее враждебно настроенных участников партий. Канцлер говорил всегда спокойно, мягко, с достоинством, не раздражаясь возникшими трудностями».

В молодом окружении Александра I польский князь был наиболее подготовлен к высокой дипломатической миссии. Первое воспитание он получил в Варшавском кадетском корпусе. Среди его учителей был депутат Французского Учредительного собрания Дюпон де Немур, который специально для братьев Чарторыйских написал краткий курс политической экономии на основании учения физиократа Франсуа Кенэ. В Германии Адам познакомился с философами и просветителями – Гете и Гердером. Во время учебы в Англии и Шотландии его наставником был флорентиец Симеон Плантонелли. На рубеже XVIII–XIX столетий Чарторыйский вполне усвоил новейшие политические веяния, принял непосредственное участие в борьбе за Польскую конституцию 1791 года. Проведенный русским императором на первые роли в государстве, он вполне отдавал себе отчет в том, с каким врагом во внешнеполитической сфере ему придется иметь дело. «Наполеон, – написано в его мемуарах, – был наиболее велик во

время своего консульства... Менее великим представляется он мне за то время, когда облекся он в императорское достоинство, накрылся короной и занялся придворными церемониями, титулами, старинным этикетом. Все, что походит на тщеславие, умаляет истинное величие».

Император Александр видел в Адаме Чарторыйском первого помощника в борьбе с Наполеоном. Пытался он на него опереться и во внутренней политике, поручив составление проекта манифеста, приуроченного к коронации в сентябре 1801 года. Как вспоминал позже сам Чарторыйский, Александр Павлович остался «доволен обо всем, что касалось проведения в жизнь практических идей, о преобразовании Сената, суда, раскрепощения масс, о реформах, удовлетворяющих социальной справедливости, о либеральных учреждениях». Но не решился на те радикальные меры, которые содержались в предложенном проекте, и более об этом никогда не заговаривал.

Однако в отношениях с внешним миром Александр I обойтись без Чарторыйского не мог. Россия все ближе подходила к опасной черте прямого столкновения с наполеоновской Францией. Если в 1795 году Наполеон еще оставался республиканцем, врагом монархии и роялистов по убеждению, то с 1799-го он установил режим личной власти, сосредоточив в своих руках всю ее полноту, а в 1804-м провозгласил себя императором. Адам Адамович тяжело переживал перемены в Европе: «Империя, возникшая на обломках революции, служила доказательством абсурдности так называемых освободительных режимов, которые после сильных и опасных потрясений приводят государство в конце концов к исходному пункту – к восставлению того порядка вещей, от которого хотели освободиться».

Чарторыйский, как, пожалуй, никто другой из политических деятелей Европы, осознал цель, преследуемую Наполеоном. «Выступая на мировой арене, – писал он, – Наполеон отбросил все, что могло заставить поверить в его высокую и благородную миссию. Это был Геркулес, не думавший более о гуманности и стремящийся употребить силу на порабощение мира. Все его желания сводились к восстановлению всюду неограниченной власти со всеми ее злоупотреблениями. Он превратился в обыкновенного узурпатора, и было вполне справедливо бороться с ним его же средствами. Наполеона поддерживали те, у кого страх пересиливал все соображения».

Российский министр иностранных дел Адам Чарторыйский поставил перед собой непростую задачу – противостоять Наполеону-Геркулесу. Он внимательно изучил приемы опытного Воронцова, особо отметив, как именно тот понимал сущность русской нации, ее ментальность. «Всякое проявление могущества, – считал Воронцов, – будь оно даже несправедливым, нравится русским... Первенствовать, повелевать, подавлять – потребность их национальной гордости». «Слабым странам, – толковал его слова Чарторыйский, – надо внушать страх перед русским могуществом. Так Россия поступала по отношению к Шведскому королевству. ... Тогдашняя политика Австрии, в особенности после Люневильского мира 1801 года, заключенного в результате разгрома австрийских войск Наполеоном Бонапартом, велась в жалобно-сентиментальном тоне и позволила России внести в свой тон менторские и властные нотки. Отношения с Пруссией держались на близости двух монархов».

Вся континентальная Европа страшилась Наполеона. Россия, хотя и была настроена миролюбиво, взяла тон, демонстрирующий, что она исходит из равенства сил и считает себя независимой. Чарторыйский связывал осуществление своей внешнеполитической программы с определенной ролью Англии, которая должна была занять ключевые позиции в осуществлении намеченной им программы. Но позиция Англии сдерживалась Амьенским договором, заключенным 27 марта 1802 года между Великобританией и Францией и завершавшим распад второй антинаполеоновской коалиции. Однако мир с Францией оказался недолговечен. В следующем, 1803 году война возобновилась. В этих условиях уже непрекращающейся вражды между Англией и наполеоновской Францией русская дипломатия сочла целесообразным возобновить контакты с Великобританией на новом уровне.

Александр I, сделав Воронцова-старшего канцлером, продолжал настороженно относиться к обоим братьям Воронцовым. Он не доверял и младшему брату – Семену Романовичу, многолетнему послу Российской империи в Лондоне. По мнению и царя, и Чарторыйского, «безграничный поклонник Англии» граф С. Р. Воронцов был не способен объективно оценить опасность, исходившую от Наполеона, и найти опору в новом раскладе политических сил. Александр предпочел отправить в Европу человека из своего окружения, члена «Негласного Комитета», которому мог безгранично доверять. Выбор пал на Н. Н. Новосильцева, получившего теперь неограниченные полномочия. Ему предписывалось руководствоваться инструкцией Министерства иностранных дел, составленной Адамом Чарторыйским. Этот документ и явился тем стержневым планом, который лег в основу внешнеполитической миротворческой инициативы Чарторыйского.

Первостепенная задача миссии Новосильцева в Лондоне состояла в том, чтобы договориться с премьер-министром Уильямом Питтом-младшим, лидером «новых тори» и одним из инициаторов антинаполеоновской коалиции, о системе сопротивления агрессии Наполеона. В инструкции Чарторыйского, содержащей план создания общеевропейской безопасности, отводилось место и плану переустройства Европы без Наполеона. Ее автор предлагал «дружественной Англии» глубокие и серьезные преобразования в международных отношениях, особо подчеркивая миротворческую инициативу России и главного миротворца – императора Александра I. Польский князь хорошо изучил характер самодовольного русского монарха и льстил его тщеславию, отводя решающую роль на международной арене именно ему. Надо признать, что Чарторыйский в переплетении дипломатических интересов пытался найти точку опоры и для решения судьбы Польши, ее восстановления как самостоятельного государства. Это не мешало ему, однако, блюсти национальные интересы России.

Позднее, уже порвав с Россией, Адам Адамович вспоминал: «Я хотел, чтобы Александр сделался в некотором роде верховным судьей и посредником для всех цивилизованных народов мира, чтобы он был защитником слабых и угнетенных, стержнем справедливости среди народов, чтобы, наконец, его царствование послужило началом новой эры в европейской политике, основанной на общем благе и соблюдении прав каждого». По существу, эти слова обнаруживают приверженность их автора просветительским ценностям, приверженность, которая опиралась на юношеские впечатления, вынесенные из первых лет знакомства с цесаревичем Александром Павловичем. «Моя политическая программа, – писал позже Чарторыйский, – была горячо поддержана императором. План мой касался далекого будущего, оставляя открытое поле воображению и всякого рода комбинациям».

Свой внешнеполитический замысел, продуманный до тонкостей в течение нескольких лет пребывания на дипломатической службе, Чарторыйский изложил в сочинении «Опыт дипломатии». Объединяющей идеей для всех стран Европы он считал пробуждение национальных и патриотических чувств народов, попавших под владычество Наполеона. «Я говорил о постепенном освобождении народов, несправедливо лишенных их политической самостоятельности; я не боялся говорить о греках и славянах, ибо подобная мысль не шла вразрез с взглядами и желаниями русских; однако те же принципы должны быть применены и к Польше... Моя политическая программа вела к постепенному восстановлению королевства. Я избегал произносить имя Польши, идея ее восстановления вытекала сама собой из моей программы и того направления, которое я хотел русской политике».

Идея освобождения угнетенных народов служила доминантой в плане Чарторыйского. Еще будучи посланником в Сардинии, он чутко уловил потребность разобщенных итальянских земель в объединении и создании в будущем национального независимого государства, свободного от иноземного владычества. Он считал необходимым «предохранение государств Италии от завоевательных действий Франции и от порабощения их Австрией», а восстановление независимости, территориальной целостности рассматривал как объективную перспек-

тиву. Занимаясь внешней политикой в правительстве Александра I, Чарторыйский выступил с инициативой создания союза итальянских государств, и не ошибся. Именно вокруг Пьемонта (Сардинского королевства) и острова Сардиния позже, в 1870 году, завершился подъем Рисорджименто и произошло объединение Италии. Дж. Берти, автор известной книги «Россия и итальянские государства в период Рисорджименто», решающим считает период второй коалиции – именно то время, когда Адам Чарторыйский был русским посланником в Сардинии. «Рано или поздно, – писал Берти, – эта внешняя политика России, главной защитницы Италии на международной арене, должна была найти поддержку у представителей итальянских правящих классов».

Сам автор миротворческого проекта отводил в нем объединенным итальянским государствам немалую роль. Он призывал оставить в стороне свои частные разногласия и, проникшись лишь общими интересами, образовать итальянским королевствам «своего рода конфедерацию». Первым шагом на этом пути мог бы стать союз Пьемонта и Неаполитанского королевства, к которому позже присоединятся остальные итальянские государства. Замыслы Чарторыйского шли и дальше. Он надеялся, что к союзу итальянских государств присоединятся Испания и Португалия.

Другое направление этого внешнеполитического плана – более традиционное сближение России с германскими государствами. При этом ставка делалась не на Пруссию, что бывало раньше, а на такие германские государства, как Бавария, Вюртемберг и другие мелкие герцогства и графства – в качестве противовеса влиянию Пруссии и Австрии.

Чарторыйский стал одним из первых российских политиков, кто выдвинул идею панславизма и последовательно ее отстаивал. План единения и взаимопомощи всех славян и греков, как единоверцев и братьев по крови, вошел органической частью в его миротворческую доктрину. Предлагавшееся объединение всех славян, в том числе и поляков, давало надежду на предотвращение попыток Наполеона захватить Польшу и на получение прочных гарантий ее независимости.

Три названных компонента плана (конфедерация итальянских государств, федерация германских и союзы славянских и греческого народов) дополнялись весьма существенным политическим заключением (впервые эти идеи были включены в «инструкцию» Н. Н. Новосильцева от 11–23 сентября 1804 года). Предложение Чарторыйского сводилось к созданию «Плана европейской лиги». Предполагалось, что после победы над Наполеоном «умиротворенная Европа» станет жить по новому международному кодексу. «Новые правила», обязательные для всех держав, будут содержать требование не начинать войны, соблюдать мир и следовать миротворческой идее до тех пор, пока не использовано требование третейского посредничества. Те страны, которые признают этот кодекс, могут образовать «Европейскую лигу», в которой Россия и Англия выступили бы гарантами нового международного устройства.

Однако замыслы Чарторыйского не сбылись, ибо они натолкнулись на твердое сопротивление Англии, которая вовсе не собиралась уступать ни в одном из затронутых вопросов. В германских делах англичане собирались опереться именно на Пруссию и Австрию, чтобы предотвратить возрастающее влияние России в германском мире. Противопоставить России сильную Пруссию стало задачей английской дипломатии в начале века. Та же тенденция прослеживалась в отношении намерения создать самостоятельные государства славян и греков на Балканах и Восточном Средиземноморье. Этот регион также начал входить в сферу влияния английской дипломатии. Все осложнения стали очевидны для Чарторыйского в ходе миссии Новосильцева в Лондон. Он с горечью писал А. Р. Воронцову: «Политика Питта уже в 1790 году была проникнута величайшей недоброжелательностью ко всяким новым приобретениям России».

Вскоре и сама миссия оказалась под угрозой срыва. «Я боюсь, что нас хотят провести», – писал Чарторыйский Новосильцеву, который жаловался на несговорчивость англичан. Однако

настаивал на продолжении переговоров в Лондоне, и, несмотря на глубокие противоречия и столкновения интересов Англии и России в Центральной Европе и на Балканах, в апреле 1805 года между Лондоном и Петербургом был заключен договор, положивший начало новой антинаполеоновской коалиции.

Внешнеполитический план, проникнутый идеей защиты национальных интересов России, далеко не у всех в окружении Александра I встречал одобрение. «Благосклонность ко мне императора, надо признаться, действительно могла подать повод к подозрению, злословию и наговорам, – вспоминал впоследствии Чарторыйский. – Поляк, пользующийся полным доверием императора и посвященный во все дела, представлял явление оскорбительное для закоренелых понятий и чувств русского общества». Князя заподозрили в тайном сочувствии Франции, в желании вовлечь молодого императора в переговоры с Бонапартом и, «так сказать, держать его под очарованием гения Наполеона». Петербургские светские салоны стремились очернить его, возложив на него ответственность за неудачи в европейской политике. Между тем Адам Адамович прекрасно понимал, что Наполеон представлял большую опасность для всех европейских держав, как могущественных, так и второстепенных: «Русские всегда подозревали меня в желании склонить русскую политику к тесной связи с Наполеоном, но я был далек от этой мысли, ибо для меня было очевидным, что всякое соглашение между этими двумя государствами было гибельным для интересов Польши».

Чарторыйский продолжал настаивать на своем плане по преодолению намерений Наполеона завоевать Центральную Европу и распространить агрессию на Польшу и Россию (тому есть свидетельства, рассеянные по разным архивам). Он бережно сохранял дипломатические связи с Сардинией. Налаживая контакты с другими итальянскими государствами, вел с ними активную переписку (уже на посту министра иностранных дел России). Им подготовлен ряд правительственных документов («Проект декларации России и Неаполитанского королевства – 1804 год», «О высадке в Неаполе русского войскового десанта в противовес интересам Бонапарта в 1805 году»), собрана и тщательно сохранена вся корреспонденция по итальянскому вопросу («Записка неустановленного неаполитанца о планах французов в Неаполитанском королевстве 1804 года», «Письмо Александра I королю Сардинии Виктору Эммануилу от 2 января 1805 года с предложением заключить соглашение, преследующее общие антинаполеоновские цели»). Обращает на себя внимание «Инструкция» Александра I, составленная Адамом Чарторыйским 18 февраля 1805 года; ситуация в Италии определяется им как крайне опасная: «Властолюбие французского правительства требует упрочения королевства Неаполитанского». Документ призывает монарха «Королевства обеих Сицилий» к активным действиям; внимание в нем обращено на грозящее присоединение Савойи и Пьемонта к Франции, которая в результате этих захватов получает «недозволенное владычество над всей Италией»: «Король Неаполитанский один довольно долго избегал сего ига, хотя и не в силах противостоять давлению французских войск в его областях. Бонапарт не довольствуется настоящим могуществом Франции, ищет распространить оное на счет владений Оттоманской империи и выйти к Средиземному морю». Заканчивается инструкция сообщением о переводе отряда войск из Корфу в Средиземное море для защиты Неаполя.

Политические события, развернувшиеся в Европе в 1805–1806 годах, не позволили осуществиться замыслам политика. В правящих кругах России все настойчивее звучали голоса, требующие его отставки с поста министра иностранных дел и отзыва Семена Воронцова из Лондона. В сложившихся условиях Чарторыйскому уже нечего было терять, и он подал императору «Записку» (датированную 9 декабря 1806 года) с предложением предоставить Польше автономию и провозгласить ее королевством, мотивируя это опасностью захвата его родины Наполеоном; наследственным королем предлагалось провозгласить русского императора Александра I. Себе автор «Записки» отводил скромную роль «советника». Ответ был резко отрицательным.

Вместо изоляции Пруссии, которую предлагал Адам Адамович, русский император заключил союз с прусским королем Фридрихом Великим. Но окончательно порвать со своим давним другом не решился: накануне возможной войны с Наполеоном России было необходимо заручиться сочувствием Польши. Он посетил Пулавы – родовое имение Чарторыйских, но вслед за этим навестил и Фридриха. Их переговоры определили рамки сотрудничества России и Пруссии. На предстоящее свидание с Наполеоном в Тильзите Александр пригласил в числе других сановников и Чарторыйского, но его советы потонули в хоре голосов других сановников.

После подписания Тильзитского мира 7 июля 1807 года и образования Герцогства Варшавского Чарторыйский покинул пост министра иностранных дел. Он назвал это соглашение гибельным; осудили его и другие «молодые друзья» Александра: В. П. Кочубей просил об отставке, Строганов и Новосильцев стали распространять в Петербурге антительзитские памфлеты, им вторил и Чарторыйский. Это событие стало ошибкой не только для русского императора. По мнению историка Наполеоновских войн Ф. Меринга, просчитался и Наполеон, думавший, что договор с Россией поможет ему одолеть главного врага – Англию: «Тильзитский мир, казалось, возводил французского императора на вершину могущества, но на самом деле был величайшим грехопадением в его жизни».

Отстранение министра иностранных дел с его поста не означало полного разочарования Александра I в своем многолетнем соратнике. С 1802 по 1822 год Чарторыйский являлся попечителем Виленского учебного округа, где находился знаменитый университет, один из старейших в Европе. Компетентность польского князя в вопросах просвещения не раз была отмечена царем. С 1802 года он числился товарищем министра народного просвещения, занимаясь преимущественно университетской политикой. Он составил Устав для Виленского университета, а позже стал одним из авторов Устава 1804 года для всех университетов Российской империи, который впервые предоставлял этим учебным заведениям автономию.

Виленский университет стал одним из источников вольномыслия в России и Польше. В нем, по приглашению Чарторыйского, сотрудничал граф Стройновский, в свое время получивший золотую медаль от Вольного экономического общества за проект освобождения крестьян и перевода их на найм в помещичьих усадьбах. Здесь преподавал поэт Адам Мицкевич: его поэма «Дзяды», содержащая активный призыв к защите национальных интересов Польши, имела широкое распространение. К тому же времени относятся действия вольнолюбивых обществ филوماتов и филоретов, которые близко сотрудничали с тайными организациями русских дворянских революционеров. В Вильно имелись связи и с Польским патриотическим обществом.

Адам Чарторыйский напрямую связывал успехи просвещения с политической сферой деятельности государства. Его отец, Адам Казимир Чарторыйский, в свое время (1773–1794) инициировал создание Эбукационной комиссии по просвещению польского народа: по существу, это первая попытка создания в Европе министерства просвещения. Программа просвещения входила составной частью в миротворческий проект Чарторыйского, который мыслил будущее Европы как демократический союз национальных государств, основанных на широком развитии просвещения.

С 1811 года намечается новое сближение Чарторыйского с Александром I. В самый канун войны Наполеона с Россией неминуемо встал вопрос о Польше. Адам Адамович сам ищет способы обратить на это обстоятельство внимание русского императора. В письме к Марии Федоровне М. М. Алопеус, один из ведущих русских дипломатов, передает просьбу Чарторыйского, связанную с его новым дипломатическим замыслом относительно Польши. Императрица выступает посредницей в передаче письма от 6 января 1811 года Александру I. Его автор советует присоединить к Польше русские пограничные области, «чтобы границей была

Двина, Березина и Днепр». Между Чарторыйским и императором возникает переписка, в которой выясняются новые детали воссоздания Речи Посполитой.

Чарторыйский предполагал, что возрождение его родины возможно под скипетром великого князя Михаила Павловича. Но Александр, на словах соглашаясь с этим замыслом, настаивал на сохранении Литвы, Подолии и Волыни в составе собственно России, продолжая рассматривать эти области как исконно русские. В переговорах с Наполеоном русский император всегда выступал против «воссоединения Польши».

Сближение позиций Чарторыйского и Александра I произошло на Венском конгрессе, открывшемся в сентябре 1814 года и завершавшем борьбу коалиции европейских держав с Наполеоном. Император взял с собою ряд советников, в том числе и Адама Чарторыйского как знатока польских проблем: судьбу Польши предстояло решать теперь в Вене.

Распределив вознаграждения между странами-победительницами, Венский конгресс занялся созданием блока монархических государств. В какой-то степени он напоминал план Чарторыйского о союзе германских и итальянских государств начала XIX века. Однако это объединение осуществлялось в новой политической обстановке. Провозглашенная Конгрессом доктрина «легитимизма» сочетала теперь принцип незыблемости наследственных монархий с решительным противодействием революционным и национально-освободительным движениям, несмотря на то что многие из них как раз боролись за возвращение законных наследственных правительств и освобождение от иноземного ига. С другой стороны, Александр I, как и другие монархи Европы, постарался выработать более гибкие методы привлечения на свою сторону либеральной буржуазии посленаполеоновской Европы. Последовательно были введены конституции: Сенатская конституция во Франции (1814), Конституция в Баварии (1816), Конституция в Вюртемберге (1819).

В Вене союзные державы долго спорили не только по территориальным вопросам, но и о будущем статусе Польского государства: сохранить ли национальный суверенитет Польши или обеспечить ее вхождение в состав Российской империи на положении провинции? При несомненном влиянии и участии Адама Чарторыйского в качестве советника при русской миссии на Венском конгрессе в мирный договор было введено положение о предоставлении Польше Конституции и образовании самостоятельного Царства Польского в составе Российской империи. Однако наместником Царства Польского назначили не Адама Чарторыйского, на что тот надеялся до последней минуты, а великого князя Константина Павловича. Чарторыйский получил только должность члена Административного совета и сенатора. Уже не в первый раз Александр I показал себя ловким политиком.

В мае 1815 года вышел Указ русского императора о преобразовании Временного Верховного совета Польши во Временное правительство Польши во главе с вице-президентом Адамом Чарторыйским. Казалось, император помнит юношескую дружбу, а тщеславные надежды польского князя сбываются. Действительно, на первых порах он воспринял этот жест как подарок за многолетнюю службу в русском правительстве и как частичное воплощение своего миротворческого плана на европейской международной арене. Однако вскоре пришло разочарование. Параллельно с правительственными учреждениями Польши был создан Военный комитет во главе с Константином Павловичем, в распоряжении которого осталось польское войско. Два конкурирующих учреждения были обречены на острый конфликт. 27 ноября 1815 года царь подписал Конституцию Царства Польского. Проект ее готовила комиссия под председательством Адама Чарторыйского, куда входили аристократы Шанявский и Соболевский. Это обстоятельство в большой степени определяло шляхетский характер Конституции, которую редактировал лично Александр. Большая часть голосов отдавалась землевладельцам, городским плательщикам налогов. Крестьяне, номинально лично свободные по закону Герцогства Варшавского 1807 года, вовсе не допускались до выборов. В результате польский сейм лишился законодательной инициативы, а вся полнота власти принадлежала российскому императору.

Он мог переносить сроки созыва сейма, распоряжаться бюджетом, за ним оставалась высшая судебная власть. Сейм имел, скорее, законосовещательную компетенцию.

Тем не менее надо отдать должное Польской конституции 1815 года, которая стоит в одном ряду с наиболее прогрессивными современными ей правовыми документами по закреплению буржуазных правовых норм. Вот статья, формулирующая идею народного представительства: «Польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство. Оно заключается в Сейме, состоящем из царя и из двух палат (Сенат и Посольская изба)». Провозглашение идеи народного представительства в Европе, среди государств, сохраняющих еще абсолютистские режимы (Россия, Пруссия и др.), само по себе крупное политическое новшество. Но оно вступало в глубокое противоречие с сохранившейся в Европе идеей феодальной государственности.

Важнейшее достижение Польской конституции – принцип разделения властей. Законодательная власть сосредотачивалась в сейме (совместно с монархом). Исполнительная воплощалась в Административном совете, куда входили наместник, пять министров (вероисповедания и народного просвещения, юстиции, внутренних дел и полиции, военного и финансов), чины высшей администрации и лица, назначаемые царем. Исполнительная власть ограничивалась вмешательством наместника, который по Конституции 1815 года возглавлял все управление Царством Польским. Сам он был подотчетен статс-секретарю, назначаемому непосредственно императором.

Специальный раздел Конституции отведен организации судебной власти. «Судебная власть, – гласила статья 138, – конституционно независима». Высшим органом являлся Высший суд, учрежденный в Варшаве. В его состав входили сенаторы и судьи, назначаемые царем пожизненно; в его компетенции находились гражданские и уголовные дела всего Царства Польского. Система судопроизводства на местах допускала довольно широкое привлечение разных слоев населения. В каждом воеводстве действовал и коммерческий суд, решавший торговые дела: Конституция учитывала подъем торгового и промышленного капитала. Выборность судей низшей инстанции свидетельствовала о постепенном движении Конституции в сторону демократизма. Кроме судов высшей инстанции предусматривались суды второй инстанции – апелляционные палаты. Оставались и мировые суды. Особо важные дела о политических государственных преступлениях передавались в специальный Сеймовый суд, состоящий из всех членов Сената.

Польская конституция 1815 года предусматривала некоторые буржуазные права и свободы: гласность деятельности Государственного совета, возможность публиковать отчет о его работе, признание польского языка государственным. Отдельная статья определяла: государственные должности в Царстве Польском могут занимать только лица польской национальности. Предусматривалась и статья о свободе передвижения и перемещения имущества, что отвечало экономическому развитию страны; особо подчеркивался принцип «неприкосновенности частной собственности».

Предложения Адама Чарторыйского при разработке Конституции Польши были учтены, но большей частью его рекомендаций разработчики пренебрегли. Современник событий Бажековский так описывал отношение шляхты к этому документу: «Легко было предвидеть, что Конституция недолго будет соблюдаться и уважаться. Да и как можно было предполагать, что абсолютный монарх, неограниченный властелин пятидесяти миллионов подданных, будет стеснять свою власть. Он прикрыл этот клочок земли конституционной хартией потому, что так предписал поступить политический расчет, но он, естественно, должен был считать свою волю выше всего, тем более что превосходство сил обеспечивало ему победу».

Адам Адамович скоро понял, что остался не у дел. Неудовлетворенность своим положением, ущемление прав поляков, лишение Польши национальной независимости глубоко задевали его. Конституция, исходившая от страны-победительницы, не могла удовлетворить поль-

ское общество. Для Чарторыйского свободная, независимая Польша продолжала оставаться заветной мечтой. Некоторое время он еще продержался на русской службе, в 1825 году, как сенатор, вынужден был участвовать в суде над членами польских тайных обществ.

Но уже в 1830-м Адам Чарторыйский принял самое горячее участие в восстании в Польше, возглавил польский Сенат в качестве его президента и стал знаменем Национального правительства. После разгрома Польского восстания 1830–1831 годов он эмигрировал в Англию, а затем переселился в Париж, где и прожил до конца жизни. Отель «Ламбер» – центр польской аристократической эмиграции, основанный Адамом Чарторыйским, – возглавил после его смерти в 1861 году его сын Владислав.

Михаил Михайлович Сперанский: «Поменять шаткое своеволие на свободу верную...»

Ирина Худушина

Михаил Сперанский родился 1 января 1772 года в селе Черкутино Владимирской губернии в семье потомственных священнослужителей. В семь лет его отдали во Владимирскую семинарию, где по обычаю, существовавшему в духовном сословии, ему дали фамилию Сперанский (от латинского глагола «sperare» – *надеяться*). Когда в Петербурге была основана Главная семинария при Александро-Невском монастыре, куда направлялись «*надежнейшие в благонравии, поведении и учении*» семинаристы, Михаил Сперанский был переведен туда на казенное содержание.

С годами молодого семинариста все больше интересовали философия, право и политическая мысль Запада. Сперанский прочитал в подлинниках сочинения Вольтера, Дидро, Локка, Лейбница, Кондильяка, Канта и многих других популярных в ту пору авторов.

В то время Сперанский готовился к духовному поприщу. Вскоре его первые проповеди были замечены в Петербурге. Услышав некоторые из них, митрополит Санкт-Петербургский Гавриил был поражен их глубиной и логикой изложения. По его распоряжению Сперанского оставили в Главной семинарии преподавателем математики, физики и красноречия, а вскоре назначили преподавателем философии и префектом семинарии. Должность эта предполагала принятие монашества: митрополит понимал, что такие люди, как Сперанский, нужны церкви. Но Сперанский отказался: он мечтал уехать за границу, чтобы продолжить образование. Кто бы мог предположить, что пройдет всего два года – и Сперанский получит потомственное дворянство, а переменчивая Фортуна уже выбрала его своим любимцем.

Богатому екатерининскому вельможе, князю Алексею Борисовичу Куракину, понадобился домашний секретарь для ведения переписки. Выбор пал на Сперанского. На новом месте тот близко сошелся с прибывшим из Пруссии гувернером Брюкнером, отчаянным поклонником Вольтера. Они бесконечно беседовали о Западе и России. Комната гувернера стала тем местом, где идеи будущего реформатора впервые прозвучали вслух.

Взошедший вскоре на престол Павел I пожаловал Куракина, друга своей юности, в сенаторы, а потом и в генерал-прокуроры. На этом поприще Сперанский был ему необходим. Сановник легко договорился с митрополитом, и Сперанский навсегда оставил Петербургскую семинарию.

В декабре 1799 года двадцатисемилетний Сперанский уже был статским советником, а еще через полтора года – действительным статским советником. Биографы изумлялись, читая его формулярный список: всего за четыре с половиной года бедный попович из домашнего секретаря влиятельного вельможи достиг чина, соответствующего генеральскому званию.

К тому времени не только бедная юность была позади, но ушло навсегда и счастье: Сперанский овдовел. Юную англичанку, дочь пастора, поразившую его своей красотой, он встретил в 1798 году. Очень скоро двадцатилетний Михаил Сперанский и шестнадцатилетняя Елизавета обвенчались. Счастье их длилось всего одиннадцать месяцев. В сентябре 1799 года у Сперанского родилась дочь Елизавета, а у его жены после родов началась быстротечная чахотка. Вернувшись однажды со службы домой, Сперанский застал жену мертвой. Не помня себя от горя, он ушел из дома – только спустя много дней его нашли на одном из невских островов. Дочь вернула его к жизни; работа помогла забыться. Он так и не женился второй раз.

Приход к власти Александра I ознаменовал начало новой эпохи. Закончился XVIII век. Слово «свобода» носилось в воздухе. Тогда, на рассвете alexandrovского царствования, быстрые преобразования казались возможны. Советниками молодого царя были все сплошь «евро-

пейцы» – по образованию и убеждениям – граф Павел Александрович Строганов, его двоюродный брат Николай Николаевич Новосильцев, граф Виктор Павлович Кочубей, князь Адам Чарторижский. «Молодые друзья» царя образовали «Негласный Комитет», где обсуждались планы реформирования России. Усилиями «Негласного Комитета» (люди екатерининского века, в частности Г. Р. Державин, называли его не иначе как «якобинской шайкой») были сделаны первые шаги в сторону реформ, например, было предоставлено право покупки земли всем свободным гражданам.

Молодые реформаторы, однако, понимали, что главное зло – самодержавие. Сам Александр писал своему учителю Лагарпу, что намерен «сделать невозможным деспотизм в России» и провозгласить «важнейшей задачей своего правления установление прославленных прав граждан».

К началу нового царствования имя бывшего семинариста Сперанского уже было известно в чиновничьем мире. Министр внутренних дел, умный, тонкий и образованный, граф В. П. Кочубей привлек Сперанского к работе в своем ведомстве.

Сперанского ценили за профессионализм и работоспособность. «Молодые друзья» императора могли бесконечно обсуждать государственные проблемы, но придать бумаге вид документа умел только Сперанский. Он, будучи свободным от сословных предрассудков, глядел намного дальше «молодых друзей».

В 1802–1804 годах Сперанский написал целый ряд политических записок, часть которых была написана по заказу Кочубея, часть – по собственной инициативе. С первых же шагов он проявил себя как сторонник идеи первенства закона над властью самодержца. Сперанский был убежден, что государственный строй, существующий в России, должен измениться: деспотия призвана уступить место «истинной», *конституционной* монархии. Главным двигателем реформ, по его мнению, должен стать просвещенный государь. Но в отличие от «молодых реформаторов» Сперанский искал силу, способную гарантировать выполнение закона самим государем. Эту силу он находил в «народе» и общественном мнении: «Не правительство рождает силы народные, но народ составляет силы его. Правительство всемогуще, когда народ быть таковым ему попускает».

Критикуя систему правления, Сперанский действовал, конечно, в интересах самой власти. Положение, когда три ветви власти соединены в руках самодержца, неэффективно, ибо не обеспечивает правопорядка и даже, как показал опыт, не гарантирует от переворота в верхах. Компетенции Госсювета, Сената, министерств спутаны; общество не уважает законы. Поэтому Сперанский отстаивал мысль о «коренных законах», которым должны подчиниться все – как монарх, так и общество.

В первый период своей деятельности Сперанский считал, что начинать надо с политической реформы, которая станет гарантом всех дальнейших преобразований в гражданском праве. Такой политический идеализм подкреплялся верой в то, что утверждение «истинной монархии» будет способствовать становлению политической зрелости третьего сословия, а политическая свобода пробудит в гражданах чувство собственного достоинства и даст толчок к развитию общественной деятельности. В этом-то и заключалась уникальность эпохи Александра I: при отсутствии какого бы то ни было движения снизу, в условиях относительной социально-политической стабильности, Россию, казалось, можно было сдвинуть, установить законы, не нарушая при этом прерогатив императора.

Первые политические проекты Сперанского были следствием его размышлений о социальном порядке и человеческой свободе. Вслед за Кантом он полагал свободу изначально данной человеку благодаря его разумной свободной воле. Внутренняя свобода человека – это возможность распоряжаться собой и своими желаниями, то есть выбор между двумя путями развития личности – «восходящим» и «нисходящим». «К восходящему пути совершенствова-

ния принадлежат все явления человеческой жизни, все деяния, посредством коих бытие ограниченное освобождается от пределов, приближается к бытию совершенному...»

Большое значение придавал Сперанский и понятию «внешней свободы», образуемому социальными институтами. Согласно Сперанскому, человек, вступивший в общество и свободно выбравший «восходящий» путь, тем самым усиливает и умножает свою свободу. Он «обращает свой мертвый капитал в доходный, меняет шаткое своеволие на свободу верную. И сколь бы ни была ограничена и свобода, если только она не подавляется рабством, она лучше и вернее естественного состояния». Поэтому Сперанский строго различает положительную «свободу народа», построенную на подчинении праву, и отрицательную «свободу черни», стремящейся увильнуть от исполнения гражданских обязанностей. Сознательное самоограничение естественной свободы, воспитанное длительным процессом гражданственности, согласно Сперанскому, – высшая степень свободы. Ее может и должен достичь каждый разумный и законопослушный гражданин, в том числе и монарх.

Между тем ситуация в России и Европе значительно изменилась. Поражение при Аустерлице, подписание невыгодного для России Тильзитского мира, демонстративная дружба со вчерашним врагом – «чудовищем Буонапарте», присоединение к континентальной блокаде Англии и ухудшение в этой связи экономического положения вызвали глубокий кризис российской власти. Шведский посланник при русском дворе Курт фон Стединк докладывал осенью 1807 года королю Густаву IV: «Недовольство императором все более и более растет, повсюду говорят такое, что страшно слушать... Раздаются публичные речи о необходимости перемены правления... Говорят, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена от власти, а так как императрица-мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на трон хотят возвести великую княгиню Екатерину...» Чтобы укрепить свое положение, Александр I сделал ставку на Сперанского, популярного в придворных кругах и, что было важно для царя, никогда не скрывавшего своих профранцузских симпатий.

Император познакомился со своим статс-секретарем еще в 1806 году, когда граф Кочубей во время частых болезней начал посылать для доклада вместо себя Сперанского. Превосходный докладчик, безупречный исполнитель принимаемых решений, умевший на лету ловить и угадывать каждое слово, Сперанский сразу же очаровал императора. Оставив Министерство внутренних дел, он стал работать непосредственно под царским началом. В сентябре 1808 года Сперанский находился на переговорах в Эрфурте в числе лиц, пользовавшихся особым доверием Александра. Тогда и Наполеон оценил таланты секретаря русского императора; согласно воспоминаниям очевидцев, Наполеон, имевший со Сперанским приватную беседу, по окончании подвел его к Александру и сказал: «Не угодно ли Вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство?»

Рассказывали также, будто в Эрфурте на вопрос царя: «Как тебе нравится Германия?» – Сперанский ответил: «Постановления на немецкой земле лучше наших, но люди у нас умнее». А император будто бы сказал: «Это и моя мысль, мы еще поговорим, когда воротимся». Именно с Эрфуртского конгресса начинается для Сперанского время высшего величия: в декабре 1808 года он был назначен товарищем (заместителем) министра юстиции, а вскоре получил чин тайного советника.

Именно Сперанскому, который занял должности директора Комиссии законов и государственного секретаря учрежденного Госсовета, было поручено окончательное редактирование «Плана государственного образования», предусматривавшего политическое реформирование государства. Все подробности «Плана» обсуждались лично с императором.

Законы, которые необходимо в короткие сроки установить в России, по мысли Сперанского, в своей совокупности должны были составить Конституцию. Главные принципы ее он видел в следующем: разделение властей, независимость законодательной и судебной власти,

ответственность исполнительной власти перед законодательной. «Правление, доселе самодержавное, учреждается на неперменном законе».

К концу 1809 года основной документ преобразовательных планов царствования Александра I был готов. Главное достижение «Плана» Сперанского – разделение властей и предоставление гражданам избирательного права, ограниченного имущественным цензом. Государственная дума образовывалась путем многоступенчатого избрания: сначала волостная дума, потом окружная и губернская и затем уже государственная. Государственная дума, согласно «Плану» Сперанского, не получала права законодательной инициативы – утверждала закон, принятый Думой, высшая власть. Но всякий закон должен быть предварительно, до своего утверждения, принят Думой, и Дума вправе контролировать действия администрации по соблюдению основных законов. «Весь разум сего Плана состоял в том, чтобы посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить верховной власти более нравственности, достоинства и истинной силы» – так определял значение своей конституции сам М. М. Сперанский.

Реформистский «План» Сперанского не нарушал ни одной привилегии дворянства, полностью оставляя за последним право владения людьми и землями. Но такие положения «Плана», как создание представительных учреждений, подчинение монарха закону, участие населения в законодательстве и местном управлении, возможность перехода из одной социальной группы в другую, – все это в перспективе позволяло России двигаться по направлению к правовому конституционному строю.

Профранцузская ориентация Сперанского дала его влиятельным врагам (силу которых реформатор явно недооценил) повод упрекнуть автора в том, что его проект «сшит из лоскутов» французских конституций 1791–1804 годов. «План» был объявлен «совершенно непригодным» для России. Потенциальная угроза самодержавию, которую нес «План» Сперанского, объединила консервативно настроенные элиты и заставила Александра I отступить. Поздним вечером 17 марта 1812 года, после беседы с царем, в полицейской карете опальный фаворит отправился в ссылку в Нижний Новгород.

Через полгода Сперанский был переведен в Пермь – позднее он увидел в этом решении чуть ли не благодеяние императора. Ведь осенью 1812 года Нижний Новгород стал главным пристанищем бежавших от Наполеона дворянских семей, для которых Сперанский оставался французским шпионом и изменником. Но и в Перми Сперанский оказался без денег, книг, под унижительным постоянным надзором, в обстановке крайней враждебности.

О тяжелых условиях пребывания в ссылке Сперанский написал императору. Вскоре пермский губернатор получил указание министра полиции следующего содержания: «Разуметь сосланного государственного секретаря как тайного советника». Приставленные к ссыльному стражи, которые имели право в любой момент входить к нему в кабинет, исчезли, а напуганный городничий со свитой пришли к тайному советнику на поклон. Впрочем, Михаил Михайлович не был злопамятен: он ждал полной амнистии.

30 августа 1816 года Сперанский получил указ о назначении его пензенским гражданским губернатором. Это было прощение, и бывшие недруги поспешили выразить свое почтение бывшему статс-секретарю. Сперанский сразу нашел государственный подход к местному управлению, план реформирования которого он предлагал еще в проектах 1808–1809 годов. Он начал с того, что ввел довольно редкую по тем временам практику: организовал прием граждан по личным вопросам для того, чтобы знать истинное положение вещей. Центру Сперанский предложил ряд мер: усилить власть вице-губернаторов за счет уменьшения нагрузки губернатора, законодательно определить размер повинности, дать крестьянам право судиться с помещиком, запретить продажу крестьян без земли, устранить препятствия для перехода крестьян в вольные хлебопашцы.

22 марта 1819 года Александр I подписал указ о назначении Сперанского генерал-губернатором Сибири. Император давал Сперанскому полтора-два года, чтобы навести порядок в Сибири, вскрыть все злоупотребления и составить предложения по коренному переустройству края. Новые обширные полномочия не могли не льстить самолюбию Сперанского. К тому же из указа было очевидно, что все былые подозрения сняты, что возвращение в столицу не за горами и, главное, что император видит его в будущем рядом с собой.

Практическая деятельность Сперанского в Пензе и Сибири не могла не повлиять на его взгляды. Если раньше преобразования он связывал с политическими свободами граждан, то теперь он пришел к выводу, что начинать необходимо с гражданских прав, которые «должны предшествовать преобразованиям политическим». В ряду гражданских преобразований на первое место Сперанский выдвигал реформу губернского управления. Им были разработаны и внесены для утверждения несколько законопроектов, затрагивавших различные стороны управления Сибирью (о компетенции и ответственности генерал-губернатора, о составе и структуре губернских учреждений и так далее). Образованный царем летом 1821 года специальный Комитет для рассмотрения отчета Сперанского одобрил все его предложения.

Наконец 8 февраля 1821 года Сперанский пустился в долгий обратный путь из Тобольска. 22 марта он был в Петербурге. «К обеду в Царском селе. Встреча Елисаветы. Какая встреча! Странствовал девять лет и пять дней», – записал Михаил Михайлович в дневнике. Сколько всего пережито, а Сперанскому всего 49 лет. За период с 1812 по 1821 год, который он провел в ссылке и на «выслужении», прошла целая эпоха, грандиозная по своей значимости для России.

Летом 1821 года Сперанский был назначен членом Государственного совета по департаменту законов; ему были пожалованы 3500 десятин земли в полюбившейся ему Пензенской губернии. Дочь его Елизавета была произведена во фрейлины. Но этим царские благодеяния ограничились...

Пришедшему на смену брату императору Николаю I посоветовали поручить написание Манифеста о восшествии на престол именно Сперанскому. Ирония судьбы заключалась в том, что в случае своей победы декабристы также планировали обратиться с подобной просьбой к Сперанскому и даже прочили ему место во Временном правительстве. Зная об этом, Николай I устроил Сперанскому проверку, заставив его участвовать в Верховном уголовном суде над декабристами. Все это чрезвычайно тягостно действовало на Сперанского. Многих активных участников попытки переворота он хорошо знал, а Гавриила Батенькова, который долго жил в доме Сперанского, любил как сына.

Новый император столкнулся с удручающим состоянием российского правосудия. Его по-военному четкий склад ума требовал однозначных ответов, но законодательство, призванное вносить ясность, находилось в состоянии хаоса. Поэтому передача полномочий главы Комиссии по составлению законов Сперанскому была вызвана не особым доверием, а неотложной необходимостью. В 1830 году под руководством Сперанского было издано 45 томов «Полного собрания законов», содержащих 42 000 статей по истории развития русского законодательства. На основании всего этого под руководством Сперанского была начата работа над новым «Сводом законов», куда вошло только то, что «оставалось неизменным и ныне сохраняет свою силу и действие».

19 января 1833 года на заседании Госсовета было решено, что с 1835 года «Свод законов Российской империи» вступает в силу в полном объеме. Николай I торжественно снял с себя Андреевскую звезду и надел ее на Сперанского.

В начале 1840-х годов Сперанский написал свое итоговое сочинение «Руководство к познанию законов». Это был выстраданный сплав убеждений, памятник эволюции взглядов умеренного либерала-конституционалиста под давлением времени и обстоятельств. Впрочем, провозглашенные Сперанским еще в 1803 году идеи прав личности и частной собственности остались и в тексте 1838 года – только теперь они виделись как неотъемлемые элементы создан-

ного Богом нравственного порядка. Порядок же этот мог быть гарантирован единственно в абсолютной монархии, где самодержец подчиняется суду Божьему и суду своей совести. И только этим и ограничен...

В конце 1838 года простуда спровоцировала тяжелую болезнь. 1 января 1839 года, в день, когда Сперанскому исполнилось 67 лет, ему был пожалован графский титул. В те дни он уже не вставал и держался одним усилием воли.

Михаил Михайлович Сперанский скончался 11 февраля 1839 года и был похоронен в Александро-Невской лавре, в стенах которой он полвека назад начинал свое поприще бедным семинаристом. При погребении присутствовал император, двор в полном составе и дипломатический корпус. «Другого Сперанского мне уже не найти», – повторял Николай I.

Александр Иванович Тургенев: «Я – космополит и русский в одно время...»

Евгения Рудницкая

Пушкинисты склонны видеть в А. И. Тургеневе один из прообразов Владимира Ленского, привезшего из «Германии туманной» «учености плоды». По-видимому, для этого есть достаточно оснований. Но прежде чем погрузиться в глубины германской учености, его прообраз прошел школу русской духовной культуры.

Александр Иванович Тургенев (1784–1845) происходил из старинного дворянского рода. Его отец – Иван Петрович Тургенев, богатый помещик Симбирской губернии, до 1779 года находился на военной службе. Биография Ивана Петровича как деятеля русской культуры начинается после выхода в отставку, когда, поселившись в Москве, он сближается с прибывшим туда в том же году Н. И. Новиковым. Тургенев – одна из центральных фигур образовавшегося масонско-просветительского кружка, душой которого был Новиков. Высланный в 1792 году после ареста Новикова и разгрома его кружка в свое симбирское имение, Тургенев был возвращен Павлом I. Его окружение, в которое входили и другие масоны, и дистанцировавшиеся от масонских литературно-эстетических установок Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев, становится центром московской интеллектуальной жизни. Роль в ней И. П. Тургенева еще более возрастает с назначением его директором Московского университета (1800–1803). Его сыновья – Андрей, Александр, Николай и Сергей, росшие в духовной атмосфере масонства, с детства впитывали так называемую «науку самопознания», готовность к «принятию мудрости и ко вступлению на путь добродетели и общественного служения». Вместе с тем им было близко то направление русской мысли, выразителем которого стал Карамзин. Возвратившись из путешествия по Европе, он противопоставляет прозападническим настроениям русских масонов обращение к национальным ценностям и традициям. Синтез двух начал – европейского гуманистического и русского самобытного – во многом сформировал мировоззрение молодых Тургеневых.

Первоначальное образование братья Тургеневы получили под руководством женеваца Георга Кристофа Тоблера, родственника швейцарского проповедника Лафатера. Не без его влияния они увлекаются немецкой литературой, прежде всего Гете, которого Тоблер знал лично и с которым переписывался И. П. Тургенев.

В 1797 году Александр Тургенев поступает в Московский университетский благородный пансион, который оканчивает в 1800 году. Именно тогда его старший брат Андрей, одаренный литератор, создает «Дружеское литературное общество»; оно объединит участников литературных кружков, ранее возникших среди воспитанников пансиона и университета. «Дружеское литературное общество» было по своему замыслу прежде всего просветительским объединением. Ознакомление русской читающей публики с германской литературой, ее лучшими образцами воодушевляло всех собравшихся вокруг Андрея Тургенева. В этом объединении дворянской молодежи, с его ярко выраженными просветительскими установками, не было идейного единства. Если для Андрея Тургенева, Андрея Кайсарова, Алексея Мерзлякова общим (по выражению Ю. М. Лотмана) было «стремление рассматривать литературу как средство пропаганды гражданственных, патриотических идей, а сама цель объединения мыслилась не только как литературная, но и общественно-воспитательная», то для Александра Тургенева, его друзей Василия Жуковского и Михаила Кайсарова была характерна устремленность к высокой морали и философии. Это настроение Александра Тургенева отразилось в произнесенной им на собрании Общества речи «О том, что люди по большей части сами виновники своих несчастий и неудовольствий, встречающихся в их жизни». «Источник зла, разлитого во вселенной, –

утверждает молодой Тургенев, – ты сам, в тебе источник зла, испорченная воля твоя, твоё воображение...»

Геттинген, куда летом 1802 года направился Александр Тургенев вместе с группой других московских студентов, был выбран не случайно. Этот протестантский университет был самым притягательным для русской молодежи в силу высокого научного авторитета. Именно это определило выбор Ивана Петровича Тургенева. Поклонник немецкой учености, он имел давнишние связи с Геттингеном. Среди местных профессоров были ученые, нечуждые новым идеям и теориям, как, например, поклонник Адама Смита профессор политической экономии Георг Сарториус, профессора Арнольд Геерен, Иоганн Эйхгорн, Август Шлецер – люди не только знаменитые своей образованностью, но и обладавшие высоким авторитетом в европейской политике. «Лютер в политике тогдашней», как позже скажет о Шлечере А. И. Тургенев.

Именно в первый – осенний – семестр (1802) Шлецер начал читать «Историю северных государств, наиболее Российской империи». Это был первый университетский курс русской истории. В том же 1802 году вышел первый том его четырехтомного издания начальной летописи – «Нестор».

Тургенева покорила увлеченность Шлечера Россией. «Профессор Шлецер мне отменно полюбился, – писал он родителям, – за свой образ преподавания и за то, что он любит Россию и говорит о ней с такой похвалой и таким жаром, как бы самый ревностный сын моего отечества». Столь же сочувственен был его отклик на трактовку ученым политических уроков истории. Делясь впечатлениями от только что прослушанного курса Шлечера, Тургенев писал: «Основываясь на практической мудрости, он сказал, что хотя страждущие от тиранства подданные имеют право на революцию и право ссадить своего тирана, но что действие сие сопряжено всегда с такой опасностью, что лучше оставить и терпеть до тех пор, пока Провидение само захочет освободить народ от железного скипетра... Сколь далеко простирается история, везде почти показывает она, что, хотя мятежи кой-когда и удавались, всегда почти приносили они с собой больше пагубы и бедствий для народа, нежели, сколько бы претерпел он, снося тиранских действий». Мудрость такой оценки исторической целесообразности революций была очевидна для Тургенева как в ранней юности, так и в зрелые годы. Именно здесь, в Геттингене, в политическом сознании Тургенева укоренилась идея верховенства закона в человеческом сообществе.

В те же годы, осмысливая впечатления, вынесенные из путешествия по немецким и славыанским землям, где он был свидетелем острого конфессионального и национального противостояния, Тургенев становится убежденным космополитом, сторонником «всеобщего человеческого братства». «Для чего не стараться нам, насколько можно, получить *всеобщее чувство* и право называться гражданами одного мира, одной церкви? И зачем все сии расколы в христианстве? Неужели человек, любящий свое отечество, свою родину, совершенно потерял всеобщее чувство братства? Неужели физические границы так сильно отделяют его от собрата его как за горами Апеннинскими, так и за ледовитым морем?» – писал он.

Идеям Тургенева о роли разума в деле прогресса оказался близок протестантизм. В августе 1804 года он писал родителям из Будапешта: «Что касается протестантов и католиков, то мудрено ли, что первые умнее и трудолюбивее последних. Их свободный образ мыслей, очищенный от предрассудков, сблизил протестантов более с просвещением, и они смеют пользоваться открытиями других, между тем как католиков намеренно держат в их прежнем невежестве и успехи всеобщего образования у них гораздо медленнее». Тот культ разума, существовавший в масонском кругу отца, оказался глубоко созвучен восприятию Александром Тургеневым протестантизма, этические нормы которого в начале века воспринимались русским образованным обществом в неразрывной взаимосвязи с экономическим и политическим прогрессом.

Итак, если ранний, московский период жизни А. И. Тургенева был отмечен в основном увлечением литературой, то в Геттингене под влиянием лекций университетских профессоров определяется поворот Тургенева к осмыслению проблем русской истории, ее соотношения с историей Европы. Именно в эти годы, в Геттингене, под влиянием лекций Шлецера, берет начало устойчивый интерес Тургенева к русской культурно-исторической традиции и к источникам русской истории, поискам, сбору и публикации которых он впоследствии посвятил большую часть своей жизни. Уже в геттингенский период Тургенев стал тем, кем он был до конца своей жизни. «Космополит и русский в одно время», – говорил он о себе.

За время обучения в Геттингене Тургенев неоднократно выступает с докладами, публикует статьи в «Вестнике Европы» и «Северном вестнике». Его научные успехи получили самую высокую оценку геттингенских профессоров. Август Шлецер не мыслил своего русского студента вне науки: он снабдил его перед возвращением в Россию рекомендацией в Императорскую академию наук на должность адъюнкта по историческому классу. Александр Тургенев надеялся совместить занятия наукой и государственную службу. «Что касается до будущего моего определения, – писал он отцу из Геттингена, – я всегда надеялся, что служба не совсем лишит меня времени заниматься и что знание наших законов поможет мне и в самой истории». Как видно, уже тогда было определено, что служба эта будет в сфере законодательной.

Служебная карьера Александра Тургенева началась под счастливой звездой – он оказался востребованным временем. Молодой интеллектual, он – знаток современной европейской гуманитарной науки и сторонник новых политических идей – стремился приложить свои знания и убеждения на практике. Именно такие люди нужны были власти, ближайшим сподвижникам Александра I, охваченного идеей реформирования политических устоев России. К их числу принадлежал и Н. Н. Новосильцев, член «Негласного Комитета», товарищ министра юстиции, а фактически глава этого ведомства. Под его началом в 1806 году началась государственная карьера Тургенева – сперва в канцелярии своего шефа, в скромном чине коллежского асессора. Но уже скоро он был зачислен помощником референдария первой экспедиции с особенным назначением – писать историю русского права и преподавать в школе правоведения при Комиссии составления законов. Начинаящий чиновник был приближен к Александру I, исправляя при нем письменные дела во время поездки в Тильзит на встречу с Наполеоном. Когда в 1808 году Комиссию составления законов возглавил М. М. Сперанский, Тургенев сохранил свои функции сотрудника, занимающегося историческими разысканиями. При его участии в министерстве были составлены такие материалы, как «Евреи в России» и «Историческое и статистическое описание Финляндии». А когда Сперанский стал во главе Великой масонской ложи, филиальные ложи которой должны были быть по всей империи (этот замысел включал формирование идеологии масонских лож и перевоспитание российского общества, создание гражданственности и формирование кадров для государственной системы), в нее наряду с С. С. Уваровым, П. Д. Лодием, М. А. Балугьянским вошел и Тургенев.

Деятельность Сперанского по укоренению масонства отвечала настроениям и пожеланиям императора. Однако ввиду общего ужесточения правительственного курса, как следствия внешнеполитических неудач, император изменил отношение к намерениям Сперанского. Угроза гонений, нависшая над членами ложи, стала причиной перехода Тургенева от Сперанского к князю А. Н. Голицыну, обер-прокурору Синода, возглавившему созданное в 1810 году Главное управление духовных дел иностранных исповеданий со статусом министерства. Директором его, поначалу единственного, департамента становится А. И. Тургенев.

Убеждения Тургенева были во многом созвучны тогдашнему политическому курсу Александра I, официальной идеологией которого была господствующая в Европе социальная концепция «евангельского государства». Эту идеологию питали новые реалии российской государственности, требовавшей интегрирования вновь присоединенного населения западных территорий (Финляндия, польские земли) в состав империи, при стремлении Александра I

сохранить либерально-просветительскую позицию первых лет своего правления. Идея «евангельского государства» была ориентирована на достижение новой гражданственности без революций и насилия, путем нравственно-религиозного просвещения и христианской веротерпимости, исходящей из приоритета общехристианских ценностей перед конфессиональными, а общенациональными – перед национальными.

Проводником нового политического курса стал созданный указом Александра I от 6 декабря 1812 года Петербургский комитет Библейского общества, затем ставшего Российским. Во главе его был поставлен А. Н. Голицын; секретарем, неизменно остававшимся на этом посту вплоть до фактической ликвидации Общества в 1825 году, – А. И. Тургенев.

Именно просветительская миссия Библейских обществ, укореняющих нравственные ценности ненасильственными методами, отвечала представлениям Тургенева (видевшего в них «протестантизм в действии») о средствах социального совершенствования. Широчайший размах их издательской и переводческой деятельности, образования народных училищ служил не только задачам межконфессиональной интеграции, но и объединению культурных сил общества. В этой сфере роль Тургенева – интеллектуала высокого класса, энтузиаста, человека неумной энергии и самоотдачи, с его неисчислимыми связями в правительственной и литературной среде – была, конечно, первостепенной.

Между тем Александр I продолжал свой экуменический курс, закрепив его указом 1817 года о соединении всех протестантских церквей России в единую Евангелическую церковь. В том же году было создано соединенное Министерство духовных дел и народного просвещения, духовный департамент которого возглавил А. И. Тургенев.

Тургенев не только играл огромную роль в осуществлении государственной религиозной политики, но и на протяжении почти всего александровского царствования занимал достаточно крупные административные посты в сфере государственно-законодательной. Уже в 1812 году он помощник статс-секретаря Государственного совета по департаменту законов, затем – исправляющий должность статс-секретаря этого департамента; к 1822 году – старший член Комиссии составления законов. То есть один из тех, кто осуществлял проводившуюся в это время работу по кодификации русского законодательства; он придавал ей принципиальное значение, как исходному условию превращения России в правовое государство западного типа.

Для понимания Тургенева как деятеля правительственного либерализма существенно его отношение к Александру I. Наиболее эмоционально оно выразилось при известии о смерти императора. В его словах соединились боль от потери небезразличного ему человека («Сердце не переставало верить в него, любить его, не переставало надеяться...») и обращенное к России горестное признание: «Он у себя отнял славу быть твоим благодетелем, народ в рабстве...» Собственно, то же, но уже жестко и укоризненно, писал он в более позднем письме к брату Николаю: «Храбрый и добрейший из царей – всего и всех боялся и все хитрил там, где мог действовать... с простотою величия и с убеждением, что намерение его согласно с пользою России, с любовью к человечеству, с религиею Христа-Искупителя. На что было умничать? Наказан неверием в чистоту его намерений со стороны и добрых и злых и неуспехом во многом, что лежало на душе его и прежде, и во время его царствования». Царь не оправдал надежд Тургенева.

В 1815 году в Петербурге было основано ставшее знаменитым «Арзамасское братство безвестных людей», куда наряду с В. А. Жуковским, Д. Н. Блудовым, С. С. Уваровым, Д. В. Дашковым вошел и Александр Тургенев. Активным членом кружка был и П. А. Вяземский, который видел в петербургском объединении прямое продолжение своего московского «Дружеского литературного общества», членами которого были Жуковский с Тургеневым.

Резвящийся «Арзамас», с его шуткой и отрицанием авторитарности, предметом осмеяния сделал шишковское «Общество любителей русской словесности», олицетворявшее консервативное начало в литературной жизни 1810-х годов. Ему противопоставлялась просвети-

тельская «французская» идеология, а в плане литературно-эстетическом – сочинения Н. М. Карамзина.

Письма Александра Тургенева тех лет фиксируют сильное влияние Карамзина (и «Истории государства Российского») на его мировоззрение, в частности на понимание устоев России в ее настоящем и будущем. «История его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и, Бог даст, русской возможности конституции...»

Только что вернувшийся из-за границы младший брат Александра Тургенева, Николай, описывая в дневнике под 12 ноября 1816 года свою беседу в «Арзамасе» с Карамзиным, Блудовым и другими о положении в России, резюмирует: «Они... желают цели, но не желают средств. Все отлагают на время». Это относилось и к Александру Тургеневу. Разность его позиции и позиции более радикального Николая стала очевидной сразу: «Он (Н. И. Тургенев. – *Е. Р.*), – писал Александр Иванович брату Сергею, – возвратился сюда в цветущем состоянии здоровья и с либеральными идеями, которые желал бы немедленно употребить в пользу Отечества. Но над бедным Отечеством столько уже было операций всякого рода, особливо в последнее время, что новому оператору надобно быть еще осторожнее, ибо одно уже прикосновение к больному месту весьма чувствительно. К тому же надобно не только знать, где и что болит, но и иметь верное средство к облегчению или совершенному излечению болезни. Тщетные покушения только что могут растравить рану...» Перед нами первое развернутое политическое кредо Тургенева. Его смысл скорректирован в подготовленной Вяземским программой журнала, который планировалось выпускать при «Арзамасе».

Сама идея журнала, заявленная А. И. Тургеневым на заседании «Арзамаса», возникла в результате изменения в расстановке сил в этом объединении. В 1817 году в «Арзамас» вступили участники тайных обществ – Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов, Н. М. Муравьев, стремившиеся придать ему политический характер. Программа Вяземского исходила из идеи прогресса как неукротимого движения народов к просвещению и убеждения о первенствующей роли верховной власти в обеспечении и осуществлении этого движения. Успех его, по Вяземскому, обусловлен опорой на общественные силы, однако акцент делался на реформаторских действиях правительства.

Такое понимание «средств» было далеко от «оперативного» вмешательства, отвергаемого Александром Тургеневым. Вместе с тем и кредо Тургенева, и программа Вяземского фиксируют становление общественного либерализма. Идущее от Радищева сочетание принципов свободы и гражданского равенства, одним из главных практических требований которых была отмена крепостного права, становится приоритетным в русском либерализме. Не сиюминутное преобразование политической системы («Бог даст, доживем до русской возможной конституции»), а освобождение от «позорного рабства» – вот неотложная задача, которая стоит перед русским обществом. В этом сошлись и умеренный «арзамасец» Александр Тургенев, и его радикально настроенный брат Николай, для которого, по его словам, дело освобождения крестьян было «всегда важнейшим».

Между тем сам Вяземский благодаря энергичной поддержке А. И. Тургенева получает назначение в канцелярию комиссара императора в Польше Н. Н. Новосильцева. Он надеялся найти здесь применение своим силам, участвуя в реализации реформаторских замыслов Александра I, который намеревался распространить на Россию конституционные учреждения, дарованные Польше. Как и Вяземский, Тургенев надеялся на введение конституции и одновременно сомневался в такой возможности. Впрочем, в первую очередь обоих волновал крестьянский вопрос. Братья Тургеневы стали главными участниками реализации плана Вяземского о создании «Общества для подготовки отмены крепостного права». В мае 1820 года была подготовлена и подана императору «Записка» с просьбой разрешить создать под руководством управляющего Министерством внутренних дел «общество с целью освобождения

крестьян». Сообщая об этом брату Сергею, Александр Иванович писал: «Мы предлагаем частное постепенное освобождение, которое бы не только подготовило всеобщее, но и повлекло к оному необходимою силою вещей... Попытки и покушения наши не совсем останутся тщетными...». Александр I, сначала благосклонно принявший предложение, в итоге уступил противодействию высшей бюрократии, и проект был отклонен.

Но братья Тургеневы не оставляли усилий по решению крестьянского вопроса. В декабре того же 1820 года на заседании Государственного совета обсуждался подготовленный Николаем и Александром Тургеневыми (и подписанный последним, как членом Совета Комиссии составления законов) проект ограничения крепостного права – запрещение продажи крестьян без земли. Проект был отклонен Государственным советом. Несмотря на это, пользу постановки крестьянского вопроса на высшем государственном уровне Тургенев видел в общественном резонансе. В личном плане – «умолять соотчичей отречься от рабства; имя наше спасется в летописях либерализма».

В рассуждениях А. Тургенева о современной ему России очевидна приверженность «конституционному порядку», «зелень» которого «везде пробивается»: «Она выживает гниль самовластия и в самой закоснелой почве». Он уподобляет конституционализм по его значимости для человечества появлению христианства и уповает, чтобы в России «хотя бы дети наши дожили до этих дней».

Как и декабристы, Тургенев сочувствует восставшему греческому народу и начавшейся революции в Пьемонте. Однако в России, считал он, «только положительным образом можно действовать, и это положительное отрицательно. Мешать злу – есть у нас одно средство делать добро». Трагическая несоизмеримость «зла» и «добра» не оправдывает, убежден Тургенев, бездействия. Его личный императив – «действовать, то есть говорить и писать, что думаю и чувствую...». И это не фраза, а жизненный принцип, которому он следовал неукоснительно, поражая современников неизбывностью своих усилий оказать поддержку каждому нуждающемуся в ней – от рекрута, крепостного интеллигента, до светил русской литературы. «Он был виртуозом и неутомимым тружеником в круге добра», – писал об Александре Тургеневе Вяземский.

Реакция, определившая политический курс последних лет царствования Александра I, переломила жизнь Тургенева. Отход от идеи «евангелического государства» положил конец фактическому существованию Библейского общества; закончило свои дни и «соединенное министерство». Реванш, который брало реакционное духовенство, донос митрополита Серафима императору на Тургенева поставили точку в его служебной карьере. Летом 1824 года он был отстранен от должности в министерстве и отправлен в отставку. Не случайно она последовала вслед за отставкой Николая Ивановича, связанной с докладом Бенкендорфа императору о тайных политических обществах. В звании камергера и ранге действительного статского советника Александр Иванович вслед за Николаем и вместе с братом Сергеем уезжает за границу. Там их настигли известия о смерти Александра I, событиях 14 декабря, казни пятерых и приговорах другим декабристам.

Для осужденного по первому разряду на вечную каторгу Николая путь на родину стал навсегда закрыт. Сергей, разделявший его радикальные взгляды, был психически сломлен расправой над декабристами и вскоре умер. Александр же ставит своей целью пересмотр приговора брату. Он чередует жизнь за границей с поездками в Россию, перейдя по существу на положение полуэмигранта, политически неблагонадежного для власти человека.

События декабря дали Тургеневу богатую пищу для размышлений. В 1827 году, находясь в Париже и делясь с братом Николаем дошедшими до него слухами о сосланных декабристах, он заметил: «Я вижу благость и в самом бедствии. Мы должны были многое постигнуть, чего без сего опыта и без сего удаления из России, конечно, с такою силою, с таким убеждением, не постигнули». «Сей опыт» извлекался и из новейшей истории Европы, прежде всего Франции,

показавшей цену революции. Тургенев писал в дневнике о себе и брате, что они ищут «наставлений для себя, или обогащение идей, или указание общепользных открытий»: «Везде ищем пользы; везде ищем извлекать ее для Отечества, которое для нас выше и дороже всего...»

Этим поиском, собственно, и наполнены последние двадцать лет жизни Тургенева, проведенные в основном за пределами России. Постоянно возвращаясь во Францию, он исколесил Европу. Бывал множество раз в Германии, Англии, Италии, Австрии, Швейцарии, Голландии, Дании, Швеции. Везде заводил знакомства со светилами науки, литературы, искусства, государственными мужами и политиками, посещал заседания парламентов и дворцы европейских властителей, доки и фабрики, пристанища для бедных и тюрьмы, училища для народа и университеты, музеи и театры. Работал в архивах и библиотеках, извлекая документы по истории России.

В 1836 году, в один из приездов в Россию, он напишет Вяземскому: «Как мое Европейское обрадовалось, увидев в Симбирске пароход, плывущий из Нижнего к Саратову и Астрахани. Хотя на нем сидели татары и киргизы! Отчизна Вальтера Скотта благоденствует родине Карамзина и Державина. Татарщина не может долго устоять против этого угольного дыма Шотландского; он проест ей глаза, и они прояснятся». Только на пути общеевропейской цивилизации, интегрируясь с ней духовно и материально, Россия обретет, уверен Тургенев, достойное будущее. Ближайшие задачи: ликвидировать позорное крепостное право, что откроет простор свободному труду и частной инициативе, безотлагательное создание правовой основы жизни государства путем кодификации законодательных норм и актов при учете «просвещенного опыта других народов».

...Александр Иванович Тургенев умер 3 декабря 1845 года, простудившись на Воробьевых горах. Его отпевали при большом стечении народа. Панихиду служил митрополит Московский и Коломенский Филарет. Тургенев похоронен в Новодевичьем монастыре.

Николай Иванович Тургенев: «Нельзя произнести слово человек, чтобы не иметь вместе с ним понятия о свободе»

Вадим Парсамов

Николай Иванович Тургенев (1789–1871) происходил из дворянской семьи, принадлежащей к тонкому слою интеллектуальной элиты России конца XVIII века. Его отец, известный масон и филантроп Иван Петрович Тургенев, занимался литературной деятельностью и одно время был директором Московского университета. Все его четыре сына оставили след в истории русской культуры. Старший, Андрей, рано умерший гениальный поэт, предвосхищал многие направления в развитии русской литературы. Следующий, Александр, был видным общественным и литературным деятелем. Младший, Сергей, дипломат и политик, по своим взглядам ближе всего стоял к Николаю.

Первоначальное воспитание Николай Тургенев получил дома, затем окончил пансион при Московском университете, а завершил образование в Геттингенском университете сразу по трем специальностям: истории, праву и политэкономии. Юношеские дневники дают представление о культурных и психологических факторах, сформировавших его личность и мировоззрение. Разносторонние интересы зрелого Тургенева, впитавшего все достижения европейской культуры, первоначально базировались на французской просветительской литературе XVIII века, с ее благородными идеями добра и справедливости, высокими представлениями о человеческом достоинстве и разуме. Но происходящее в политической жизни Франции и Европы на рубеже XVIII–XIX веков опровергало многое из того, о чем говорилось в книгах. Чтение Вольтера и Руссо сменялось у молодого человека кошмарными видениями: «Мне кажется все, что Бонапарте придет в Россию, – записал он в дневнике 9 декабря 1806 года. – Я воображаю санкюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам Московским; а что мне кажется и что я воображаю, того никогда не случается. Следовательно, и этого не будет». Однако несколько месяцев спустя, 14 июля 1807 года, Тургенев, чувствуя себя оскорбленным только что заключенным Тильзитским миром, сделал приписку: «Это пророчество сбылось, ибо теперь с ними мир».

Кошмары были вызваны, конечно, в первую очередь военными успехами Наполеона, а не чтением произведений просветителей. Но определенная связь тем не менее просматривалась. 3 апреля 1807 года Тургенев записывает в дневнике общее мнение, возможно им впервые услышанное: «*Вольтер и Руссо были причинами Французской Революции*. – И, подумав, добавляет: – Это быть очень может. Я заметил из сочинений Вольтера, что он по крайней мере способствовал к сему». Руссо с его стремлением к целостному и органическому восприятию мира, к растворению личности в природе и социуме, с одной стороны, и Вольтер с его едким скепсисом, разрушающим как веру, так и безверье и заменяющим и то и другое «леденящим душу деизмом» (Чаадаев), – с другой, ставили Тургенева перед глобальными вопросами бытия, на которые он не находил ответа.

Чтение политической литературы помогало накапливать культурный опыт и вместе с тем обостряло восприятие событий в революционной и наполеоновской Франции. Последнее обстоятельство несло разочарование в самом опыте и порождало желание избавиться от него. «Мне кажется, – записано в дневнике от 5 апреля 1807 года, – что люди до тех пор не могут быть счастливы (я разумею вообще, а не в особенности, т.е. род человеческий), пока они не придут в натуральное существование, т.е. пока все их поступки, дела важные и мелкие, одним словом, все не будет согласоваться с Природою». Влияние Руссо здесь чувствуется скорее на

уровне терминологии, суть же продиктована собственными внутренними ощущениями. Но в силу невозможности бегства от культуры как таковой вина была возложена на культуру французскую, т.е. на то, что находилось ближе всего и полнее всего отождествлялось с культурой в целом.

Так Тургенев объявил войну галломании и в поисках союзника обратился к произведениям А. С. Шишкова. Националистические и галлофобские идеи Шишкова привлекли его в первую очередь своей непохожестью на идеи, бытовавшие в той среде, в которой он был воспитан. Этот поверхностный и непродолжительный «шишковизм» явился своего рода юношеским бунтом против культурного мира отцов: «Напрасно пристрастные, умные и обезьяны-дураки нападают на Шишкова: мнение его о Славянском языке и о Французском совершенно справедливо и не может быть подвержено благоразумной критике». Однако записываться в «дружину славян» (Кюхельбекер) и вставать под знамена Шишкова и К° Тургенев все-таки не решился. В конечном итоге изначальное воспитание в европейских традициях взяло верх, и Шишков был признан «идеалом откровенной глупости и откровенной подлости».

Три года, проведенные в стенах Геттингенского университета, необычайно много дали Тургеневу и в плане практического знания европейской жизни, и в плане научного развития. До конца жизни он сохранил пиетет перед своими немецкими профессорами, в первую очередь перед историком Геереном и экономистом Сарториусом, чье влияние долго будет сказываться в историко-политических и экономических работах их ученика.

Вернувшись на родину в феврале 1812 года, Тургенев был поражен ее отсталостью от Европы. В дневнике запечатлено это состояние растерянности и душевной подавленности. Он не знает, за что взяться, и находится перед сложной дилеммой: остаться в России или покинуть ее навсегда. Война 1812 года, обострившая в Тургеневе чувство патриотизма, вывела его из состояния душевной подавленности. А в 1813 году, с началом заграничных походов русской армии, он получил назначение на должность русского комиссара при Центральном административном департаменте, образованном правительствами стран антинаполеоновской коалиции для управления освобожденными от французов территориями. Во главе этого департамента стоял прусский государственный деятель и реформатор барон Штейн. Он придерживался аристократических убеждений, но при этом проводимые им в Пруссии реформы носили сугубо демократический характер. В частности, Штейн осуществил реформу местного самоуправления на основе бессловных выборов, ликвидировал личную зависимость крестьян от помещика и стер различие между помещичьим и крестьянским землевладением.

Общение со Штейном открыло Тургеневу глаза на то, что следует сделать в России. Отныне и навсегда мысль о «реформах сверху» становится для него своего рода *ide'e fixe*. «Все в России должно быть сделано Правительством; ничто самим народом». Он убежден: главная реформа – отмена крепостного права – должна предшествовать введению конституции. Не договор монарха с нацией, а петровский путь преобразований наиболее оптимален для России. Тургенев создает своего рода «миф» о Петре Великом: либерале, противнике если не самого института крепостного права, то, во всяком случае, его наиболее бесчеловечного проявления – торговли людьми. Эта идея подкреплялась словами царя о запрещении «продавать людей, как скотов, чего во всем свете не водится, и от чего не малый вопль бывает». На этом основании был сделан вывод: «Петр I был либеральнее всех прочих императоров и императриц в сем указе».

Тургенев, европеец по убеждению, не считал Россию европейской страной, по крайней мере изначалью: «Россия не Европа. Европейские известия пролетают через Россию и теряются в ней или в степях, ее окружающих», – записывает он 29 августа 1820 года. Но вместе с тем европейские либеральные ценности кажутся ему единственно возможными условиями цивилизованного существования. Россия же не просто неевропейская страна – в ней отсутствуют внутренние потребности в европеизации, и на время здесь полагаться бессмысленно:

«Дворяне, за картами и в привычке своей праздности, не будут чувствовать и не чувствуют нужды в просвещении». Поэтому выход один – насильственная европеизация сверху. Правительство, который постиг благотворность европейского пути развития, должен обладать чрезвычайными полномочиями для того, чтобы направить Россию по этому же пути.

Идеалом государственного устройства для Тургенева всегда служила Англия. Поэтому в своих оценках политического состояния России он исходит из английской практики. Различие между Англией и Россией, по его убеждению, заключается в следующем: в Англии просвещение народа и правительства всегда шло синхронно, поэтому монархическое правление для нее столь же пагубно, как конституционная монархия – для крепостнической России, где «правительство просвещеннее народа». Петровская эпоха – ярчайший тому пример. В трактате «Политика» Тургенев, явно имея в виду Петра I, писал: «Чистая монархическая власть, сделавшись достоянием государя мудрого и народолюбивого, может быть весьма благотворна, направляя народ в успехах гражданственности, искореняя своею силою варварские обыкновения, поддерживаемые эгоизмом, невежеством, предрассудками, созидая тою же силою новое и прелестное здание общего благополучия народного».

Таким образом, не формальное разделение властей, а наличие механизма, способного с максимальной эффективностью обеспечить управление государством и препятствовать тем злоупотреблениям, которые могут быть проведены в жизнь конституционным путем, является в глазах автора трактата важным признаком благополучия государства. В Англии это обеспечивается ее конституцией. В России это не обеспечивается ничем, кроме личности монарха. Поэтому не формальное подражание английским принципам, а поиск адекватной им формы государственного правления, пригодного для российской действительности, должно, по мнению Тургенева, способствовать движению России по пути прогресса. Однажды он саркастично заметил, что закон «в России играет роль английского короля». Таким образом, Россия оказывается как бы антиподом Англии, и, по обратному принципу, русский царь должен выполнять функции английского закона. Петр, соединяющий в себе силу и разум, как раз и являл собой наиболее адекватное русское соответствие английскому политическому строю.

Наверное, в России (даже в послевоенные годы, когда популярность царя находилась на самом пике) не много нашлось бы людей, столь же лояльных по отношению к Александру I, как Н. И. Тургенев. Он так же боготворил царя, как и отечество: «Имя России не должно быть разделяемо с именем Александра». И тем не менее именно в это время он ведет активную работу по созданию тайного общества. Общество это не должно было быть антиправительственным; напротив, оно призвано было способствовать правительству в проведении реформ. В этом Тургенев опирался на опыт немецкого тайного общества «Тугендбунд» («Союза добродетели»): его целью было возрождение и объединение Германии, а также содействие правительству в реформаторской деятельности. «Тугендбунд» тайлся не столько от прусского правительства, сколько от французов, оккупировавших во время наполеоновского господства германские княжества. От кого же должно было таиться общество, замышляемое Тургеневым?

Под влиянием демократических идей XVIII века и, в частности, Руссо, Н. И. Тургенев «заметил, что между простыми людьми гораздо более хороших и добрых людей, нежели между людьми, принадлежащими к высшим классам». Эту мысль он пронесет через всю свою жизнь, как и убеждение в том, что «русское дворянство уподобилось племени завоевателей, которое силой навязало себя нации». В этом плане дворяне вполне сопоставимы с французами, оккупировавшими Германию, и являются главными врагами на пути процветания отечества. С ними в первую очередь и должно бороться тайное общество, состоящее из людей, которые не желают мириться с сохранением крепостного права. Потому такая конспиративная деятельность вполне уживалась с лояльностью по отношению к царю.

По возвращении в Россию в 1816 году Николай Иванович был назначен помощником статс-секретаря Департамента экономии Государственного совета. Это ввело его в круг бюро-

кратической элиты страны. И он еще раз мог убедиться, насколько далеки эти люди от «либерального образа мыслей». В их среде Тургенев прослыл якобинцем. В это время он, вместе со своим другом генералом М. Ф. Орловым, пытается создать тайное общество – еще не зная, что такое общество под названием «Союз спасения» уже существует. А в 1818 году, вместе с членами распавшегося к тому времени «Союза спасения», они организуют новое общество – «Союз благоденствия». С этого момента Тургенев становится одним из главных идеологов декабризма и останется им до своего отъезда за границу в 1824 году. Его истинная роль в тайных обществах до сих пор до конца не выяснена: в существующих источниках слишком много противоречий. Однако, исходя из политического мировоззрения и психологического склада этого человека, можно полагать: идея военного переворота в России если и рассматривалась им всерьез, то как крайнее и нежелательное средство. Идеальный руководитель общества всегда видел свою главную цель в пропаганде либеральных и освободительных идей.

Однако в отличие от французских либералов, сдержанно относящихся к идее немедленного освобождения русских крепостных, Тургенев выступал сторонником самых решительных действий в этом направлении: «Все эти люди, которые таким образом говорят о свободе, не знают, не понимают свободы; они не чувствуют, что свобода так натуральна, так свойственна человеку (*si naturelle, si humaine*), что нельзя произнести слово человек, чтобы не иметь вместе с ним понятия о свободе. Все равно если бы кто сказал о людях между снегов, в вечной ночи живущих: они еще не созрели для того, чтобы греться на солнышке». Просветители XVIII века, не допускавшие самую мысль о праве одних людей владеть другими, казались ему либеральнее современных французских либералов: «Политические писатели того времени... либеральнее наших». Как и они, Тургенев убежден, что не просвещение является источником свободы, а, наоборот, свобода ведет к подлинному просвещению: «Свобода, устройство гражданское производит и образованность, и просвещение». Отсюда мысль о возможности *немедленного* освобождения крепостных. «Время плохой врач в болезни несчастья народного», – писал Николай Иванович брату Сергею.

Конспиративная деятельность, сколь бы значительной ни пытались ее представить недоброжелатели Тургенева или позднейшие историки, на самом деле ничтожна по сравнению с его общественной и научной работой, преследующей те же освободительные идеи. В 1818 и 1819 годах вышли два издания его книги «Опыт теории налогов». Как установил авторитетнейший знаток Н. И. Тургенева А. Н. Шебунин, она «представляет собой переработку слушанных им в Геттингене финансовых лекций проф. Сарториуса». Для русского читателя, по большей части далекого от немецкой учености, это обстоятельство значения не имело. Книга произвела общественный резонанс, хотя в ней крайне мало говорилось о России – речь шла о европейском опыте налогообложения. Однако на ее страницах последовательно проведены идеи экономического либерализма. На примере средневекового хозяйства автор доказывает, что крепостное право способствовало упадку земледелия, так как крепостные не заинтересованы в результатах своего труда. Любое принуждение в хозяйственной деятельности снижает ее производительность. При этом налоги должны платить не те, кто непосредственно занимаются производством, а те, кто получают доход. Применительно к России это означало, что не крестьяне, а дворяне должны стать податным сословием. Противопоставляя две экономические системы XVIII века, «меркантилистов» (которые видели основу национального богатства в деньгах) и «физиократов» (которые видели его в земле и получаемом с нее продукте), исследователь отдает полное предпочтение последней. И не только потому, что истинное благосостояние состоит не в деньгах, а в заменяемых ими предметах непосредственного использования. Дело в том, что меркантилизм с его протекционистской политикой по отношению к национальной экономике лишает ее возможности здоровой конкуренции, а следовательно, искусственно сдерживает ее развитие. «Рассматривая систему меркантилистов, – сказано в книге, – невольно

привыкаешь ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми вопреки им самим».

Вскоре после выхода второго издания «Опыта теории налогов» Тургенев подал Александру I записку «Нечто о крепостном состоянии в России». В ней не содержалось ничего, что не соответствовало бы взглядам самого царя, и даже известно, что записка произвела на него самое благоприятное впечатление. В теоретической части развивались идеи об экономической неэффективности крепостного хозяйства. Что касается практической стороны вопроса, то декабрист, с учетом адресата, высказывался крайне осмотрительно и не требовал немедленного освобождения. Он лишь обращал внимание на одно обстоятельство: крестьяне в России никогда законодательно не были прикреплены к личности помещика, а лишь к земле, следовательно, все операции по продаже и покупке безземельных крестьян незаконны. Для продвижения крестьянской реформы, помимо запрета продавать людей поодиночке и без земли, Тургенев предлагал: ввести в крепостных деревнях чиновничий надзор за соблюдением интересов крестьян; подтвердить указ Павла I, запрещающий крестьянам работать на помещика более трех дней в неделю; уточнить закон о вольных хлебопашцах (20 февраля 1803 года); ясно прописать условия, на которых помещики могут освобождать своих крепостных. И, наконец, разрешить открыто обсуждать крестьянский вопрос в печати, оставаясь при этом в рамках действующего цензурного устава.

Подав записку и узнав о согласии императора с высказанными предложениями, Тургенев напрасно ждал от него практических шагов. Причины такого бездействия он склонен был объяснять активным противодействием либеральным идеям со стороны высшей бюрократии. Этому и должно было противостоять тайное общество через сеть своих легальных филиалов: литературных обществ, журнальных редакций и т.д. Однако все попытки оказались столь же безрезультатными, как и прямые обращения к царю. Тайное общество в этих условиях эволюционировало в сторону идеи военного переворота. Николаю Ивановичу подобный путь никогда не казался перспективным. Разочаровавшись как в своей общественной деятельности, так и в тайном обществе, он в 1824 году отправился за границу – официально для поправления здоровья. А уже в следующем году восстание на Сенатской площади закрыло для него дорогу обратно. Верховный уголовный суд заочно приговорил Н. И. Тургенева к смертной казни.

До 1830 года он не терял надежды вернуться на родину, оправдаться перед правительством. И с этой целью написал ряд оправдательных записок, где с позиций современной европейской правовой мысли (а также при непосредственном участии видного французского юриста О. Ш. Ренуара) пытался доказать собственную невиновность. Мол, судить нужно поступки, а не намерения; неучастие в вооруженных восстаниях автоматически делает его невиновным... В одной из оправдательных записок говорилось: «Николай Тургенев приговорен к смертной казни за то, что он был лично знаком с некоторыми обвиняемыми, разговаривал с ними о самых обыкновенных вопросах философии или политических вопросах, мечтал (если хотите) о преобразовании Суда и Народного Образования, но находил осуществление их невозможным и торжественно от них отказался».

Оправдаться важно было не только в глазах Николая I, но и в глазах европейской общественности. Здесь примешивался и глубоко личный мотив. В 1829 году Тургенев попросил руки дочери английского помещика Гариэт Лоуэлл, но получил отказ: отец невесты потребовал от него оправдательного приговора. Поэтому декабрист намеревался в 1830 году приехать в Россию и представить суду доказательства своей невиновности. Однако Николай I дал ему понять: никакого «пересуда» не будет, и скорее всего его ждет Сибирь. Он отказался гарантировать осужденному безопасность при пересечении границы, а лично от себя («как человек, а не как император») велел передать, что не советует ему приезжать в Россию. Таким образом, в одночасье рухнули надежды и на возвращение, и на семейное счастье. Впрочем, не навсегда. В

1833 году Николай Иванович сочетался браком с Кларой Виарис, дочерью ветерана Наполеоновских войн; возможности вернуться на родину пришлось ждать долгих семнадцать лет.

Вынужденный эмигрант тяжело переживал свое положение: «Убедившись, что доступ в Россию закрыт для меня навсегда, я постарался оторваться от нее духовно, подобно тому, как уже был отторгнут физически. Я старался думать о ней как можно меньше, стереть самое воспоминание о ней; быть может, мне удалось, сумею я забыть о несчастных, томившихся в Сибири, и о рабах, населяющих империю». Последнее обстоятельство оказалось решающим. Забыть Россию означало для Тургенева не только вычеркнуть из памяти родину и все, что с ней связано, но и примириться с тем, что он ненавидел больше всего на свете: с рабством и бесправием. Он решил продолжать борьбу и по-прежнему настаивать на собственной невинности. Но теперь из ответчика он превращается в истца и перед лицом всей Европы предъявляет иск российскому государственному строю.

Однако невозможно только лишь судить родину: «Впрочем, если я с полным правом мог проклинать официальную Россию, эту варварскую власть, осудившую меня на смерть, то разве я обязан был считать олицетворением родины лишь этот узкий круг причастных к власти? Разве должен был я переносить на всю страну законное отвращение, какое внушали мне некоторые люди, считавшие возможным представлять Россию, только потому, что они управляют ею и говорят от ее имени?» И потому к критике режима, как и в былые времена политической активности, Николай Иванович добавляет так называемые *pia desideria* (благие пожелания), т.е. план реформ, направленных на включение России «в поступательное движение европейской цивилизации».

Все это вместе составило три тома главного литературного труда Н. И. Тургенева «Россия и русские», вышедшего в 1847 году на французском языке во Франции, Бельгии и Голландии и на немецком – в Германии. Первый том посвящен декабристскому прошлому автора. Он важен как либеральная версия декабристского движения, происхождение которого напрямую связывается с общим либеральным курсом Александра I. Тургенев не только отказывает декабристам в революционности, но и вообще исключает из их деятельности антиправительственную направленность. Инициатором реформ выступило правительство, члены тайного общества поверили ему и пошли за ним. Когда же Александр I отказался от преобразований, декабристы лишь продолжили начатое им дело: «Нация шла вперед, государь же, наоборот, двигался вспять». Поэтому в действиях тех, кто не принял участия в восстаниях, нет состава преступления не только с точки зрения европейского правосознания, но и с точки зрения российских законов.

Почему же члены тайных обществ были осуждены? Ответ на этот вопрос читатель должен был получить из второго тома. Россия страна рабов – эту мысль Тургенев последовательно проводит, анализируя положения всех сословий. Ни одно из них не может считать себя по настоящему свободным, т.е. защищенным законодательно и судебно от произвола правительства. У высших сословий: дворянства, духовенства и отчасти купечества – свобода заменена привилегиями, существующими по милости царя. Крестьяне же, которые составляют подавляющее большинство населения, мало чем отличаются, несмотря на некоторые различия в их положении (государственные, удельные, арендные, крепостные и т.д.), от настоящих рабов. Венец этой социальной пирамиды – абсолютный монарх, «который нередко оказывается рабом в еще большей степени, чем последний из его подданных». Декабристы пытались разорвать этот порочный круг. Они выступали против рабства во всех его проявлениях, но рабство оказалось сильнее. И в ходе следствия варварство, свойственное рабскому состоянию, восторжествовало над всеми нормами морали и права, принятыми в цивилизованном обществе.

Какой выход видит Тургенев? Поскольку рабами в России являются все – от царя до последнего подданного, нет таких сословий или даже групп людей, чьим интересам не отвечали бы реформы, избавляющие их от рабского положения. Другое дело, что для представи-

телей привилегированных сословий привилегии нередко оказываются важнее свободы и они субъективно настроены против реформ. Но даже среди них немало здравомыслящих людей, которые руководствуются не узкокорыстными соображениями, а интересами страны. Таковы декабристы, на таких людей следует и в дальнейшем опираться при проведении реформ.

Начинать реформы необходимо с отмены крепостного права – это самый чудовищный и самый опасный для государства вид рабства. Тургенев снова и снова настойчиво повторяет свою излюбленную мысль: крепостничество не только морально разлагает общество, но и препятствует экономическому развитию страны. При этом крепостная зависимость – тот вид рабства, в котором наименее всего заинтересовано правительство. В историческом экскурсе «Введение рабства в России» автор еще раз подчеркивает, что самое ужасное право крепостников – продавать и покупать людей без земли оптом и в розницу – никогда законодательно не было оформлено. «Роковой закон» Бориса Годунова (1593), «навсегда прикрепивший крестьян к земле... не установил, однако, то жестокое крепостничество, какое существует в настоящее время. Крестьяне были прикреплены к земле, подобно приписанным к земле (*glebae adscripti*) в феодальной Европе; но помещик не мог по своей воле отнять их от земли, на которой они жили. Все, что отличает человека, приписанного к земле, от раба – нынешнего русского крестьянина, было установлено позднее». При этом цари, начиная с Петра I, обращали внимание на недопустимость продажи людей без земли, но практика всякий раз оказывалась сильнее.

Тургеневу это дает основание считать, что самодержавное правительство не заинтересовано в сохранении рабства. Ряд законоположений, от указа Александра I о вольных хлебопашцах и вплоть до указа Николая I об обязанных крестьянах от 2 апреля 1842 года, лишь подтверждал его уверенность. Поэтому бывший декабрист по-прежнему убежден, что в России только правительство должно проводить реформы. Этот процесс всегда представлялся ему как развертывание во времени хорошо обдуманного широкого плана преобразований. «Ни одна частная мера не должна вводиться, пока не будет обдуман вопрос о том, какое воздействие она окажет на тех, кто будет ее исполнять. Мало того, что реформа хороша сама по себе, она еще должна оказаться кстати, то есть проводить ее надо в нужное время и в нужном месте; иначе мы не только не извлечем из нее всю возможную пользу и уменьшим ее добрые последствия, но задержим и испортим то, что должно ее увенчать».

Все реформы делятся на гражданские и политические. Первые вполне совместимы с абсолютизмом; более того, при наличии твердой воли у монарха-преобразователя сама неограниченность его власти может ускорить процесс реформирования. Вторые, затрагивающие верховную власть, с абсолютизмом несовместимы. Но и в этом случае монарх, осознавший реальную ограниченность номинально неограниченной власти, захочет сделать ее более эффективной и прочной. А этого можно достичь лишь путем законодательного ограничения самодержавия и введения принципа разделения властей при наделении монарха всей полнотой *исполнительной* власти. Таким образом, реформы в стране должны проводиться в два этапа. На первом отменяется крепостное право и проводится ряд реформ сопутствующего характера: судебная, военная, образовательная, административная, местного самоуправления и другие, более мелкие. На втором этапе вводится принцип разделения властей и представительное правление.

Вопросом номер один для Тургенева всегда был вопрос крестьянский. «Если у людей есть понятие *отечество*, – писал он, – если идея соотечественника связана с мыслью о родной земле, то я без колебаний могу сказать, что всегда видел своих соотечественников в крестьянах и особенно в крепостных». В «России и русских» проанализированы два способа отмены крепостного права. Первый – безусловное или личное освобождение. Крестьянин получает свободу плюс то, «чем он обладал, будучи рабом», т.е. «дом, где он живет, домашнюю утварь, лошадей, коров и пр.». Второй способ – так называемый *квалифицированный*, «и состоит он в том, что вместе со свободой крестьянину даруется в собственность или хотя бы в пользование

тот участок земли, который он, будучи рабом, орошал своим потом». Поскольку «освобождение должно не только разбить цепи рабства, но и привить рабам человеческое достоинство», Тургенев заявляет себя сторонником *квалифицированного* варианта. Однако он отдает себе отчет в дополнительных трудностях, которые связаны с наделением крестьян землей. Без проведения ряда сопутствующих реформ такое освобождение будет невозможно, а следовательно, замедлится весь процесс эмансипации. Поэтому следует двигаться постепенно. Сначала крестьяне освобождаются без земли. На практике это сводится «к предоставлению крепостному права свободного передвижения, к разрешению покидать одного господина и отправляться жить на земли другого или же искать занятие для обеспечения своего существования». И лишь затем, по мере проведения сопутствующих реформ, крестьяне могут наделаться земельными участками и становиться полноценными собственниками. Один из существенных аргументов в пользу безземельного (на первом этапе) освобождения – общинное землепользование. Потому что земля, если передать ее крестьянам немедленно, поступит не в личную, а в общественную собственность, и это не решит проблемы частного крестьянского землевладения, не приведет к свободной конкуренции, в которой Тургенев видел неперемненное условие успешного развития не только сельского хозяйства, но и всей экономики страны.

Второй по важности автор «России и русских» считал судебную реформу. И предсказал многие черты будущей реформы 1864 года: введение независимости судей, гласности судопроизводства и института присяжных. Эти преобразования влекут за собой реформу местной администрации. Крестьянам предоставляется возможность участия в мировых судах и местном самоуправлении. Значение последнего все время растет за счет децентрализации власти. Превращение крестьян в полноправных граждан предполагает предоставление им возможности получать образование, что неизбежно вызовет реформу образовательной системы. То же самое касается и армии. Рекрутские наборы перестают быть исключительной повинностью и приобретают всесословный характер. При этом в армии, как и всюду, отменяются телесные наказания и срок службы сокращается до восьми лет.

Завершающий этап преобразований – уничтожение абсолютизма. Отмена крепостного права, реформа суда, местного самоуправления и т.д. должны продвинуть Россию по пути к правовому государству и подготовить ее переход к представительному правлению. Поскольку предполагается, что и политические реформы проводит действующее правительство, то Россия превратится в конституционную монархию наподобие Англии. Царь сам дарует стране конституцию, введет принцип разделения властей и установит избирательную систему. Тургенев выступал сторонником прямого, но не всеобщего избирательного права. Наличие образования и собственности для него – необходимые условия для избирателей. Их общее количество он предлагал ограничить миллионом человек; таким образом, в пятидесятимиллионной России лишь каждый пятидесятый получал право голоса.

Здание реформ увенчивалось представительным правлением; на этом процесс вхождения России в число цивилизованных государств можно было бы считать завершенным. В дальнейшем она должна развиваться вместе с передовыми европейскими странами на условиях свободной конкуренции на внутреннем и внешнем рынке. Все попытки контролировать промышленность или социальные отношения со стороны государства Тургенев считал недопустимыми и вредными. Либеральный принцип *laissez faire* он противопоставлял как стремлению самодержавного правительства вмешиваться во все сферы государственной жизни, так и популярным в тогдашней Европе социалистическим идеям.

Книга «Россия и русские» не имела успеха ни за рубежом, где она свободно продавалась, ни в России, куда проникала контрабандой. А. И. Герцен объяснял это тем, что ее автор «не знал той России, которая развилась после 1825 года. Образ мыслей г. Тургенева, к несчастью, не позволяет понять положение вещей в России». В этом Герцен прав и не прав. Действительно, 1840-е годы, с их ожесточенными спорами западников и славянофилов, с увлечением

интеллигенции немецкой философией, с поисками путей социалистических преобразований и т.д., никак не отразились в этом обширном труде. Однако прошло десять лет со дня его выхода в свет, и Россия, как в дни тургеневской молодости, опять вступила на путь либеральных реформ. Интеллектуальные отвлеченности уступили место практическим устремлениям. Бывший декабрист остро ощутил параллелизм между началами царствований Александра I и Александра II. Только на сей раз его мысли об освобождении крестьян оказались более востребованными, чем в 1810-е годы. В 1858–1859 годах на страницах герценовских изданий «Колокола» и «Голосов из России», а также «Русского заграничного сборника» Тургенев включился в обсуждение конкретных планов крестьянской реформы. По-прежнему полагая, что освобождение крестьян соответствует как их интересам, так и интересам помещиков, он верил, что реформу можно провести с соблюдением интересов обеих сторон. И предлагал для этого выделить крестьянам треть помещичьих угодий из расчета максимум три десятины на тягло. Понимая, что этого недостаточно, Тургенев сознательно идет на занижение крестьянского надела, чтобы стимулировать крестьян арендовать землю у помещиков и тем самым сохранить общее количество прежней запашки. Никакого выкупа ни за землю, ни тем более за собственную личность крестьяне платить не должны. Государство берет на себя компенсацию помещикам их земельных потерь. Для погашения этого долга предлагалось использовать заложенные дворянские имения.

Н. И. Тургенев дождался своего оправдания. Новый царь вернул ему звание русского дворянина и чин действительного статского советника вместе со знаками отличия. Трижды (в 1857, 1859 и 1864 годах) многолетний изгнанник приезжал в Россию. Высшим моментом в его жизни стала реформа 19 февраля 1861 года – событие не менее важное, чем собственная реабилитация. И пусть далеко не все устраивало Николая Ивановича в этой реформе, сам факт уничтожения рабства стал лучшим оправданием всей его жизни. Не случайно общественное мнение воспринимало этого человека как патриарха в деле крестьянской эмансипации. В 1861 году в православной церкви русского посольства в Париже на торжественном молебне по случаю реформы 19 февраля присутствовали два декабриста: Тургенев и не любивший его С. Г. Волконский. Когда подошло время приложиться к кресту, все присутствующие единодушно, включая и Волконского, предложили Тургеневу «прикладываться к кресту первому, как человеку, положившему почин этому святому делу». Присутствующий при этом И. С. Тургенев писал: «Нам редко случалось видеть нечто более умилительное, как Н. Тургенева, предстоявшего с бегущими по щекам слезами в церкви парижского посольства, во время молебна за государя, когда пришло известие о появлении манифеста 19 февраля».

Николай Иванович прожил долгую жизнь. Рожденный в год Великой французской революции, он дожил до Парижской коммуны. Последние месяцы его жизни оказались омрачены не только этой «междоусобной войной». Еще большие опасения внушали ему немецкая оккупация Франции и усиление Германии. С юности сохраняя самые лучшие воспоминания об этой стране, Тургенев всегда желал ее объединения. Однако, дожив до этого события, он с присущей ему проницательностью почувствовал, какая страшная угроза исходит от немецкого объединения. «Я всегда, – писал он Д. Н. Свербееву, – видел в объединенной Германии залог мира европейского. Теперь вижу противное. Немцы подражают Наполеону I, которого всегда справедливо проклинали! Такое разочарование для меня истинно горестно».

Умер Н. И. Тургенев 29 октября 1871 года на своей даче под Парижем. По воспоминаниям Свербеева, «за несколько часов до смерти с жаром он беседовал с доктором о предстоящей реформе во Франции народного просвещения».

Никита Михайлович Муравьев: «Масса людей может стать тираном так же, как и отдельное лицо»

Вадим Парсамов

Никита Михайлович Муравьев (1795–1843) родился в Петербурге в семье известного литератора, педагога и общественного деятеля М. Н. Муравьева. Под его непосредственным руководством и началось домашнее воспитание сына. Особую роль в обучении отводилось истории, в которой М. Н. Муравьев видел собрание нравоучительных примеров, способствующих всестороннему развитию личности. В его изложении истории соединялись характерный для просветителей культ Античности и религиозное морализирование, почерпнутое из Священного Писания. С детства хорошо зная древнегреческий и латинский языки, Никита в оригинале прочел Геродота и Диодора; Плутарх стал его настольной книгой. В пятнадцатилетнем возрасте он перевел «О нравах германцев» Тацита. Античные герои будоражили воображение мальчика, который полностью был погружен в их мир и жил их представлениями. Этому способствовали не только уроки отца, но и сама атмосфера, царившая в доме. В семействе Муравьевых, которое, по воспоминаниям В. А. Олениной, было «совершенно семейство Гракхов», «долго еще повторяли слова Никиты Михайловича еще ребенком. На детском вечере у Державиных Екатерина Федоровна заметила, что Никитушка не танцует, пошла его уговаривать. Он тихонько ее спросил: „Мама, разве Аристид и Катон танцевали?“ Мать на это ему отвечала: „Можно предположить, что да, в твоём возрасте“. Он тотчас встал и пошел танцевать». При всем увлечении «характерами Брута, Гракхов etc.», Муравьев, по словам той же В. А. Олениной, «был нервно, болезненно застенчив и скрытен».

В 1810–1812 годах Никита, углубляя свое домашнее образование, посещал, на правах вольнослушателя, лекции по точным наукам в Московском университете. Война 1812 года подвела черту под детским периодом его жизни. То, что он вырос, Никита Муравьев дал понять сам, причем довольно неожиданным образом. После взятия французами Смоленска он бежал из дома в действующую армию. Этот поступок очень быстро получил широкую огласку и стал одним из символов патриотического воодушевления. Бегство на фронт на первый взгляд не имеет прямого отношения к сугубо гражданскому, домашнему воспитанию. Однако оно очень ярко свидетельствует о его результатах. Проекция книжного воспитания на жизненную ситуацию стала одним из ярких проявлений юношеского патриотизма военных лет.

Война привела Никиту Муравьева в Париж. Он попал туда почти сразу же по завершении наполеоновских «ста дней», когда в стране свирепствовал террор и шли выборы в печально знаменитую «бесподобную» палату депутатов. К сожалению, источники, касающиеся столь важного периода в идейном развитии Муравьева, крайне скудны. Его письма из Франции матери немногословны и касаются в основном бытовых и культурно-бытовых моментов. По ним, в частности, можно судить о распорядке дня и роде занятий: «Здесь я завтракаю в 11-ть часов утра, обедаю в 6-ть и по здешнему обычаю не ужинаю. Всякий вечер почти, когда только хожу гулять по бульвару, имею случай видеть графиню Шувалову, которой удовольствие сидеть в Café Tortoni, у которого и происходит гулянье и куда идут обыкновенно есть мороженое. Я был здесь в опере, в Varieté, и в трагедии видел Talma, который с тех пор, как мы здесь, только один раз играл». В другом письме содержится намек на более серьезные дела: «Я здесь накупил довольно книг и читаю, также абонировался». Но в целом подобный образ жизни: гулянье, театры, чтение книг и т.д. — ничем не отличается от образа жизни в Париже молодых людей, принадлежащих к тому же кругу интеллектуалов, что и Муравьев. Точно так же жили там братья Н. И. и С. И. Тургеневы. Но если последние оставили дневники, по которым мы можем

судить о том, с кем они общались и о чем говорили, то в случае с Муравьевым все это составляет лишь предмет догадок.

В Париже Никита Муравьев остановился в доме бывшего посла в России А. де Коленкура. «Мне дали квартиру, – писал он матери, – у бывшего в Петербурге послом duc de Vincence (Коленкур), отчего издержки мои очень поуменьшились». Как свидетельствует Н. И. Греч, Муравьев нашел в доме Коленкура не только пристанище, но и общество, в которое пригласил его гостеприимный хозяин. «Общество было очень интересное: оно состояло из бонапартистов и революционеров, между прочими приходил часто Бенжамен Констан. Замечательно во Франции постоянное сродство бонапартизма с революцией: синий мундир подбит красным сукном... В этой интересной компании неопытный молодой человек напился правилами революции, полюбил республику, возненавидел русское правление». Воспоминания Н. И. Греча подтверждаются и дополняются воспоминаниями другого, тоже довольно точного мемуариста Ф. Ф. Вигеля: «Случай свел его в Париже с Сизсом и, что еще хуже того, с Грегуаром. Французская революция, точно так же, как история Рима и республик средних веков, читающему новому поколению знакома была по книгам. Все действующие в ней лица унесены были кровавым ее потоком, из них небольшое число ее переживших, молниеподобным светом, разлитым Наполеоном, погружено было во мрак, совершенно забыто».

Таким образом, парижское окружение Муравьева несколько проясняется. Во-первых, это сам хозяин Коленкур, человек близкий к Наполеону и Александру I, знающий немало тайн закулисной политики Франции и России. Во-вторых, это лидер французских либералов Бенжамен Констан. И, наконец, пожалуй, самое удивительное: бывшие якобинцы, чьи имена давно уже стали легендарными, – аббат Сийес и аббат Грегуар. Можно предположить, что именно они, а не Бенжамен Констан, в 1815 году произвели на Муравьева наиболее сильное впечатление. Констан был знаком Муравьеву прежде всего по той сомнительной роли, которую он играл во время «ста дней», и по нашумевшей книге «О духе завоевания и узурпации». Но летом 1815 года Констан находился в очень тяжелом положении: он не знал, чем обернется для него недавняя служба у Наполеона, и готовился эмигрировать из страны. В этих условиях его встреча с Муравьевым вряд ли могла иметь иной характер, кроме мимолетного знакомства. Да и идеи Констан, который негативно оценивал свободу античных республик, не были близки тогда Муравьеву. Другое дело Сийес и Грегуар. Вигель очень точно отметил то впечатление, которое эти люди способны были произвести на Никиту Михайловича, бредившего античными героями. Сама французская революция, пронизанная духом Античности, даже со сравнительно небольшой временной дистанции казалась трагическим и величественным действием. По словам Вигеля, «встреча с Брутом и Катилиной не более бы поразила наших русских молодых людей, чем появление сих исторических лиц, как будто из гробов восставших, дабы вещать им истину. Все это подействовало на просвещенный наукою, но еще незрелый и неожиданный ум Муравьева; он сделался отчаянным либералом».

По возвращении в Россию Муравьев стал одним из учредителей тайного общества «Союз спасения» и прошел весь путь – от ранних организаций до Северного общества включительно, играя на каждом этапе движения ведущую роль. Занявшись практической политикой, большое внимание он уделяет осмыслению уроков Французской революции. Не приемля широко распространенную в среде европейских консерваторов концепцию фатальности революции (то есть представления о ней как о сверхъестественном событии), Никита Михайлович пытается самостоятельно осмыслить ее причины и характер. Появившаяся в 1818 году книга мадам де Сталь «Рассуждения о главных событиях Французской революции» давала обильную пищу для подобных размышлений.

Можно предположить, что именно де Сталь воплощала для будущих декабристов либерализм, хотя формально она не принадлежала ни к одной из либеральных партий Франции. Во всяком случае, декабрист П. Н. Свистунов был убежден, что «слово *libéral* употребила первая

г-жа де-Сталь». Это убеждение, несомненно, отголосок тех разговоров, которые велись в России вокруг ее книги на рубеже 1810–1820-х годов. По количеству откликов у декабристов де Сталь занимает лидирующее положение из всех французских мыслителей. Этому способствовали не столько идеи ее произведений, сколько их емкий и афористичный язык, а также ее присутствие в России в 1812 году. «Рассуждения», подобно грибоедовскому «Горю от ума», разошлись на поговорки, любимой из которых стал знаменитый афоризм «Свобода стара, деспотизм нов».

В Уставе «Союза благоденствия» сформулировано его литературное кредо, один из пунктов которого гласит: «Объяснять потребность отечественной словесности, защищать хорошие произведения и показывать недостатки худых. Доказывать, что истинное красноречие состоит не в пышном облачении незначащей мысли громкими словами, а в приличном выражении полезных, высоких, живо ощущаемых помышлений». Уже в самой этой программе заложена необходимость «образа врага» – писателя, на чьем отрицательном примере можно было бы направлять развитие литературы. При этом чем значительнее будет враг, тем более впечатляющей станет победа над ним и тем авторитетнее покажется иной, «правильный» путь развития литературы. Такой враг сразу нашелся в лице Н. М. Карамзина. Борьба с ним для декабристов имела характер не только политического спора, она стала также формой политической пропаганды.

Легко понять, почему Н. М. Муравьев начал писать опровержение именно на публикующуюся в то время «Историю» Карамзина. Однако почему он при этом внимательно перечитывает и делает злые пометки на полях «Писем русского путешественника» – произведения, которое наверняка им давно прочитано и которое к 1818 году уже превратилось в достояние литературной истории? Вероятно, повод дал сам Карамзин. 27 августа 1818 года историк в письме к П. А. Вяземскому поделился впечатлениями об упомянутой выше книге де Сталь: «М-те Сталь действовала на меня не так сильно, как на вас. Неудивительно: женщины на молодых людей действуют сильнее, а она в этой книге для меня женщина, хотя и весьма умная. Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское платье... Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную, и скорее может упасть, нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее, – как республиканское правление было жизнью Рима. Эксперименты не годятся в таком случае. Впрочем, не мешаю другим мыслить иначе. Один умный человек сказал: „Я не люблю молодых людей, которые не любят вольности; но я не люблю и пожилых людей, которые любят вольность“. Если он сказал не бессмыслицу, то вы должны любить меня, а я вас. Потомство увидит, что лучше или что было лучше для России. Для меня, старика, приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец, и таким умру».

Письмо это не содержит ничего личного и, по сути дела, является открытым вызовом тем, кого Пушкин позже назовет «молодыми якобинцами». И хотя заканчивалось оно выражением стремления к примирению, это не более чем урок терпимости, который Карамзин преподавал своим молодым друзьям. Можно не сомневаться, что содержание письма стало известно не только Вяземскому, – оно наверняка дошло до того «коллективного адресата», которому и было послано. Содержалась там и еще одна важная мысль. Когда Карамзин писал, что для него «приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов», он явно намекал на свое времяпрепровождение в Париже в 1790 году. Тем самым он давал понять молодым людям, что либеральные идеи, которые ими воспринимаются как что-то новое, ему уже давно знакомы, а впечатление от книги мадам де Сталь намного слабее, чем впечатления от Французской революции, увиденной собственными глазами.

Итак, адресат этого письма – круг либеральной молодежи, включающий, кроме Вяземского, младших братьев Тургеневых, А. С. Пушкина, Н. М. Муравьева и др. Эти люди письмо

Карамзина не могли воспринять иначе, как вызов, и, вероятно, Муравьев, приняв его, взялся опровергать карамзинские представления о Французской революции.

Из отрывочных заметок, оставленных на полях «Писем русского путешественника» между 1818 и 1820 годами, можно вполне представить позицию их автора. В сознании Никиты Муравьева, хорошо знавшего все творчество Карамзина, «Письма русского путешественника» и «История государства Российского», несомненно, соединены единой историко-политической концепцией. Спор ведется не столько с Карамзиным-историком (это внешний, хотя и, безусловно, важный план), но с Карамзиным – политическим мыслителем. Муравьев ищет истоки исторических воззрений Карамзина и попутно, «для себя» (только этим можно объяснить их бесцеремонный стиль), делает критические замечания. Раздражение, которое при этом испытывает «молодой якобинец», объясняется не столько несогласием с автором «Писем», сколько «неуловимостью» его концепции. Все было бы намного проще, если бы Карамзин объявил себя ярым противником революции и ее идей, но этого-то как раз и нельзя найти в его произведении.

Сложность отношения Карамзина к революции состоит в том, что оно не могло быть описано ни на одном из существовавших тогда политических языков. Все попытки представить это отношение как реакционное, консервативное или даже консервативно-либеральное не дают никаких результатов. Для Карамзина революция – дело человеческих рук, и она такова, каковы люди, делающие ее. Поэтому вместо готовых оценок читателю предлагается описание революционных событий, человеческих характеров, мнений и т.д. Это особенно раздражало Муравьева, который, как следует из заметок на полях «Писем», видел в начале революции не предвестие грядущих бед, а торжество идей свободы и справедливости.

Революция не кажется Муравьеву фатальным событием. Она – порождение несправедливых социальных отношений. В отличие от Карамзина, он видит здесь не проявление злой воли отдельных людей, а вполне законное сопротивление социальному гнету. Такая точка зрения близка мадам де Сталь, которая показала в своей книге целую систему злоупотреблений и притеснений народа в условиях абсолютной монархии. Особое неприятие у Муравьева вызывает позитивная программа Карамзина, направленная на исправление нравов, а не общества: «Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда наступит век золотой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот». Комментарий: «Так глупо, что нет и возражений». Против сочувственно сентиментального описания королевской четы Муравьев написал: «Какая дичь – как все это глупо». Подчеркнув в «Письмах» слова: «Народ любит кровь Царскую», он делает пометку: «От глупости». Не могла вызвать его сочувствия и явная идеализация старого режима. «Французская монархия, – пишет Карамзин, – производила великих Государей, великих министров, великих людей в разных родах; под ее мирною сенью возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цветами приятностей; бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Но дерзкие подняли секиру на священное дерево, говоря: *мы лучше сделаем!*» Муравьев полемически приписал: «И лучше сделали!», а против всего отрывка – только одно слово: «Неправда». Наибольшее раздражение у него вызвал следующий фрагмент: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку». Подчеркнув эти слова, декабрист написал между ними: «Дурак».

Наблюдая жизнь революционного Парижа, Карамзин прекрасно понимал относительную правду каждой из противоборствующих сторон и не принял ни одну из них. Он стоял выше всех партийных и государственных интересов – «как беспечный гражданин вселенной». Подчеркнув в тексте эти слова, Муравьев написал напротив: «А Москва сгорела!» Этой маргиналией он указал на кажущееся ему противоречие: Карамзин – «гражданин вселенной», пока

речь идет о Франции; но как только затронута Россия, «космополит» становится «патриотом». Однако здесь, как и во многих других местах, обнаруживается явное непонимание или нежелание понять позицию Карамзина, чьи патриотические настроения 1812 года вовсе не противоречили космополитическим убеждениям эпохи Французской революции. Взятие Москвы историк переживал так же тяжело, как и разрушение во время революции французских городов, о чем он писал в письме к И. И. Дмитриеву от 17 августа 1793 года: «Мысль о разрушаемых городах и гибели людей везде теснит мое сердце. Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю человечество!» Москва, взятая и опустошенная французами, включалась в этот же перечень ран, нанесенных человечеству.

Вопреки Карамзину, видевшему прямую связь между просветительскими идеями и якобинским террором, Никита Муравьев эту связь не хотел замечать сознательно. Отвергая как сам принцип монархического правления, так и возможность каких-либо позитивных моментов в этом правлении, он считал неуместным высказывать сочувствие казненной королевской семье. Отрицание самодержавия как такового свидетельствует о том, что свободу Муравьев связывал, в отличие от Карамзина, не с внутренним миром человека, а с наличием государственно-общественных институтов, способных эту свободу гарантировать.

Да и вряд ли по-другому мог думать человек, замышляющий государственный переворот в России. Свою политическую карьеру заговорщика Никита Муравьев начинает с дорогих ему республиканско-тираноборческих идей. В 1816 году он поддержал идею убийства Александра I «партией в масках» (ее выдвинул М. С. Лунин). Через год сам вызывается на цареубийство, а в 1820-м, солидарно с П. И. Пестелем, на двух совещаниях Коренной управы «Союза благоденствия» у Ф. Н. Глинки и И. П. Шипова отстаивает республиканскую форму правления, диктатуру Временного правительства и цареубийство. Но очень скоро в его взглядах происходят изменения. Они вызваны тем, что Муравьев, по его собственным словам, «в продолжение 1821-го и 1822-го годов удостоверился в выгодах монархического представительного правления и в том, что введение оного обещает обществу наиболее надежд к успеху». Причины такого перелома во взглядах, как личного, так и общественно-политического плана, детально проанализировал Н. М. Дружинин. Однако вопрос не только в том, почему менялись взгляды декабриста, но и в том, как это происходило.

Исследователь общественно-политических взглядов свидетельствует о переходе Муравьева на более умеренные позиции; с точки зрения общекультурных представлений можно говорить о смене культурной парадигмы его сознания. Действительно, до 1820 года Никита Михайлович воплощает «римскую модель» культурного поведения. Сама эпоха бурных потрясений и войн, на фоне которых прошли его детство и юность, способствовала воплощению в жизнь высоких книжных образцов. В. А. Оленина вспоминала: «Воспламененный неограниченной любовью к отечеству Цицерона, Катона... потом Римское право, двенадцать таблиц римских (свод римских законов, относящихся к 451–450 годам до н.э. и служивших основой для римского права. – В. П.), римские добродетели и т.д., так разгорячили его сердце и воображение, что он начал писать и начал рефютацією на историю Карамзина, которого он лично не любил». Для более полного понимания личности Муравьева необходимо учитывать, что весь этот «римский» колорит – отнюдь не ходульная поза и не маска, обращенная к обществу, а неотъемлемая часть напряженной внутренней работы.

Если под воздействием античных авторов воспитывались дух патриотизма и идея самопожертвования во имя Отечества, то знакомство с европейской либеральной мыслью порождало представления о правах человека и самодостаточности человеческой личности. На смену римско-республиканскому самоощущению приходит государственно-правовой понятийный аппарат, почерпнутый из изучения конституционного опыта европейских государств и Соединенных Штатов Америки. В отличие от Пестеля, близкого к руссоистской идее безгранично-

сти народного суверенитета, Никита Муравьев больше склонялся к гельвецианскому варианту общественного договора, гарантирующему права отдельного индивидуума перед лицом общей воли. Согласно К. А. Гельвецию, общество – это не «коллективная личность», как считал Руссо, а свободное соединение отдельных индивидуумов, сохраняющих свои права на личное счастье: «Я утверждаю, что все люди стремятся только к счастью, что невозможно отклонить их от этого стремления, что было бы бесполезно пытаться это сделать и было бы опасно достигнуть этого и что, следовательно, сделать их добродетельными можно, только объединяя личную выгоду с общей».

Никита Муравьев не был согласен и с определением свободы, данным Монтескье в его «Духе законов»: «Свобода есть право делать все, что разрешают законы». Его возражение таково: «Разве я свободен, если законы налагают на меня притеснения? Разве я могу считать себя свободным, если все, что я делаю, только согласовано с разрешением властей, если другие пользуются преимуществами, в которых мне отказано, если без моего согласия могут распоряжаться даже моею личностью? При таком определении русский крестьянин свободен: он имеет право вступать в брак и т.д.». Под «свободой» Муравьев понимает прежде всего гарантию естественных, неотъемлемых прав человека, вступившего в общество. Поэтому законы должны соответствовать «совокупности его физических и моральных сил. Всякий иной закон есть злоупотребление, основанное на силе; но сила никогда не устанавливает и не обосновывает никакого права».

И далее он дает свое понимание общественного договора: «Соединяясь в политические общества, люди никогда не могли и не хотели отчуждать или изменять какое бы то ни было из своих естественных прав или отказываться в какой бы то ни было доле от осуществления этих прав... Они соединены и связаны общественным договором, чтобы свободнее и полезнее трудиться благодаря взаимопомощи и лучше охранять личную безопасность и вещную собственность путем взаимного содействия». Полемика здесь ведется не с нарушениями общественного договора, а, напротив, с его слишком радикальной трактовкой. Не принимая разделения «общей воли» и «воли всех», что для Руссо принципиально, Муравьев утверждает: «Масса людей может сделаться тираном так же, как и отдельное лицо». Он явно имеет в виду события Французской революции и представления якобинцев о своей власти как о выражении безграничности народного суверенитета, что либеральными мыслителями истолковывалось как террор толпы.

Свободе личности, вступившей в общество, на государственном уровне соответствует автономность отдельных территориальных образований в составе государства, то есть федерализм. После распада «Союза благоденствия» в 1821 году Никита Михайлович, под влиянием различных факторов, как общественного (обострение политической ситуации в Европе, рост революционного движения, усиление реакции), так и личного свойства (сосредоточение на занятиях хозяйством), оказался на более умеренной политической позиции. Разработанный им в течение 1821–1825 годов проект будущего государственного устройства (Конституции) предполагал разделение России на четырнадцать «держав» и две «области». Столицей должен был стать Нижний Новгород, переименованный в Славянск. «Державы» делятся на уезды, а уезды – на волости. Каждой «державой» управляет свое правительство, представленное независимыми властями: законодательной, исполнительной и судебной. Верховная законодательная власть в государстве принадлежит Народному вече – двухпалатному парламенту, состоящему из Верховной думы, куда входят по три представителя от каждой «державы», и палаты народных представителей, куда посылаются по одному представителю от каждых 50 000 обывателей. Исполнительная власть остается в руках императора. Предусматривались также уничтожение сословий, гильдий и цехов, отмена крепостного права (при сохранении земли в собственности помещиков), сохранение общинного землевладения, введение основных гражданских свобод: слова, печати, вероисповеданий, занятий и передвижения.

Федералистские идеи были популярны и во французской либерально-эмигрантской среде. Основанием для превращения Франции в федеративное государство в глазах либералов служило не столько существование сильно различающихся по языку, обычаям и общественному быту провинций, сколько стремление ослабить власть Парижа над остальной страной и тем самым либерализовать систему государственного управления. Лидеры французских либералов де Сталь и Констан высказывались за умеренный федерализм, при котором отдельные департаменты, сохраняя определенную независимость, в то же время составляли бы единое государство. Таким образом, центральную власть ограничивали бы полномочия местных властей, а последние, в свою очередь, зависели бы от центральной власти настолько, чтобы не появлялось угрозы местных деспотий.

Эти идеи, несомненно, оказали существенное влияние на Н. М. Муравьева при написании им Конституции. Ему, как установил Н. М. Дружинин, «были известны конституции всех 23 североамериканских штатов». И тем не менее он далек от мысли автоматически перенести американскую модель федерализма в Россию. Характерно, что К. Ф. Рылеев, который, по его собственным словам, «всегда отдавал предпочтение Уставу Северо-Американских Штатов», склонял Муравьева «сделать в написанной им Конституции некоторые изменения, придерживаясь Устава Соединенных Штатов». Никита Михайлович не только не воспользовался этим советом, но, напротив, от редакции к редакции все больше ограничивал федеральные права составляющих Россию «держав».

Федерализм интересовал его не как отражение многонациональной реальности Российской империи, а как одна из форм государственной гарантии индивидуальных прав и свобод. При этом вопрос о «правах наций» не ставился вообще. Как справедливо заметил Н. М. Дружинин, «Н. Муравьев очень далек от мысли построить союзное государство на договорах отдельных национальностей». Предполагалось, что, если гарантированы права каждого гражданина в отдельности, в дополнительных гарантиях прав национальностей не возникнет необходимости. Когда Муравьев пишет: «Русскими признаются все коренные жители России», слово «русский» здесь является антонимом слову «иностранец», чей статус особо оговаривается в Конституции. Что же касается национальных меньшинств, проживающих в России, то, называя их «русскими», Муравьев прежде всего уравнивает их в правах с основной частью населения империи. С его точки зрения, это – бесспорное повышение их статуса, а не одна из форм насилия над ними. Из подданных русского царя они превращаются в свободных граждан России. Возможность каких-то коллизий на этой почве автор явно не предусматривал. Иначе трудно объяснить ту непоследовательность, которая отразилась в его Конституции. Сводить это к слепому копированию идей де Сталь и Констан ни в коей мере нельзя: Муравьев был слишком хорошо для этого образован и имел весьма широкий выбор базовых идей для своей работы. Федерализм нужен ему лишь как гарантия прав и свобод отдельной личности. В этом он расходился и с Рылеевым, мыслившим национальными категориями, и с Пестелем, мыслившим категориями государственными.

Расхождения между Пестелем и Муравьевым ознаменовали начало нового этапа декабристского движения, для которого характерна замена идей римского тираноборчества идеями европейских военных революций. При этом замыслы царевубийства как такового не исчезают совсем – они лишь теряют свою книжную привлекательность. Теперь на первый план в «аттентате» выдвигается фигура жертвы – того, кто должен быть умерщвлен; тот, кто совершает убийство, остается в тени. Отныне члены Тайного общества не сами вызываются на царевубийство, а вербуют тех, кто мог бы его совершить. Как правило, поиск ведется либо на периферии декабристских организаций, либо за их пределами. Так родился пестелевский замысел «обреченного отряда»: группа из двенадцати человек, не состоящих в Тайном обществе, истребляет всю царскую семью, включая женщин и детей, после чего общество должно казнить убийц «и объявить, что оно мстит за императорскую фамилию». И хотя подбор этой группы и руковод-

ство ею поручалось кому-то из членов Тайного общества, предполагалось, что в саму группу войдут люди, обладающие качествами наемных убийц. При этом нельзя не заметить: если в «Брутах» Тайное общество не испытывало недостатка, то желающих вступить в «обреченный отряд» не нашлось. А. П. Барятинский, на которого возложили обязанность найти цареубийц, велел передать Пестелю, «что все свицкие офицеры пылают ревностью к цели общества; но сие не означало, чтобы можно было составить из них шайку убийц». А М. П. Бестужев-Рюмин предлагал «для нанесения удара Государю... употребить разжалованных в солдаты». Убийство одного царя теперь уже казалось полумерой. Пестель обдумывал замысел истребления всей царской фамилии, чтобы, как он выражался, «иметь чистый дом». Цареубийство с авансцены Истории переместилось за кулисы политиканства – именно это отпугивало от него многих вчерашних «Брутов». Характерно скептическое замечание Пестеля о С. И. Муравьеве-Апостоле: «Он слишком чист».

Отказ Никиты Муравьева от идеи цареубийства связан с началом его работы над Конституцией. Идея законности очень плохо сочетается с идеей убийства вообще, даже монарха, а система двойных стандартов, которую широко применял Пестель, для Муравьева невозможна. Любое преступление должно караться судом, перед которым равны все граждане, а так как император, по муравьевской Конституции, есть всего лишь «Верховный Чиновник Российского правительства», то он так же подсуден, как и любой гражданин. С другой стороны, цареубийство – такое же преступление против личности, как и любое другое убийство.

Не случайно и то, что Муравьев, который еще недавно высказывался за республику, свою Конституцию создает в монархическом духе. На первый взгляд между республикой и парламентской монархией разница вообще не столь существенна. И там и тут единственным источником власти признается народ, управляющий через своих представителей (у Мабли даже встречается выражение «республиканская монархия»). Однако в контексте тираноборчества различие принципиальное. С республикой, начиная с Античности и до Французской революции XVIII века включительно, ассоциировалась идея цареубийства, в то время как конституционная монархия гарантировала жизнь императору. Мысль о временной диктатуре после революционного переворота Муравьев отставил, как не соответствующую Конституции. Если Пестель допускал нарушение законов и даже кровь при учреждении республики, то Никита Муравьев такой путь исключал. Конституция вводится сразу, как только прекращается самовластие. Будет ли это добровольное согласие царя или же военная революция, не имеет существенного значения. Акцент ставился не на разрушении старого, а на созидании нового. Причем новое должно было зародиться в недрах старого. Подобно тому как Пестель в 1817 году хотел «наперед Энциклопедию написать, а потом уже и к революции приступить», Муравьев считает, что введению конституционного порядка должна предшествовать не диктатура, а широкое обсуждение его проекта Конституции в обществе. Новый порядок родится не в результате смерти старого, а путем его преобразования изнутри: «Мы, безусловно, начнем с пропаганды».

Политическая деятельность Н. М. Муравьева в 1820-е годы постепенно отодвигается на второй план из-за его хозяйственных занятий. После смерти деда по материнской линии, сенатора Ф. М. Колокольцева, оставившего миллионное состояние, тысячи крепостных и десятки тысяч десятин земли в разных губерниях, Никита Михайлович с увлечением принимается за управление этим огромным наследством и очень быстро овладевает современными ему экономическими знаниями. В 1823 году он женится на Александре Григорьевне Чернышевой – одной из самых завидных невест того времени, соединявшей в себе красоту, уникальные душевные качества и богатое приданое. Семья для молодого супруга становится таким же серьезным приложением сил, как политика и экономика. На фоне семейного счастья и успешного ведения огромного хозяйства политическая деятельность начинает все больше его тяготить. Либерально-конституционные убеждения остаются неизменными, но тактика тайных

обществ, стремящихся к военной революции, уже не привлекает Муравьева. Постепенно им овладевает политическая апатия. Летом 1825 года он берет продолжительный отпуск и покидает Петербург в намерении замкнуться в семейном кругу и хозяйственных делах.

Тем не менее после восстания 14 декабря, которое Никита Муравьев не готовил и не одобрял, он был арестован и осужден по 1-му разряду на смертную казнь. По конфирмации казнь заменили двадцатью годами каторги. Вскоре срок заключения был сокращен сначала до пятнадцати, а затем до десяти лет. Александра Григорьевна последовала за мужем в Сибирь. Там у них родилась дочь Софья. Вновь обретенный счастливый мир оказался недолгим: в 1832 году А. Муравьева скончалась в возрасте двадцати восьми лет. Воспитание дочери становится главной заботой декабриста. Благодаря помощи матери в Сибири он не испытывал материальной нужды. В его распоряжении была огромная библиотека, позволявшая вести научную деятельность в самых различных сферах: от чтения лекций по военной тактике товарищам по заключению до внедрения агрономических новшеств в сибирское земледелие.

По выходе на поселение в 1837 году Муравьев избрал местом жительства село Урик неподалеку от Иркутска. Там жил его двоюродный брат и друг М. С. Лунин. Их связывали не только родственные и дружеские отношения. Есть очень много общего и во взглядах этих людей – как на современное положение России, так и на ее прошлое. Одинаковым образом они оценивали также роль тайных обществ в русской истории. Основным занятием Лунина этих лет была публицистика, направленная на опровержение правительственной пропаганды, которая представляла движение декабристов в искаженном виде. Никита Муравьев не только одобрял эту деятельность Лунина, встречающую непонимание в среде многих их товарищей по сибирской ссылке, но и помогал ему своими историческими познаниями. В частности, ему принадлежат обширные комментарии к главному произведению Лунина «Разбор донесения Тайной следственной комиссии». Оба декабриста развенчивают утверждение официального «Донесения» о якобы случайном и подражательном характере тайных обществ в России. С помощью исторических фактов, начиная со времени Ивана Грозного и до вступления на престол Александра I, Муравьев опровергал «ни на чем не основанное мнение, что русский народ не способен, подобно другим, сам распоряжаться своими делами». В Земских соборах он видел зародыш парламентского государства, и если этот путь оказался нереализованным, то причина заключается не в объективном ходе вещей, а в произволе Петра I, «который не собирал Земской Думы, пренебрегая мнением своего народа и отстраняя его от непосредственного участия в своих делах». В этих же комментариях Муравьев впервые в отечественной историографии дал полный перечень дворцовых переворотов в России XVIII века, указав их причины, участников и следствия. В его историко-политической концепции дворцовые перевороты противостоят, с одной стороны, правительственному деспотизму, а с другой – законной борьбе за ограничение самодержавной власти. Они «любопытны во многих отношениях, но прискорбны для русского». Данный экскурс в недавнюю историю призван проиллюстрировать следующую мысль Лунина: «Тайный союз не мог ни одобрять, ни желать покушений на царствующие лица, ибо таковые предприятия даже под руководством преемников престола не приносят у нас никакой пользы и несовместны с началами, которые Союз огласил и в которых заключалось все его могущество. Союз стремился водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному справедливости и разуму». По мнению Муравьева, «тайное общество заполняло пропасть, которая существовала между правительством и народом». В истории России декабристы, с его точки зрения, пытались сыграть такую же роль, что и английские бароны, заставившие короля Иоанна Безземельного подписать 15 июня 1215 года Великую хартию вольностей.

Н. М. Муравьев умер 28 апреля 1843 года, как и его жена, от случайной простуды. «Смерть моего дорогого Никиты, – писал М. С. Лунин, – огромная потеря для нас; этот человек стоил целой академии».

Михаил Сергеевич Лунин: «Для меня открыта только одна карьера – карьера свободы...» Вадим Парсамов

Михаил Сергеевич Лунин (1787–1845) родился в семье богатого и ничем не примечательного отставного бригадира Сергея Михайловича Лунина, типичного хозяйственника-крепостника. Зато его мать, Феодосия Никитична, приходилась родной сестрой выдающегося педагога и литератора Михаила Никитича Муравьева, отца будущего декабриста Никиты Муравьева. В отличие от своего двоюродного брата, Лунин не получил систематического образования. В соответствии с тогдашней модой старший Лунин переложил воспитание сына на гувернеров-иностранцев. Учителями будущего декабриста «были: англичанин Форстер, француз Вовилье, Батю и Картие. Швед Курулф и швейцарец Малерб». От них Михаил получил прекрасное знание иностранных языков и привычку к систематическому самообразованию. Языки для него – не только «ключи современной цивилизации», но и важнейшая религиозно-философская проблема. «Одной из тяжких кар для людей, – напишет он впоследствии, – было смешение языков: „смешаем язык их“ (Быт., 11: 7). И одним из величайших благ был тоже дар языков: „начали говорить на разных языках“ (Деян., 2: 4)».

В бурную эпоху Наполеоновских войн молодежь быстро выросла. Семнадцатилетний корнет кавалергардского полка Лунин принял боевое крещение при Аустерлице. Затем была кампания 1806–1807 годов, орден Св. Анны 4-й степени за Фридрихсбург, производство в поручики и возвращение в Россию. Безумная отвага, проявленная на полях сражений, в мирной жизни обернулась лихими поступками человека, презирающего казенщину и серые будни армейской жизни. О проделках юноши, о его дуэлях, успехах у женщин и т.д. ходили легенды. Но это лишь внешняя сторона, скрывающая упорный и постоянный процесс самообразования. Как вспоминал близкий друг Лунина Ипполит Оже, «усиленная умственная деятельность рано истощала его силы».

Война 1812 года стала новой вехой в боевой биографии М. С. Лунина. Вместе со своим кавалергардским полком он проделал путь от Вильно через Москву в Париж, участвовал во всех крупнейших сражениях на полях России и Европы. По возвращении из Франции принял участие в организации одного из первых тайных обществ в России – «Союза спасения». Деятельность тайного общества в то время представлялась ему не кропотливой работой по формированию общественного мнения, подготовке конституционных проектов и т.д., а возможностью реализации героического типа поведения. Вызываясь в 1812 году отправиться парламентарем к Наполеону и всадить ему в сердце кинжал, теперь Лунин вызывается проделать то же самое с Александром I. А когда замысел царевубийства отклонило большинство членов тайного общества, он покинул Россию и отправился в Европу.

Наднациональное объединение людей на основе каких-либо высших принципов для Лунина всегда стояло выше национального самоопределения. По свидетельству Ипполита Оже, он говорил: «Гражданин вселенной – лучше этого титула нет на свете». Здесь ключ к пониманию культурной позиции молодого человека. Словосочетание *гражданин вселенной* – дословный перевод с французского *citoyen de l'univers*, что, в свою очередь, является калькой с греческого *ὁ ὑποκοῦ πολιτῆς*. В XVIII – начале XIX века эта формула, противоположенная культурной маске «патриота», была широко распространена. Речь, разумеется, идет не о реальном чувстве любви к родине, которое может быть присуще человеку любых взглядов, как западнику, так и русофилу, а о специфике культурного понимания проблемы «свое – чужое». *Патриот* в этом смысле тот, для кого границы между *своим* и *чужим* пространством жестко обозначены, причем истина всегда связывается со *своим*, а *чужому*, соответственно, приписыва-

ваются лживость и враждебность. *Космополит* всегда стремится к снятию перегородок между различными культурами и к установлению единой шкалы ценностей. В отличие от фиксированной точки зрения *патриота*, точка зрения *гражданина вселенной* подвижна. Он может свое пространство воспринимать как *чужое*, и наоборот, в *чужом* видеть *свое*. Отграниченности национального бытия противопоставляется единство человеческого рода.

Понятие «гражданин мира» встречается уже в «Опытах» Ф. Бэкона: «Если человек приветлив и учтив с чужестранцами, это знак того, что он гражданин мира и что сердце его не остров, отрезанный от других земель, но континент, примыкающий к ним». Эти слова написаны в одну из самых мрачных эпох европейской истории, в эпоху религиозных войн, крайней нетерпимости, костров инквизиции, процессов ведьм и т.д., когда образ врага был навязчивой идеей массового сознания. В такой обстановке космополитические идеи звучали как призыв к терпимости и взаимопониманию. Наибольшее распространение они получили во Франции в середине XVIII века. Тогда сложилась так называемая «Республика философов» – небольшая группа людей, говорящая от имени всего человечества с позиций Разума, грандиозным воплощением которого стала знаменитая «Энциклопедия». Для французских энциклопедистов понятия «философ» и «гражданин вселенной», по сути, тождественны. В этом они идут непосредственно от античной традиции, в частности от Диогена Синопского, который на вопрос, откуда он, отвечал: «Я гражданин мира». Одним из проявлений французского просветительского космополитизма стало восхваление Англии – традиционного врага Франции. Британия с ее всемирной торговлей и колониями воспринималась как мировая держава, провозглашающая общечеловеческие ценности. Не случайно одно из значительных произведений английской литературы XVIII века называется «Гражданин мира». Автор этого романа О. Голдсмит возводил идею мирового гражданства к Конфуцию: «Конфуций наставляет нас, что долг ученого способствовать объединению общества и превращению людей в граждан мира». Примером практического космополитизма в романе могут служить слова англичанина, который пожертвовал 10 гиней французам, находящимся в английском плену во время Семилетней войны: «Лепта англичанина, гражданина мира, французам пленным и нагим».

Ближайшая к Лунину космополитическая традиция – «Письма русского путешественника» Карамзина, с их основным тезисом: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами». Призывая людей к терпимости, автор отстаивал свое право быть вне политических лагерей и партий, наблюдать, а не участвовать. Покидая революционный Париж, он писал: «Среди шумных волнений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной; смотрел на твоё волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры и не спорил».

Однако *гражданин вселенной* Лунин в 1816 году далек от «беспечного гражданина вселенной» Карамзина, мирного путешественника, открывающего свою Европу. Его настроению в большей степени отвечали бунтарские идеи другого космополита – голландца по происхождению, прусского барона по социальному положению и французского революционера по убеждению Анархарсиса Клоотса. Во время праздника Объединения, 14 июля 1790 года, Клоотс явился перед Национальным собранием во главе костюмированной процессии, представляющей народы мира, и провозгласил себя «главным апостолом Всемирной республики».

Считая, что бунт – это священная обязанность каждого, Лунин верит в возможность быстрого освобождения человечества. При этом не имеет особого значения, где бороться за свободу: в Южной Америке или в России. Первое даже предпочтительнее, так как более соответствует общечеловеческим устремлениям Лунина. Его космополитизм окрашивается в «испанские» тона: «Для меня, – говорит он Ипполиту Оже, – открыта только одна карьера – карьера свободы, которая по-испански зовется *libertade*». Понятно, что такой «испанский» космополитизм вызывает соответствующие ассоциации у романтически настроенного собесед-

ника: «Это был мечтатель, рыцарь, как Дон-Кихот, всегда готовый сразиться с ветряною мельницей».

Однако до Южной Америки Лунин так и не добрался. С осени 1816-го по весну 1817 года он живет в Париже, занимается литературной деятельностью (пишет по-французски роман «Лжедмитрий»), посещает парижские салоны, общается с иезуитами, революционерами, с еще мало тогда известным Сен-Симоном. Полгода в Париже значительно расширили политический и общекультурный кругозор молодого человека. Идеи царубийства и быстрого государственного переворота в России теряют в его глазах свою привлекательность. В то же время он не видит возможности в России вести открытую политическую деятельность. Интерес к Франции, явно подогреваемый политическими и католическими симпатиями, все время растет. Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Лунина, если бы не внезапная смерть отца весной 1817 года, заставившая его срочно вернуться в Россию.

Оставаясь членом тайного общества, Михаил Лунин принял участие в организации «Союза благоденствия» в 1818 году, стал членом Коренной управы и участвовал в совещаниях 1820 года. Однако его голоса в спорах о путях будущего устройства России, судьбе царской семьи и т.д. не слышно. Все, что непосредственно касается государственного переворота, обсуждается в его присутствии, но без его активного участия. Его роль в тайном обществе в начале 1820-х годов фактически свелась к приобретению станка «с той целью, чтобы литографировать разные уставы и сочинения Тайного общества и не иметь труда или опасности оные переписывать». В связи с этим нельзя не отметить, что широкое распространение политических идей в обществе для Лунина становится важнее конспиративной деятельности, направленной на государственный переворот.

В 1822 году М. С. Лунин возвращается на военную службу. Это решение он сам прокомментировал на следствии: «Я действовал, по-видимому, сообразно правилам Тайного общества, но сокровенная моя в том цель была отдалиться и прекратить мои с тайным обществом сношения». Лунин определился в Польский уланский полк, дислоцирующийся в Слупске. И прослужил там до мая 1824 года, когда был переведен в Варшаву с назначением командиром эскадрона Гродненского гусарского полка. В Варшаве его и арестовали 9 апреля 1826 года. Суд вынес Лунину приговор по второму разряду: пятнадцать лет каторги. Впоследствии срок сократили до десяти лет.

Как глубокий и оригинальный мыслитель М. С. Лунин проявился в полной мере лишь в Сибири. Во многом его сибирские сочинения стали итогом внутренних размышлений, начавшихся в Париже и продолжавшихся на протяжении последующих лет. Как и в молодости, он исходит из идеи единства мировой цивилизации и считает, что «истины не изобретаются, но передаются от одного народа к другому, как величественное свидетельство их общего происхождения и общей судьбы». Однако теперь романтическое бунтарство молодости отступает перед трезвым анализом правительственного курса: «Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам. Единственное оружие мое – мысль, то в ладу, то в несогласии с движением правительственным, смотря по тому, как находит она созвучия, ей отвечающие», – пишет он в одном из сибирских писем.

«Испанское» понимание свободы сменяется английским правовым сознанием. Не вооруженная борьба за свободу, а последовательное отстаивание прав человека с опорой на существующее законодательство и его постепенное усовершенствование становятся основой новой политической программы Лунина. Не признавая за Россией особенного пути развития и в то же время осознавая ее правовую отсталость от европейских стран, он не без иронии переводит английские политические понятия на язык российской действительности: «Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник, находящийся на поселении... В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции». Различие между Россией и Англией соответствует различию между положением сибирского узника и члена британского парламента.

Однако из того, что английские оппозиционеры заседают в парламенте, а русские томятся в Сибири, еще не следует, что о последних нельзя рассуждать в системе английской правовой мысли.

«В английской печати, – пишет академик М. П. Алексеев, – декабристов в то время чаще всего изображали как просвещенных офицеров из дворян, воодушевленных идеями западного конституционализма. В стране, достигшей более высокой ступени политической зрелости, полагали английские публицисты, выступление декабристов носило бы характер не вооруженного восстания, но скорее парламентской петиции или обращения к монарху». Именно в таком духе М. С. Лунин пытается представить декабризм европейской общественности. Он много говорит о законности и закономерности появления тайных обществ в России и незаконности суда над их членами. При этом свой «Разбор донесения Тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году» пишет на русском, французском и английском языках и просит сестру доставить текст за границу Н. И. Тургеневу для публикации, явно рассчитывая на поддержку европейского общественного мнения. В расчете на помощь Тургенева Лунин декларирует общность его взглядов на декабризм со своими. Как и Тургенев, он связывает возникновение тайных обществ в России с либеральными намерениями Александра I: «Право Союза опиралось также на обетах власти, которой гласное изъяснение имеет силу закона в самодержавном правлении. „Я намерен даровать благотворное конституционное правление всем народам, провидением мне вверенным“ (Речь императора Александра на Варшавском сейме 1818 года). Это изречение вождя народного, провозглашенное во услышание Европы, придает законность трудам Тайного союза и утверждает его право на незыблемом основании».

Как и Н. Тургенев, М. Лунин отказывается видеть состав преступления в своих действиях и действиях своих товарищей. Однако если для Тургенева этот аспект является основным, так как служит (или должен служить) его оправданию, то Лунина меньше всего волнует личная судьба. Из идеи законности декабризма вытекает идея его закономерности и неизбежного торжества провозглашенных декабристами принципов: твердые законы, юридическое равенство граждан, гласность судопроизводства, прозрачность государственных расходов, ликвидация винных откупов, сокращение сроков военной службы, уничтожение военных поселений и т.д. Все меры были направлены на то, чтобы сравняться с «народами, находящимися в главе всемирного семейства», т.е. англичанами и французами, но при этом «охранять Россию от междоусобных браней и от судебных убийств, ознаменовавших летописи двух великих народов» (имеются в виду казни Карла I и Людовика XVI. – В. П.).

Лунин тщательно разбирает «Донесение Следственной комиссии», анализирует проекты правительственных реформ, ставит под сомнение законность приговора, вынесенного декабристам. И все это – с позиций европейской общественно-политической и правовой мысли, причем без всякой выгоды для себя, без всякого желания оправдаться в чем-либо или же, наоборот, досадить правительству. Он ведет себя так, как будто действительно находится в английском парламенте, а не в далекой Сибири и как будто не его судьба зависит от правительства, а, наоборот, историческая участь Николая I и его министров зависит от того, какой приговор вынесет им сибирский ссылный.

Ощущение собственного превосходства над петербургским двором Лунину давали два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что «выдающиеся люди эпохи оказались в сибирской ссылке, а ничтожества во главе событий». Во-вторых, убежденность в том, что «влияние власти должно в конце концов уступить влиянию общественного мнения». На себя декабрист смотрит как на выразителя общественного мнения. На этом основано его противопоставление себя – человека себе же – политическому деятелю: «Как человек, я всего лишь бедный изгнанник; как личность политическая, я являюсь представителем системы, которую легче упразднить, чем опровергнуть».

Принадлежность к определенной политической системе для Лунина служит критерием, позволяющим отличить истинного политика от «политика поневоле» (перефразировка мольеровского «лекаря поневоле»). При этом важно, чтобы система не была единственной. Более того, она только тогда имеет смысл, когда ее представители «восстанавливают борение частей, необходимое для стройного целого... Именно диссонанс в общей гармонии prepares и создает совершенное согласие». В политике таким диссонансом является оппозиция. Как оппозиционер, Лунин отстаивает принципы европейского буржуазного права перед лицом отечественного беззакония: «В нашем политическом строе пороки не злоупотребления, но принципы», т.е. речь идет о порочности самой политической системы. В его глазах это скорее плюс, чем минус, так как изменить систему в целом проще, чем бороться с отдельными злоупотреблениями. Поэтому «появление принципов порядка было бы тем более заметным и успешным». В этом отношении опыт Англии Лунину представляется наиболее продуктивным, так как «англичане заложили основы парламентского правления».

В «Розыске историческом» М. С. Лунин проводит широкие исторические параллели между Россией и Англией, исходя из общности исторического пути, по которому идут все европейские страны. Движение декабристов он сравнивает с событиями в английской истории начала XIII века, когда, под давлением английских баронов на короля Иоанна Безземельного, была подписана знаменитая Великая хартия вольностей: «Общество озаряет наши летописи, как союз Рюнимедский бытописания Великобритании». Отсюда делается малоутешительный вывод: «В несколько веков нашего политического быта мы едва придвинулись к той черте, от которой пошли англичане». Историческими фактами, почерпнутыми из истории Англии и России, Лунин подробно обосновывает этот тезис. В Сибири у него под рукой был многотомный труд английского историка Дж. Лингарда «История Англии от первого вторжения римлян» на английском языке, из которого он брал фактический материал, давая ему собственную интерпретацию.

Отсчет английской свободы Лунин начинает от Великой хартии вольностей, которая делит историю страны на две полярные части: рабство и свобода. Исследователя больше интересуют события, которые происходили до принятия Великой хартии. Чтобы подчеркнуть правовую отсталость современной России от цивилизованного мира, декабрист уподобляет ее Англии XII века. «В правление англосаксов англичанин на базаре... стоил 4 пенни; но эта цена изменялась, возвышаясь иногда до 3-х манкузов, до серебряного фунта и до золотой Иры... Поселяне с семействами и со всяким имуществом были собственностью лордов. Последние могли произвольно дарить или продавать их... В обыкновенных принудительных местах судопроизводство было источником доходов для правительства и судей. Тяжбы длились иногда по несколько царствований сряду и решались обыкновенно в пользу того, кто больше давал... Граждане не могли ни выезжать из королевства, ни оставаться за границу по делам своим сколько было нужно, без особенного королевского повеления... Когда Генрих III требовал, чтобы бароны собрались в его совет, они отказались, потому что важнейшие места в королевстве розданы были иностранцам, и король более доверял честности последних, чем любви собственных подданных. Эдмон, епископ Терберийский, сопровождаемый важнейшим духовенством, пришел к королю и объявил, что англичане не хотят быть попираемы ногами иностранцев в своей родной земле»...

Такое подробное описание потребовалось Лунину для того, чтобы показать, в каком положении находится Россия в XIX веке и насколько она отстала от Европы: «Эти черты британских летописей сходны с тем, что видим вокруг себя. Русских продают и покупают по разным ценам; дарят, закладывают в кредитных заведениях... Наши тяжбы так же продолжительны и так же разорительны. Лучшее право у нас на звание судьи – одряхлеть в военных и морских чинах, без всякого знания законов и даже русского языка... Без дозволения прави-

тельства русские не могут ни выехать из государства, ни жить за границею... Главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное».

Если прошлое Англии есть настоящее России, то ее настоящее есть будущее России: «История должна... путеводить нас в высокой области политики. Наши учреждения очевидно требуют преобразований». Первую попытку таких преобразований с опорой на западноевропейский конституционный опыт, как считает Лунин, предприняли декабристы. Их принадлежность к высшему сословию наложила на них обязанность «платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий», т.е. быть защитниками народных интересов, ибо в силу своей просвещенности они осознают их в большей степени, чем сам народ. Подспудно здесь присутствует еще одна параллель с Англией: Великая хартия вольностей подписана по настойчивой воле английской знати в интересах всего народа.

Лунин всячески подчеркивает мысль, что дело тайного общества «было делом всей России». Считая восстание 14 декабря ошибочным и случайным явлением, ретроспективно он видит конечную цель тайного общества не в свержении самодержавия, а в закреплённом конституцией договоре дворянства, представляющего народ, с монархом. Основанием для этого являются обещания самого Александра I «даровать конституцию русским, когда они в состоянии будут оценить пользу оной». Поэтому задача декабристов заключалась не в подготовке восстания, а в том, чтобы заставить царя выполнить свое обещание, т.е. в подписании документа, подобного Великой хартии.

Своеобразие лунинского англофильства заключалось в стремлении соединить английскую конституцию с католицизмом. Существенным аргументом здесь является то, что Великую хартию приняли в период торжества католической веры. Среди причин, способствовавших нравственному и политическому развитию Англии, Лунин называет католичество, «которое всюду было источником конституционных принципов» и обеспечило «национальные свободы». (Судя по всему, имеется в виду период «реставрации Стюартов», которая прошла под знаком католицизма, а под национальными свободами, скорее всего, подразумевается Habeas Corpus Act.) Он особо подчеркивает, что «в Англии конституция сложилась много раньше 16-го столетия, в лоне католической церкви. Когда Великобритания от нее отделилась, все три власти были независимы, фиск и армия зависели от согласия общин и лордов и т.д. и конституционная монархия уже существовала... Протестантская революция в пользу республики потерпела поражение». Для Лунина протестантизм исключает демократический путь развития («Он потерпел неудачу в республиканских странах»). Республика в Англии не установилась именно потому, что революция носила протестантский характер и уже в силу этого не могла принести позитивных результатов. Конституционная монархия существовала до революции и вскоре была снова восстановлена. Из этого следует, что политические институты, сформированные «в лоне католической церкви», оказываются прочнее протестантских нововведений.

Анализируя польское восстание 1830–1831 годов, Лунин осуждает поляков за незаконное сопротивление незаконным действиям властей и в качестве прецедента ссылается на опыт Англии. По его мнению, поляки должны были относиться к своей конституции так же, как англичане – к Великой хартии: «Великой хартии присягали и подтверждали ее 35 раз, и, несмотря на это, она была поправа Тюдорами. Однако и в ту политически незрелую эпоху англичане, чтобы защитить ее, не взялись за оружие. Они оценили важность самих форм свободного правления, даже лишенных того духа, который должен их одушевлять; они вынесли гонения, несправедливости, оскорбления со стороны власти, лишь бы сохранить эти формы и дать им время укорениться».

Опыт Великобритании подсказывал мысль о возможной перспективе русско-польских государственных отношений. Не будучи сторонником ни самостоятельного существования Польши как государства, ни ее растворения в составе самодержавной империи, Лунин считает наиболее приемлемой моделью те отношения, которые связывают Англию и Шотландию.

«Может ли Польша пользоваться благами политического существования, сообразными с ее нуждами вне зависимости от России? – Не более чем Шотландия или Ирландия вне зависимости от Англии».

Свое пребывание в Сибири М. С. Лунин расценивает не как катастрофу или печальное следствие политических заблуждений, а как результат сознательного выбора. Свои «Записные книжки» (в оригинале «Exegèses») он открывает латинской фразой: «Я возлюбил справедливость и возненавидел несправедливость, поэтому я в изгнании». Источник не указан, однако он легко устанавливается. Это слова папы Григория VII, потерпевшего поражение в борьбе с императором Генрихом IV.

«Ключевым словом христианина, – пишет Анри де Любак, – должно быть не „бегство“, но „сотрудничество“. Христианин призван, трудясь вместе с Богом и людьми, участвовать в осуществлении дела Божия в мире и человечестве. Цель для всех одна, и, лишь стремясь к ней, не проигрывая в одиночку собственную эгоистическую партию, он может приобщиться к окончательному торжеству. Найти свое место в общем спасении: *in redemptione communi* (в общем искуплении)». Эти слова способны стать ключом к лунинскому пониманию соотношения религии и политики. Свой долг христианина он видит в отстаивании принципов законности и порядка в политической и общественной жизни. Вовсе не считая себя при этом одиноким борцом с общественной несправедливостью, хотя в реальных условиях его сибирского заточения именно так оно и было. Вопреки вынужденной изоляции он рассматривает свою миссию как часть общего дела. Руководствуясь высокими примерами Церкви в лице ее святых, Лунин строит свою личность по канонам католической святости. Любимым его чтением в Сибири становится «Acta sanctorum» («Жития святых») – многотомное издание болландистов, растянувшееся на несколько веков. «Мы заблуждаемся, – заносит он в „Записную книжку“, – когда отвергаем пример святых, считая его для нас непосильным. Илия был такой же человек, как мы, подверженный тем же страстям, говорит апостол Иаков. Илия был человек, подобный нам (Посл. Иак. V. 17)».

В то же время как политик Лунин воодушевляется примерами античных героев, подвергшихся тяжелому наказанию, но не павших духом. И делает выписки из сочинений античных авторов о тех, кто даже в изгнании продолжали служить своему отечеству. Правда, следуя их примеру, он делает различие между материализмом язычников и духовными устремлениями христианина: «Последним желанием Фемистокла в изгнании было, чтоб перенесли остатки его в отечество и предали родной земле; последнее желание мое в пустынях Сибирских – чтоб мысли мои, по мере истины в них заключающейся, распространялись и развивались в уме соотечественников».

Политическая борьба и католицизм сливаются для него в конечном итоге в идеале мученичества, которым, по замыслу, должен был завершиться его жизненный путь. М. С. Лунин сознательно шел навстречу уготованной ему гибели. В ночь с 26 на 27 марта 1841 года он был арестован и отправлен в одну из самых страшных тюрем империи – Акатуй. Ему давно уже стали чужды заботы сегодняшнего дня, которыми жило большинство его товарищей. Чем более суровые требования предъявлял к себе Лунин, тем выше становилась стена непонимания, отделяющая его от вчерашних единомышленников. Идея мученичества, последовательно воплощаемая им в жизнь, встретила не меньше толков среди его товарищей по заключению, чем его католицизм.

И. И. Пущин писал И. Д. Якушкину 30 мая 1841 года: «Лунин сам желал быть martyr (мучеником), следовательно, он должен быть доволен. Я и не позволяю себе горевать за него. Но вопрос в том, какая из этого польза и чем виноваты посторонние лица, которых теперь будут таскать?» Слово «мученик», написанное по-французски, выделяется как «чужое слово», взятое автором из лунинского лексикона и указывающее на дистанцированное отношение к нему Пущина. Якушкин отвечал более резко: «Он хотел быть мучеником; но чтобы мочь и

хотеть им сделаться, нужно было бы прежде всего быть способным на это. По хорошо известным причинам этого никогда не будет у Лунина. Государственный преступник в 50 лет позволяет себе выходки, подобные тем, которые он позволял себе в 1800 году, будучи кавалергардом; конечно, это снова делается из тщеславия и для того, чтобы заставить говорить о себе». С такой оценкой не согласился князь С. П. Трубецкой: «Тщеславие не может заставить человека желать окончить свой век в тюрьме, тогда как религиозные понятия могут возбудить желание мученичества. И я полагаю, что в Луине было что-нибудь подобное».

М. С. Лунин и его оппоненты живут в различных измерениях, и у каждой стороны своя правда. Легко понять беспокойство Пущина за «посторонних лиц». Однако для Лунина, являющего собой высокий образец религиозного и гражданского служения, жизнь меряется другими критериями. Он живет в согласии с собственным пониманием свободы и счастья, которые имеют для него абсолютный смысл, не связанный с сиюминутной реальностью. Свобода соединяет человека с обществом, она внутренне присуща общественному развитию, так как, в терминологии Лунина, является «органической идеей» и в силу этого рано или поздно одержит неизбежную победу над деспотизмом. Свободным можно быть только в свободном обществе. Религиозным коррелятом свободы является счастье. Оно не зависит ни от каких внешних обстоятельств. Поэтому счастливым можно быть везде. Более того, в условиях физической несвободы (заключения, ссылки), ощущение счастья даже возрастает, так как ограничение общественных отношений усиливает связь человека с Богом – то единственное, что способно дать человеку счастье. Эта проблема становится одной из центральных в сибирских сочинениях Лунина. «Удивительное дело, – пишет он сестре, – как постепенно приходит счастье! чем ближе конец моего пути, тем более попутен мне ветер... Истинное счастье – в познании любви к бесконечной истине».

Поскольку высшая Истина неподвластна ограниченному рассудку человека, он познает ее через относительные истины, в которых она проявляется. «Положительные истины превышают человеческий разум. Мы постигаем их только отчасти, видим гадательно, как сквозь тусклое стекло (1 Кор., 13: 12). Впрочем, нужно только знать, есть ли они или нет. Для этого мы имеем свидетельства, которые суть относительные истины. Свидетельства ведут к... распознаванию истинной церкви». При этом относительные истины даже при видимом противоречии друг другу не перестают быть свидетельствами истины абсолютной. Главное заблуждение протестантов «не в том, что они следуют чему-то ложному, а в том, что следуют одной истине, отвергая другую». Одним из примеров противоположных истин, приводимых Луниным, является следующее умозаключение: «Католическая церковь непогрешима – люди, к ней принадлежащие, грешны. Эти истины противоположны, но друг друга не исключают».

Истина и счастье не даются человеку в готовом виде, но могут быть обретены везде, где совершается необходимая внутренняя работа и где человек руководствуется высокими примерами церковной истории. В борьбе с собственными страстями, в очищении души от всего земного Лунин выковывал свою личность. И чем тяжелее становились внешние условия, тем ощутимее становились результаты: «Тело мое страдает в Сибири от холода и лишений, но дух, освободившийся от сих жалких пут, странствует по равнинам вифлеемским, делит с пастухами их бдение и вместе с волхвами вопрошает звезды. Всюду нахожу я истину и всюду – счастье».

Политические идеи М. С. Лунина освящались его религиозностью, а вера получала оправдание его политической деятельностью. При этом он никогда не связывал будущее благополучие России с распространением католицизма. Это привело бы к построению очередной религиозно-философской утопии. Между тем сознание Лунина глубоко реалистично. Осуждая зависимость религии от политики, он в то же время не стремится к установлению и обратной зависимости, что делает его мысль свободной и необычайно гибкой. Поиск истины для него важнее построения законченной идеологической схемы. Это рельефно выделяет лунинские идеи на фоне современных им религиозно-философских и социально-политических систем.

Четыре года длилось акатуйское заключение. Редкие письма, которые Лунину удавалось пересылать Волконским, свидетельствуют о том, что душевная бодрость и работоспособность его не покидали. В одном из писем к Марии Волконской он пишет о своей прекрасной физической форме: «Здоровье мое находится в великолепном состоянии, и силы мои вместо того, чтобы убывать, кажется, увеличиваются. Я поднимаю без усилия девять пудов одной рукой». Поэтому последовавшая вскоре смерть немолодого, но полного жизненных сил человека навела современников и потомков на мысль о ее насильственном характере.

Михаил Александрович Фонвизин: «Рабство есть главное условие несовершенства нашего общественного состава...»

Вадим Парсамов

По биографии М. А. Фонвизина (1788–1854) можно не только изучать основные вехи российской истории конца XVIII – первой четверти XIX века, но и проследить генетическую связь «удивительного поколения» (А. И. Герцен) с их непосредственными предшественниками. Родной дядя Михаила Александровича, знаменитый драматург и политический деятель Денис Иванович Фонвизин, оставил после себя замечательный памятник раннего российского либерализма «Рассуждение о неперемennых государственных законах» – один из первых в истории России конституционных проектов. Этот документ после смерти автора перешел к его младшему брату Александру Ивановичу, а уже от него – к его сыну-декабристу. Благодаря Михаилу Фонвизину он получит распространение среди членов тайных обществ. Никита Муравьев, переработав «Рассуждения» в соответствии с новыми политическими условиями, сделает их одним из важнейших агитационных произведений декабризма.

Образование Михаила Александровича было типичным для дворянской интеллектуальной среды, из которой он происходил: сначала домашнее обучение, затем учеба в немецком Училище св. Петра в Петербурге, затем – в пансионе при Московском университете и, наконец, свободное посещение университетских лекций. С 1805 года, то есть с начала кампании против Франции, Фонвизин – участник всех военных походов, включая и русско-шведскую войну 1808–1809 годов. В перерывах между сражениями будущий молодой офицер прилежно и много читает. Среди любимых авторов – Монтескье, Рейналь и Руссо; позже, на следствии, он заявит, что именно у них заимствовал «свободный образ мыслей». Пройдя через все сражения, побывав во французском плену, куда он попал за месяц до окончания войны, Фонвизин вернулся на родину в чине полковника и в должности командира егерского полка. Отечественная война 1812-го и заграничные походы 1813–1814 годов придали его взглядам освободительную направленность.

1816 год открыл декабристскую страницу в биографии М. А. Фонвизина. Штабс-капитан его полка и член «Союза спасения» И. Д. Якушкин принял его в недавно созданное тайное общество. Через всю жизнь, включая двадцать семь лет заключения, каторги и ссылки, Фонвизин пронесет чувство благодарности Якушкину. Спустя много лет, досрочно покидая Сибирь, он поклонится в ноги своему старинному другу – за то, что когда-то тот «принял его в тайный союз». Как выяснится на следствии – и Фонвизин это сам подтвердит, – он был «в числе деятельнейших членов тайного общества». Его фамилию следователи поместят на первое место в списке членов Коренного совета «Союза благоденствия».

О специфике фонвизинского декабризма следует сказать несколько слов. В отечественной историографии много десятилетий велась бесплодная полемика о том, либералами или революционерами были декабристы. Теперь она потеряла актуальность. С современной точки зрения, в декабризме выделяются два направления. Одно ориентировано на заговор и захват власти, другое – на широкую филантропическую деятельность и организацию общественного давления на правительство. Впрочем, при необходимости и «филантропы» могли согласиться на насильственные меры по отстранению самодержца от власти, но они никогда не считали их ни главными, ни определяющими в своей практике. Фонвизин, для которого тайная история России XVIII века, с ее дворцовыми переворотами и политической изнанкой, составляла часть семейных преданий, негативно относился к любому насилию. В 1817 году он остужал пыл сво-

его друга Якушкина, готового убить императора и себя вместе с ним. И позже он высказывался против цареубийства: «Ни в каком случае цель не освящает средства». Мечтая о конституционном строе и уничтожении рабства в России, Фонвизин принадлежал к тем, наиболее активным, членам «Союза благоденствия», которые не желали ждать, пока революционный переворот осчастливит всех, и предпочитали оказывать реальную помощь конкретным людям. На их языке это называлось «практической филантропией». Они собирали средства и выкупали талантливых крепостных крестьян, учили солдат в казармах читать и писать, предавали гласности случаи судебного произвола, а некоторые из них, как, например, И. И. Пущин, шли в судейские и судили людей по совести и закону. Об их честности ходили легенды.

В декабристской историографии утвердилось ошибочное представление, будто в январе 1821 года на московском съезде «Союза благоденствия» (который, кстати, проходил в доме Фонвизина), «Союз» был распущен и вместо него образовались Южное и Северное общества. Новые общества действительно возникли (правда, Северным и Южным их назовут позднее), но не вместо «Союза благоденствия», а параллельно с ним. На это время приходится одна из самых ярких акций в истории «Союза» и, пожалуй, в политической биографии Фонвизина. Неурожай 1820 года в ряде центральных губерний обернулся страшным голодом весной 1821-го. Крестьяне, по свидетельствам очевидцев, «ели сосновую кору и положительно умирали с голода». Власти, как всегда в подобных ситуациях, не могли ничего поделать. Тогда члены «Союза благоденствия» организовали сбор средств. Фонвизин, не добившись толка от московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, вместе с Якушкиным отправился в районы бедствия и через знакомых помещиков, среди которых также нашлись члены «Союза», организовал реальную помощь пострадавшим. Характерно, что не факт голода, а помощь голодающим со стороны частных лиц вызвала обеспокоенность правительства. Министр внутренних дел В. П. Кочубей доносил царю: «Я слышал, что когда в Москве была открыта подписка для помощи крестьянам, то некоторые лица, вероятно с целью очернить правительство, пожелали пожертвовать большие суммы и подчеркнуть этим его мнимое участие». Александр I, уже получивший к тому времени донос на членов тайных обществ (имя Фонвизина упоминалось в нем едва ли не чаще других), сразу понял, чьих рук это дело. Размах филантропической деятельности пугал царя больше, чем угроза заговора: «Эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства; в прошлом году, во время неурожая в Смоленской губернии, они кормили целые уезды». Известный генерал А. П. Ермолов, у которого Фонвизин во время войны служил адъютантом, назвав его «величайшим карбонарием», заметил о царе: «Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он вас так боится, как бы я желал, чтобы он меня боялся».

В 1822 году Михаил Александрович, женившись на своей дальней родственнице Наталье Дмитриевне Апухтиной, вышел в отставку и поселился у себя в имении. Новое направление тайных обществ его не привлекало, хотя он по-прежнему продолжал считать себя членом «Союза благоденствия». Осенью 1825-го возобновились его контакты с тайным обществом; он присутствовал на московском совещании, где обсуждалось намерение А. И. Якубовича убить царя. Фонвизин отнесся к этому замыслу резко негативно и, как показывал Н. М. Муравьев на следствии, готов был даже выдать его правительству, если бы поверил в его серьезность. Все московские декабристы с напряженным вниманием следили за событиями, вызванными кончиной Александра I. Когда восстание на Сенатской площади потерпело поражение и до Москвы дошли известия об этом, они еще на что-то рассчитывали, какое-то время им казалось, что не все потеряно. Как и многим членам тайных обществ, внезапная смерть царя представлялась Фонвизину благоприятным моментом для смены государственного строя, и это тревожное время они переживали вместе.

Его арестовали позже других. 30 декабря у следствия собралось достаточно доказательств о принадлежности Фонвизина к тайному обществу, но только 3 января было принято решение

об аресте. Верховный уголовный суд так ничего и не смог инкриминировать обвиняемому, кроме того, что в его присутствии велись разговоры о цареубийстве, которое он никогда не одобрял. Но и этого оказалось достаточно, чтобы приговорить его к двенадцати годам каторги; позже срок сократили до восьми лет. Наталья Дмитриевна, оставив двоих детей матери, весной 1828 года приехала к мужу в Сибирь. По окончании каторги Фонвизины сначала были поселены в Енисейске, в 1835 году переведены в Красноярск и, наконец, в 1838-м осели в Тобольске, где провели пятнадцать лет. Здесь жизнь супругов, претерпевших немало трудностей и испытаний, вошла в нормальное русло. К неугасаемому чувству, которое их связывало, добавились материальный достаток, семейный очаг и т.д. В этот период, наполненный напряженной интеллектуальной работой, Михаил Александрович сформировался как политический и социальный мыслитель, публицист и историк. В его сибирских произведениях отчетливо противопоставляются две смысловые парадигмы: политическая и социальная. В рамках каждой из них одни и те же вопросы нередко имеют различное решение; в первую очередь это касается основной для декабриста, как и для многих отечественных мыслителей, проблемы «Россия и Запад».

В кругу политических сочинений Фонвизина главное место занимает «Обозрение проявлений политической жизни России», написанное на рубеже 1840–1850-х годов: «Много обдумывал я события, которые здесь представил». По жанру это сложный сплав исторического исследования, публицистического трактата и мемуаров. Внешним толчком к созданию «Обозрения» послужила «Философская и политическая история России» французов Эно и Шеншо. В основу их произведения, не имеющего самостоятельного научного значения и написанного не знающими русского языка авторами, легла «История России» Левека и французский перевод «Истории государства Российского» Карамзина. Вероятно, оно оживило в памяти Фонвизина старые споры декабристов вокруг карамзинской концепции русской истории: не случайно практически все «Обозрение» посвящено полемике с запиской Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Главная идея записки, как известно, заключается в утверждении самодержавия как спасительной силы российской истории: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием». В «Истории государства Российского» и в цитируемой записке Карамзин исходит из того, что Древняя Русь со своими исторически сложившимися институтами «мудрого самодержавия» была вполне европейской страной и при этом отличалась большей самобытностью, чем вся послепетровская Россия – подражательная и мало похожая на европейское государство. Сохраняя в целом это противопоставление Древней Руси как европейского государства и новой России как идущей по ошибочному пути политического развития, Фонвизин насыщает его иным содержанием.

В политической истории России он выделяет три основных периода. Первый – домонгольский, когда «русские были на высшей степени гражданственности, нежели остальная Европа». Европейскому феодализму противопоставлена политическая и гражданская свобода России: «Общинные муниципальные учреждения и вольности были в древней России во всей силе, когда еще Западная Европа оставалась под гнетом феодализма». «Рабство политическое» и «рабство гражданское» возникли «постепенно и насильственно, вследствие несчастных обстоятельств». Под этими обстоятельствами подразумевается монголо-татарское нашествие. Но и после нашествия в стране сохранялось относительно свободное политическое устройство: «Дух свободы живуч в народах, которых он когда-нибудь одушевлял, не вовсе замер он и в наших предках даже и под игом татар».

Второй период русской истории определен как аристократический; это «подтверждается формулой, которою начинались все правительственные акты того времени: *бояре приговорили, и царь приказал*». Если древнее вече являлось, по Фонвизину, выражением воли *всего* народа, то боярская дума и земские соборы выражали интересы в первую очередь боярства. Но вме-

сте с тем «бытие в России государственного собора, или земской думы, имеет характер чисто европейский – никогда ничего подобного не бывало у народов Азии, оцепенелых в своей тысячелетней неподвижности». Итак, Россия сначала опережала Европу, потом, отстав из-за монголо-татарского ига в сфере просвещения, еще какое-то время оставалась европейской страной в плане государственного устройства.

Настоящий деспотизм распространяется в третий исторический период, открывающийся петровскими преобразованиями. Европеизация страны, проводимая Петром, по мнению автора «Обозрения», была лишена внутреннего содержания и направлялась лишь на увеличение материальной силы государства. «Дух законной свободы и гражданственности был ему, деспоту, чужд и даже противен». В этом отношении «Петр Великий едва ли не уступает отцу своему, который, по крайней мере, оставил России Уложение – кодекс, и по сию пору имеющий силу».

Всю русскую историю от Петра I до восстания декабристов Фонвизин рассматривает как борьбу правительственного деспотизма со стремлением установить конституционное правление. Поэтому ключевые моменты послепетровской истории таковы: попытки верховников ограничить власть Анны Иоанновны при ее вступлении на престол, конституционный проект Д. И. Фонвизина «Рассуждение о непременных государственных законах», заговор против Павла I. События, связанные с «Рассуждением» Д. И. Фонвизина, его племянник излагает по семейным преданиям; в этом отношении его свидетельства приобретают характер исторического источника. Как своего рода попытка запоздалой реализации этого конституционного проекта излагается и убийство Павла I. В этом событии выделяются две линии. Одна связана с корыстными интересами дворянства, опасавшегося за свое личное положение, другая – с защитой интересов государства. Ее представляют организаторы заговора П. А. Пален и его идейный вдохновитель Н. П. Панин, племянник знаменитого Н. И. Панина. Им Фонвизин приписывает стремление ввести конституционное правление.

И, наконец, наиболее подробно в «Обозрении» рассмотрены либеральные начинания Александра I. Автор высоко оценивает моральные качества царя: «Нельзя не удивляться, что Александр, воспитанный бабкою своею, Екатериною II, зараженной неверием энциклопедистов, и посреди сладострастного и равнодушного к вере двора, всю жизнь свою сохранил религиозные убеждения и истинную набожность». Фонвизин не сомневается в его искренней приверженности к либеральным идеям своего времени и стремлении преобразовать «азиатскую деспотическую державу... в правильную европейскую монархию». Доказательство тому – серия политических мероприятий, начиная с деятельности «Негласного Комитета» и до Варшавской речи 1818 года, в которой царем декларировалось намерение «даровать благотворное конституционное правление всем народам, вверенным провидением моему попечению».

Изменения во внутренней политике объясняются изменениями в политике внешней. Считая, что начало войны России против наполеоновской Франции в 1805 году не являлось необходимостью и было вызвано «честолюбивыми желаниями военной славы» молодого Александра, Фонвизин вместе с тем показывает, что во внешней политике вплоть до 1815 года он руководствовался либеральными идеями. Ситуация изменилась с образованием Священного союза и с возрастающим влиянием на русского царя политической системы Меттерниха. (Автор «Обозрения» так характеризует австрийского канцлера: «Один из самых хитрых и глубоких политиков, но абсолютист и аристократ в душе, враг политического прогресса и свободы народов».) Постепенно это влияние стало сказываться и на внутренней политике Александра I. Этим объясняется расхождение (превратившееся в противостояние) членов тайных обществ и правительства в России.

Декабризм рассматривается в книге как прямое продолжение реформаторских намерений царя: «в первые годы царствования Александра I он, конечно, не задумался бы объявить себя главою Союза благоденствия». Под «Союзом благоденствия» Фонвизин понимает тайное

общество, возникшее в 1817 году вместо «Союза спасения» и существовавшее до 1825 года. Об изменениях, произошедших после Московского съезда «Союза благоденствия», говорится нарочито неопределенно, практически все сведено лишь к усилению конспирации: «Членам его предписано было поступать осторожнее в самой пропаганде, избегать всякой переписки по делам Союза, а ограничиваться одними устными сообщениями чрез путешествующих членов и вообще стараться покрывать существование Союза непроницаемой тайною». Восстания 14 декабря 1825 года в Петербурге и 29 декабря – 3 января 1825–1826 годов на юге Фонвизин склонен объяснять ситуацией междоусобицы, нелюбовью военных к великому князю Николаю Павловичу, т.е. довольно случайными или субъективными обстоятельствами, не связанными с предшествующим движением. В этом, как и в оценке декабризма в целом, автор почти полностью солидарен с М. С. Луниным и Н. И. Тургеневым. Для изложения именно такой версии событий у него, как и у его товарищей, имелись серьезные причины. Главная – нежелание мириться с тем, что потомство будет судить о них по тенденциозному «Донесению Следственной комиссии», сделавшей все, чтобы представить декабристов заговорщиками, не имеющими корней в родной истории и стремящихся исключительно к царевубийству. Опровергая эту точку зрения, Фонвизин, как Лунин и Тургенев, старается вписать декабризм в контекст русской истории и показать его связь с реформаторскими намерениями предыдущего царя. При этом он остается в рамках чисто политического решения проблемы свободы и соотношения России и Европы. Свобода для Фонвизина, как и в годы декабристского движения, ассоциируется в первую очередь с конституционным устройством государства, а Западная Европа – с нормальным путем политического развития. Политический же строй России признается аномальным, тяготеющим к восточному деспотизму. Этот взгляд малооригинален; более интересным представляется то, что вполне традиционные представления увязаны здесь с социальными вопросами, которым в декабристский период внимания практически не уделялось.

Почти все идеологи декабризма (пожалуй, за исключением одного Н. И. Тургенева) проекты социального переустройства России подчиняли проектам переустройства политического. В этом не следует усматривать какую-то ограниченность русских мыслителей и политиков александровской эпохи. Такого рода представления объясняются переходным характером революционного и постреволюционного периодов во всей Европе. Социальные последствия Французской революции XVIII века, в отличие от политических, сказались не сразу. Бурная эпоха Наполеоновских войн, тяжелый и во многом неясный период Реставрации, сопровождавшийся быстрой сменой политических курсов и программ, – все это замедляло установление стабильного порядка. Только Июльская революция 1830 года позволила увидеть новые социальные проблемы и поставить их в центр общественной мысли. Именно с этого времени социализм как идейное течение быстро распространяется по Западной Европе и начинает проникать в Россию. Живущий в Сибири декабрист не остался в стороне от этих новых веяний. Его изолированное положение, конечно, замедляло знакомство с новейшими социальными теориями, зато он был более свободен в их оценках и анализе.

В статье Фонвизина «О коммунизме и социализме» (1849–1851) дано иное, по сравнению с его же «Обозрением политической жизни в России», понимание проблемы «Россия – Запад». Если в политическом и гражданском отношениях самодержавная и крепостническая Россия отстает от конституционной Европы, то в социальном плане у нее имеются определенные преимущества, объясняемые различием исторических путей России и Европы. В результате изучения современного ему устройства европейских государств и чтения социальной литературы Михаил Александрович приходит к выводу, что установление политических свобод само по себе не гарантирует ни справедливого внутреннего устройства, ни социальной стабильности. Его отношение к социалистическим и коммунистическим идеям двойственно. С одной стороны, он согласен с критикой современного буржуазного строя: «Нельзя не признать основательными упреки их, что везде общество находится не в нормальном состоянии, что

интересы страждущего большинства во всех землях принесены в жертву благосостоянию меньшего числа граждан, которые, по положению своему в обществе, богатству, образованности, если не по праву, то существенно составляют высшее сословие, участвующее в правительстве и имеющее решительное влияние на законодательную, исполнительную и судебную власти». С другой стороны, позитивная часть социалистического учения, направленная на преобразование общества, вызывает у него скепсис: «Это несбыточные мечты-утопии, которые не устоят перед судом здравой критики».

Эпиграфом к статье взяты слова В. Гюго: «Если вы хотите победить социализм, то лишите его смысла существования». Иными словами, Фонвизин, понимая гибельный путь социализма, предлагает не бороться с ним репрессивными мерами, а устранить его исторические причины. Питательную среду для распространения социалистических идей, представляющей главную угрозу социальному порядку, Фонвизин видит в европейском пролетариате: «Пролетарии – эти жалкие бездомники, по большей части почти без религии, без правил нравственности, почти одичавшие... ненавидя настоящий порядок общества, не обеспечивающий ни их настоящее, ни будущее, только и жаждут ниспровержения всего существующего, надеясь в социальном перевороте обрести улучшения своей бедственной участи». Генезис европейского пролетариата усматривается в феодализме, точнее, в истории развития феодальных городов, пользовавшихся относительной свободой и внутренним самоуправлением и предоставлявших убежище селянам от притеснения их со стороны феодальных сеньоров. Попадая в города, эти люди, лишенные собственности, становились городской чернью. В их среде и зарождался современный пролетариат.

В России феодализма не было, и сельское население, живущее общиной, всегда преобладало над городским. Следовательно, в России нет почвы для образования пролетариата. «Станный, однако, факт, может быть, многими и не замеченный – в России, государстве самодержавном и в котором в большом размере существует рабство, находится и главный элемент социалистических и коммунистических теорий (по пословице: *les extrêmes se touchent* [крайности сходятся, *фр.*]) – это право общего владения землями четырех пятых всего населения России, т.е. всего земледельческого класса: факт чрезвычайно важный для прочности будущего благосостояния нашего отечества».

Для Фонвизина община – способ избежать социалистических преобразований. Подобно тому как прививка содержит в себе гомеопатические дозы того вируса, от которого ее делают, община «защищает» организм русского народа от заражения его коммунистическими идеями. То, что на Западе социалисты пытаются создать искусственным путем, в России существует в естественном, историческом виде. Таким образом, если главная проблема Европы заключается в том, чтобы избежать социалистической революции, главная проблема социального переустройства России по-прежнему заключается в отмене крепостного права.

Происхождение крепостного права Фонвизин, вслед за профессором Дерптского университета И. Ф. Г. Эверсом, относит к эпохе монголо-татарского нашествия: «Крепостное состояние земледельцев в России есть одно из тех мрачных нравственных пятен, которые наложены на наше отечество в бедственную эпоху монгольского владычества». Это ошибочное положение привело и к тенденциозному истолкованию законодательства Московской Руси (Судебники 1497 и 1550 годов) как направленного на облегчение участи крестьян путем предоставления им права свободного перехода в Юрьев день от одного помещика к другому. В действительности же речь шла не о раскрепощении, а о закрепощении крестьян. Однако для Фонвизина, считавшего, что крепостное право может и должно быть отменено только сверху, важно найти прецеденты в родной истории. Утверждая, что «крестьяне окончательно прикреплены к земле» в царствование первых Романовых – Михаила и Алексея, – он объясняет это не только действиями правительства, но и «тем апатическим равнодушием, до которого доведен был народ продолжительным рабством под игом татар».

Полагая, что «рабство есть главное условие несовершенства нашего общественного состава», Фонвизин разрабатывает программу отмены крепостного права, явно рассчитанную на правительство Николая I. Судя по всему, со времен, предшествующих декабристскому восстанию, в его взглядах на проблему освобождения крестьян произошли существенные изменения. Большинство идеологов декабризма видели решение крестьянского вопроса в чисто политической плоскости. По их мнению, достаточно объявить крестьян свободными, чтобы сами собой установились справедливые социальные отношения и Россия превратилась в развитую экономическую страну. Отсюда проекты и попытки безземельного освобождения крестьян Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева, И. Д. Якушкина. Пожалуй, один только Пестель понимал, что решение крестьянского вопроса лежит как в политической, так и в социальной сфере.

Освобождению крестьян, считает Фонвизин, должны предшествовать социальные преобразования в деревне, проведенные правительством. Понимая, что освобождение крестьян с земель может задеть имущественные интересы дворянства, он предлагает ряд мер, способных, по его мнению, компенсировать дворянству материальные потери, а также обеспечить «сохранение его политического значения». Правительству следует, в продолжение известного времени, «скупить по вольной цене всех находящихся в дворянском владении крестьян и дворовых людей с землями, на которых они поселены». Гарантией того, что освобождение крестьян не приведет к массовой пауперизации, служит общинное землевладение. «Упрочится навсегда благосостояние многочисленного класса земледельцев уравниванием купленных крестьян с государственными, имеющими в России общественное право владения землями, принадлежащими не частным лицам, а государству: важное, существенное преимущество нашего отечества пред другими европейскими народами, изнемогающими под бременем многолюдного класса бездомников (*prolétaires*)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.